

Шалум ШАЛУМОВ

ПОЭТ-БУНТАРЬ
МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ
СИБИРИ (СИБИРСКИЙ)
1860-1925

ПРАВДОЛЮБЕЦ, НАРОДНЫЙ ЗАСТУПНИК,
ПОЭТ-КЛАССИК ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

СТИХИ, ПЕСНИ, ХВАЛЫ ЭПИТАФИИ

Издание второе, дополненное

ИЗРАИЛЬ - 2013

Уважаемые читатели!

Буду рад услышать ваши отзывы об этой книге.

Мой телефон: 054-7516422

Эл.почта: shalum_shalumov@mail.ru

Шалумов Шалум

Издание второе, дополненное

Шалумов Ш.А

Поэт-бунтарь Мардахай Овшолум Сибири (Сибирский) 1860-1925: стихи, песни, хвалы, эпитафии / Шалум Шалумов; [дизайн Э.Алиев, худ. Ш.Шалумов] - Израиль: издательский дом «Мирвори», 2013, - 272 стр.: ил.

ISBN 978-965-7448-19-9

Книга Шалума Шалумова рассказывает о жизни и творчестве легендарного Мардахая Овшолума Сибири. Существенное отличие данного повествования от всего, написанного о личности поэта-бунтаря ранее, заключается в том, что автор – племянник поэта (сын его родного брата - Овшолума), а, следовательно, информацию о нём получил из «первых уст». Читатель сможет познакомиться также со стихами Мардахая Овшолума на горско-еврейском языке (джуури) и с их переводами на русский язык, выполненными автором данной книги.

ISBN 978-965-7448-19-9

© Издательский дом «Мирвори», 2013

© Шалумов Ш. А., 2013

*Светлой памяти
сына Антона и брата Бениягу
посвящается*

Письмо – отзыв на первое издание и пожелания на второе издание этой книги литературоведа, к.ф.н., ст. научного сотрудника ДНЦ Галины Бенъяминовны Мусахановой (в сокращении).

Дорогой Шалум Авшалумович!

Ваша книга оказалась для меня психологически очень трудной, неожиданно трудной, своими пронзительными эмоциональными акцентами, проникающими в душу.

Прежде всего, примите моё искреннее соболезнование в связи с Вашей Великой утратой! Храни Вас Бог, чтобы Вы смогли посвящать светлой памяти Вашего Сына ещё много новых своих работ!

А эта Ваша книга заслуживает большой благодарности! Воспринимаю её как свежее слово в нашей культуре в целом! Это интересное исследование, отмечающее все сложные перипетии судьбы поэта-бунтаря из Дербента, выразителя народных интересов горских евреев, Мардахая Овшолума, и свидетельствующее о Ваших глубоко научных принципах, что для меня стало неожиданным открытием.

Мне не приходилось читать такой яркой работы, свободной от наших комплексов «единомыслия» по истории нашей литературы и, в частности, о её ведущих фигурах, обретающих пока всё ещё формы стандартных жизнеописаний. Пожалуй, из всех предшествующих (ещё малочисленных) работ, посвящённых персоналиям, выделяется книга Амалдана Кукуллу, изданная в Москве в 1995 г., с которой перекликается Ваша работа. Помню в 1990 г. в Москве восторженный рассказ Амала о своих Дербентских записях и его удивление любовью земляков и их доброй памятью о своём поэте.

Наверно, Ваш рассказ о знакомстве с Амалом в Москве у книжного магазина и о том, как в Израиле попало Вам в руки подлинное фото Классика, было, как говорится, Божьим промыслом! Воистину: «Кто ищет, тот всегда найдёт»!

Мне очень понравилась Ваша высокая оценка его вклада в сбор, изучение и публикацию произведений нашего Поэта, восторженным почитателем которого он стал. Ваша же работа, опубликованная почти через 15 лет после его книги, естественно, уже выполнена на другом уровне. Вы от начала до конца своего труда поддерживаете этот уровень, о чём свидетельствует Ваша полемика с двумя, как Вы их назвали, на-

шими «литературными авторитетами» (вполне узнаваемыми). При всей Вашей тактичности, она получилась очень поучительной и определяющей с самого начала своеобразие Вашего труда.

Вся система приведённых фактов из жизни Героя книги, подлинного Поэта-Гражданина, страстная убедительность Ваших доводов, опровергающих суждения этих «авторитетов», необычность жанра исследования, его композиции, привлечение ценных материалов, которые до этого не были столь глубоко осмыслены с научной точки зрения, не говоря о своеобразии языка и стиля изложения и прекрасном художественном оформлении и многое другое, наглядно убеждает в том, что на современном этапе лучше Вас никто не разбирается в истории жизни и смерти нашего Поэта, обозначившего своим творчеством рождение новой письменной культуры горских евреев конца XIX – начала XX вв., вплоть до 20-х советских годов. Вам удалось проникновенно рассказать о его величественной и трагической судьбе, внося много необходимых уточнений.

Несмотря на пропажу рукописей Поэта, о чём Вы рассказываете с болью, и отсутствие некоторых звеньев и подробностей его биографии, Вы сумели создать живой и объёмный образ подлинного Героя, мужественного человека, чьи произведения жили и живут и в устном виде в нашем народе вот уже почти 150 лет.

Действительно, богатырское здоровье, сила духа и любовь к своему народу и к жене Нергюз, которой посылал пламенные строки, позволили ему пережить многократные ссылки в Сибирь, откуда он умудрялся вырываться домой, за что был прозван «Сибирским» (Сибири) и принять участие в 1919 г. уже немолодым человеком в борьбе за народную власть, как ему (и нам всем потом) казалось.

Горько сознавать, что в этот период, когда наступал для него этап вдохновенного творчества, он был предательски убит!

Ваша отповедь обоим «авторитетам» в серьёзных изъянах их версий, намеренном искажении продолжительности поэтической биографии Классика и сокрытии ими причины гибели Поэта, справедливы. Я вас очень хорошо понимаю.

Ваш термин «классик» действительно узаконивает его роль в развитии новых демократических черт нашей литературы.

Все разделы книги хорошо отражают новаторскую сущность Вашей работы.

Остановлюсь на последнем разделе исследования, кстати, самом большом, теперь представляющим «Золотой фонд» творчества Мардахая Овшолума, где собраны все произведения его, записи которых были осуществлены в разные годы восторженными почитателями его талан-

та, нашими известными поэтами разного поколения: Даниилом Атниловым (1915-1968), Амалданом Кукулиевым (1937-2000), Борисом Гавриловым (1908-1961), Семёном Юсуфовым (1914-1985). Светлой им памяти! А Вам низкий поклон!

Этот исторически значимый раздел вновь подчёркивает принципиальное различие в осмыслении жизни и гибели нашего известного Поэта Вами и теми двумя «авторитетами»!

Вы стремитесь к истине, к восстановлению Правды о жизни и гибели Классика, самое главное – стремитесь восстановить основной «корпус» его произведений с возможной полнотой! А они стремятся «застолбить» свои имена в исследованиях знаменитого Классика, интерес к которому не пропадает в нашем народе.

Вы не задумывались, почему старший в этом «тандеме» авторитетов так и не опубликовал собранный им материал по творчеству Классика, работая в нашем Институте до войны, хотя бы как это осуществил Данил Атнилов после возвращения с фронта?

Любопытна в этом отношении его позиция, проявившаяся при издании Институтом его книги «Фольклёр тати» (Эн джуурун догъи) в 1940 г. В книге 193 стр. После его очень обширного предисловия «Пушой гофи», представлены большие разделы наших сказок, колыбельных песен, пословиц и поговорок, приводятся и азербайджанские «доброжелания», бытующие в нашем народе. Значительную часть сборника составляют материалы досоветского периода. В самом конце книги без названия приводятся 13 четверостиший Классика, известных теперь как цикл «Перед судом», затем после трёх точек публикуются ещё 2 четверостишия той же темы, но без внятной информации об авторе.

В предисловии, где даётся полная информация о составе книги и её авторах, которыми записаны публикуемые произведения, Мардахай Овшолум вообще не упоминается! В «Комментариях» в конце книги читаем опять безликую последнюю фразу: «Метелегъо, мэгънигъой хэйтогъии, эз мэгънигъой Мердэхей, ве хубо воегъо нуувъусте оморет эдестин М. Дадашев ве Хь.Авшалумовевоз», с.193.

Здесь явная попытка скрыть свою связь с этим автором, хотя он знал все его произведения наизусть, в чём я убедилась в середине 70-х годов у него дома, когда он весь вечер с большим вдохновением декламировал их. В ту пору я очень дружила с ним и его женой, а потом «раздружились» навсегда из-за начавшейся фальсификации им и его компанией нашей истории.

Ваша работа, обнаружившая не только Ваш исследовательский дар, ориентированный на современные методы литературной науки, но и Вашу художественную многодарённость, стала для меня приятным сюрпризом.

Вы предстаёте не только серьёзным исследователем, публицистом,

достаточно умелым переводчиком Классика на русский язык, но и талантливым иллюстратором и художником. Приложенные в конце книги снимки дают представление о тематическом и жанровом разнообразии Ваших полотен, тяготеющих и к классическим формам реализма и к модным теперь экспериментам с цветовой гаммой рисунка, порой у некоторых авторов, на мой взгляд, зашкаливающих до потери здравого смысла. Часто нельзя понять, что этими цветовыми пятнами на картине хотел рассказать автор. Их «концептуальность» до меня не доходит!

А у Вас всё понятно, при всей замысловатости сюжета многих работ, данных порой с юмором. Сюжет их можно пересказать. Интересны и Ваши сатирические типы. Впечатляют Ваши гобелены, плакаты, батик, совсем новый для меня вид искусства по шёлку, требующий огромной сосредоточенности, мастерства и терпения.

Приложенная в конце книги необходимая краткая автобиографическая справка очень помогает знакомству с Вами, этапами Вашей жизни и пониманию Ваших художественных пристрастий, в хорошем смысле слова.

Прекрасно оформлен и титульный лист, но уже с Вашим эмоциональным обращением к читателям, которым презентуете свой труд, с добрыми пожеланиями на русском языке и на иврите, данном в замечательном символе евреев – интересно оформленном медальоне в виде открытой ладони с пятью пальцами.

Вы ушли от необходимости объяснения своего утверждения о том, что Мардахай Овшолум творил на «джуури». Этот термин действительно вошёл в современную науку с обозначением лишь названия нашего еврейско-татского языка, в отличие от языка исконных татов (давно слившихся с азербайджанцами), подобно терминам «идиш» для названия языка европейских евреев и «ладино» – для испаноязычных евреев. Все эти термины обозначают «еврейский язык», на котором изъясняются между собой евреи той или иной общины.

Вопрос о древнееврейском алфавите, которым пользовались наши первые поэты, Мардахай Овшолум и Шаул Симанду, остался необозначенным. Оба поэта творили на диалекте дербентских азербайджанцев, очень отличающемся от языка высокой поэзии в самом Азербайджане, заложенного корифеем тюркоязычной поэзии, великим Мухаммедом Физули (1494-1556).

И известный представитель дагестанской литературы, старший современник наших обоих поэтов, представитель Южного Дагестана, лезгин Гасан Алкадари (1834-1910), большой знаток арабо-письменной культуры и сам творивший на арабском языке, свою историческую книгу «Асари Дагестан» создал на диалекте азербайджанского языка, близкого языку наших двух поэтов. В то же время и творчество наших

обоих поэтов, создававших свои произведения на диалекте азербайджанского языка, как и произведения Сулеймана Стальского, не стали фактами азербайджанской литературы.

Наши оба автора творили в традициях «ашугской поэзии», отражая пробуждение личности трудового человека, втянутого со своим Дербентом в общекавказский и общероссийский процесс конца XIX – начала XX вв.

...Вдруг только сейчас поняла, почему зафиксировал этот важный аспект, Вы ограничились лишь постановкой вопроса! Не имея ни одного подлинного текста Мардахая Овшолума в связи с пропажей его рукописей, Вы не смогли продолжать эту тему!

На примере рукописей Шаула Симанду можно более утвердительно говорить о древнееврейской графике их произведений, и об их отличие в этом плане от их известного безграмотного современника, лезгина Сулеймана Стальского, получившего в начале 30-х гг. широкое признание, особенно после Первого Всесоюзного съезда писателей СССР в Москве в сентябре 1934 г. Его громкая слава родилась не без поддержки первого секретаря Дагестанского обкома партии Дж. Коркмасова.

Наши оба поэта такой поддержки не имели. Более того, в изданном в июне 1934 г. к Первому съезду писателей Дагестана первом коллективном сборнике «Шогьиргьой тати» под редакцией главного лидера тех лет Ехила Мататова (он же – автор обширного предисловия), этим двум нашим поэтам была посвящена лишь одна фраза, вычеркнувшая их из рядов советских литераторов и отнесшая к фольклору.

Тогда уже не было в живых самого Мардахая Овшолума, а Шаул Симанду, вероятно, не смог противостоять этой характеристике боевого лидера нашей народности.

Кстати, этим фактом можно объяснить и «боязливость» составителя книги «Фольклор тати», о чём я упоминала раньше.

Один перечень имён их современников чего стоит! Вместе они представляют Золотой фонд нашей культуры! И какие разные таланты! Для меня святы их имена! Это был настоящий творческий взлёт нашей письменной культуры! Ведь потом все они будут вычеркнуты из нашей истории. Поэзия будет развиваться в русле политических агиток и призывов!

Одобряю Ваше стремление сделать этот раздел типологически близким всей письменной культуре народностей Дагестана той эпохи, перечисляя подобные фигуры дагестанской литературы. Но Вашу книгу не знают в научном мире Дагестана. Надо позаботиться, чтобы она стала доступна и нашей науке.

В нашем институте ЯЛИ ДНЦ РАН сейчас развёрнута большая

работа по исследованию почти всех, даже бесписьменных, языков, а наш язык – один из первых пяти литературных языков, остаётся без исследователя...

Лидер горских евреев, отлучивший от литературы Мардахая Овшолума и Шаула Симанду, будет возмущаться на страницах нашей газеты «Захметкеш» появлением на них (например, в 1933) нескольких произведений любовной лирики, по его утверждению, «отвлекавших колхозников от трудового энтузиазма накануне сельскохозяйственных работ». Ему будет вторить и молодой лидер горских евреев Азербайджана, упрекая двух выдающихся наших молодых талантливых литераторов из Дербента, выступавших под псевдонимами, в безыдейности.

И всё-таки на этом фоне доносов, изгнания свободно мыслящих людей, в нашем народе продолжала жить полная трепетных человеческих чувств поэзия Мардахая Овшолума, его лирика «разума и сердца», о чём свидетельствовал огромное количество записей его песен, собранных Амалом Кукулиевым в 1965 г. в Дербенте. Я с этими записями познакомилась в начале 90-х. Поэтому повторяю: надо обязательно все «добротные» новые труды, издающиеся там у вас, присылать сюда! Иначе они не будут фактом для научной общественности Дагестана.

Наши соплеменники из Азербайджана, живущие в Израиле, имеют более тесные творческие связи со своей Родиной, чем наши горские евреи из Дагестана. Это и понятно: там и правительство и земляки совершенно иначе себя ведут.

Несколько человек здесь из наших соплеменников, сделавших карьеру на искажении нашей истории, рекрутирующие своих сторонников, к сожалению, до сих пор влияют на этот «микроклимат» в Дербенте и в целом в Дагестане. Остаётся ощущение, что руководители республики отдали на откуп этой «группе» нашу историю, сбросив с себя всякие беспокойства по этому поводу!

Теперь о некоторых Ваших переводах. Почему-то моя душа не принимает Ваш перевод из известного письма-стихотворения Мардахая Овшолума «О моём Дербенте». Во втором четверостишии в третьей и четвёртой строках:

«Э сер ранглуе сумогъгьо – медальоном разноцветных красивых ковров
Поисди Дербенд – Ватан ме – Стоит Дербент – древний город родной».

У Атнилова звучит гораздо поэтичнее на нашем языке. Ваш «медальон» нарушает весь ритм стиха Атнилова. Есть такие «натяжки» и в других стихах Поэта. Всё это, конечно, не с подлинников сделано, о чём Вы и все мы сокрушаемся.

Ваша работа очень нужна, особенно теперь, когда горские евреи рассеялись по многим странам на четырёх континентах мира! Слышала, что уже и в Австралии живёт небольшая группа наших людей, сохраняя любовь и верность своим кавказским корням!

(Далее Г.Б. Мусаханова делится своими размышлениями о поисках потомков человека, который, возможно, забрал рукописи Мардахая).

Ещё раз желаю Вам здоровья, долголетия и исполнения Ваших творческих планов! Худо кумек (Бог в помощь) Вам во всём!

*С глубоким уважением, Ваша Галина Мусаханова.
5 марта 2010 г. Махачкала*

**Отзыв научного сотрудника отдела иудаики и этнографии
Музея Израиля д-ра Лии Микдаш-Шамаиловой
на выход книги «Легендарный Мардахай Овшолум
Сибири (Сибирский). 1860-1925».**

ОБЩИЕ КОРНИ – ВЫСШАЯ БЛИЗОСТЬ

На днях на одной из встреч я получила в подарок несколько замечательных книг. Среди них, сладко пьянящих ещё не выветрившимися запахами типографской краски, была одна – «Легендарный Мардахай Овшолум Сибири (Сибирский). 1860-1925».

Книгу в красивом, благородном бордовом переплете, выпущенную издательским домом «Мирвори», подарил мне её автор, замечательный художник Шалум Шалумов, потомок Мардахая – правдолюбца, бунтаря-одиночки, народного заступника, поэта-классика горских евреев. Она даёт читателю возможность погрузиться в атмосферу эпохи столетней давности.

...Кто-то пошутил: у евреев кроме библейского Моисея никогда не было толковых поводырей. Мардахая Овшолума они не знали! Не знаю, где заканчивается Вселенная, но то, что свое начало она берет от таких людей, как Мардахай Овшолум, для меня сомнению не подлежит.

На выставке, в Музее Израиля, в типичном кавказском доме висел портрет богатырского телосложения мужчины. Он сидит на стуле в арестантской одежде, руки и ноги в цепях. Посетители часто расспрашивали меня об этом седобородом человеке, уже не живущем на этой земле, а как бы парящем над ней. Я передавала им рассказы, услышанные мной от дербентцев, вперемешку с собственными размышлениями о судьбе этого кавказского Робин Гуда, защищавшего общину своими мощными кулаками и писавшего для неё бередящие душу стихи.

Можно найти целый ряд всевозможных описаний жизни Мардахая Овшолума Сибири, но очень часто они грешат недостоверностью. Именно поэтому Шалум (его племянник) решил выпустить книгу и расставить все факты по своим местам.

Шалум смог приблизиться к началу начал, к семейным истокам,

без чего никакое подлинное описание той или иной личности невозможно. Он смог выстроить в ряд главные события, перебрав собранные предшествующими поколениями сюжеты о борьбе Мардахая против эксплуататоров его народа и, конечно, собрал его стихи, многие из которых уже считались народными.

Шалум показывает читателям, что Мардахай Овшолум, находясь в центре общины – маленькой частицы еврейского мира, всегда чувствовал ответственность за её существование и благополучие и изыскивал возможности отстаивать её интересы. В то же время его восприимчивая душа отзывалась на народную боль поэзией, и тут проявляются две различные, но дополняющие друг друга тенденции, присущие духу Мардахая Овшолума – дух защитника и дух поэта. Благодаря Шалуму, мы по-новому читаем широко известные строки:

Торжественно я, Мардахай, заявляю:
Лишения стойко я все одолею,
Вернусь полон сил, на борьбу призову –
Народ мой правый, благослови и прости.

Мардахай Овшолум родился в Дербенте примерно в 1860 году. Жил бурной общественной жизнью (защищал бедных и обездоленных членов общины от богатых и могущественных), писал стихи. Двенадцать или пятнадцать раз был отправлен в Сибирь, откуда умудрялся совершать удачные побеги. Нашел свою смерть (1925 г.) в нескольких каплях яда на свадьбе одного из земляков.

Автор книги, Шалум Шалумов, решил собрать его стихи, записанные Амамом Кукулиевым, Борисом Гавриловым, Семеном Юсуфовым, Даниилом Атниловым, и самому перевести их на русский язык. Необходимо заметить, что у разных авторов один и тот же стих записан по-разному. Ничего удивительного: как народ запомнил, так и передал. Потому одни и те же стихи бытуют в разных вариациях. Например, у Б. Гаврилова стихотворение «Уходя, просил прощенья» в переводе звучит так:

Не выбрасывай из сердца меня,
Наргуз моя, красавица жена.
Унесло меня полон водой
В сибирские таежные края.

А С. Юсуфов озаглавил этот стих «Уходя, просил благословения»:

Не выбрасывай из сердца меня,
Красавица любимая моя.
Унесло меня потоками воды.
Любимая, меня благослови.

Сам Шалум признает, что он ремеслом переводчика занимается впервые, и взялся за это только потому, что уже существующие переводы очень неудачные, не передают душевность поэзии Мардахая, а иногда и вовсе искажают смысл. И он решил сам взяться за перевод поэзии, в которой, даже в самых драматичных стихах, присутствуют мягкий лиризм, искренность, нежность, поиск и обретение гармонии:

Хоть каторжанин я сейчас,
Обо мне печалиться не надо.
Надежды, помыслы, душа –
С вами, друзья мои, всегда.

В своих стихах, если Мардахай и писал о себе, то для того, чтобы стараться «через себя» понять и оценить время, которое выпало на долю его народа:

Семнадцатого июня нас всех записали
И зачитали перед строем солдатскую клятву.
Уж лучше б никогда мы тех слов не слышали.
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Мардахай Овшолум был очень упорным человеком во всём. Так с неизменным упорством он хотел избавить народ от нищеты, добиться для него лучшей доли:

Должен крепко усвоить лютый мой враг:
Огнем солнца пылает сердце героя;
Друзья окрыляют меня верою так,
Что ещё увидите вы Мардахая!

Обращаясь к творчеству того или иного поэта, мы размышляем о тематике и проблематике его стихов, о личности автора, его темпераменте, человеческой судьбе, ну и, конечно, об особенностях его стилистической манеры. Но порой забываем об одной трудноуловимой вещи,

которую я бы назвала «материей стиха». Это некая таинственная совокупность мелодики, ритмики, интонации, образности, строфики, звукового ряда, в которой заключается во всей её органической полноте личность поэта-бунтаря: его темперамент, его судьба, его мироощущение и миропонимание:

Пять пальцев у меня, пять отдельных пальцев,
Если сожму их – будет кулак.
Для врага мой кулак – это камень тяжелый,
Для тебя же защитой будет, бедняк.

Язык является орудием поэта. В языке, в его словарных богатствах, в его по-словицах, поговорках, присловьях, смысловых вариациях, в его звуковой мно-гозначности спрессован весь многовековой житейский, бытовой, исторический, духовный опыт общины.

И Мардахай умело пользуется всеми этими богатствами, показывая себя в переломные моменты судьбы, изначально отмеченной знаком неблагополучия и беды; включает эту судьбу в конкретный исторический контекст, отслеживает влияние времени и свою связь с ними, одновременно отталкиваясь от этого времени и постоянно находясь в поисках точек опоры:

Приходите ко мне в нарядных одеждах,
Тюремная роба наводит тоску.
Всю свою жизнь просидел я по тюрьмам,
Спокойных дней не увидев мечту.

Из тюрем других, изловчившись, бывало,
Двенадцать я раз смог успешно бежать.
Меня и теперь, уверен, не сможет
В этой яме надолго никто удержать...

В каждой книге настоящего поэта для любого читателя найдётся что-то осо-бенно «свое», то, что задевает струны именно в его душе. Плохо это или хоро-шо, ново или старо, как мир, – не важно. Важно, что это – твое:

Не ставьте мне камень на могилу,
И плачем обо мне себя не изводите.
Как пришел ни с чем я на землю эту,
Так ни с чем в могилу и кладите.

В его жизни часто происходили неожиданные повороты. Он никогда не желал приспособливаться, у него никогда не было «жажды власти», но никто не в силах был ему помешать «петь по-своему», потому что у него был свой мир, обширный, обжитый, мир со своим народом. И, вдруг, в какой-то миг Мардахай решает податься в «городовые», подумав, что, находясь «во власти», ему будет легче помочь своему народу. Но прослужил он недолго и, разочаровавшись, ушел с этой службы:

Я видел каменные лица
Бездушные, как камни мостовой.
Я бы и сейчас, наверное, работал
Городовым в управе городской.

Городовым тупым на службе злу,
Имей лицо тупое я такое,
Но разум дал мне Бог служить добру,
Поэтому из полиции был выгнан вскоре.

Прошел он японскую войну, вернулся домой, в свой родной Дербент, но долго не «задержался» в городе. Он «отлучался» в Сибирь то за убийство полицейского, который надругался над вдовой, то за то, что помогал трудовому человеку отстоять своё достоинство перед произволом богачей-мироедов.

Но где бы ни был, он всегда тосковал по родине и жаждал прикоснуться к родной земле, вымокшей в слезах матери:

Кто слышит слова мои, тот пусть услышит,
Дербент вспоминая, я горько плачу,
Все богатства мира ничего не значат, –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Мардахай привлекал всех достоинствами, которые приобрел сам, и прекрасными качествами, дарованными природой. Шел наперекор царящим в обществе условностям и там, где другие отступали, боролся до победного конца. Великий прозорливец дал понять, что покинув этот мир, он начнет свой путь в вечность:

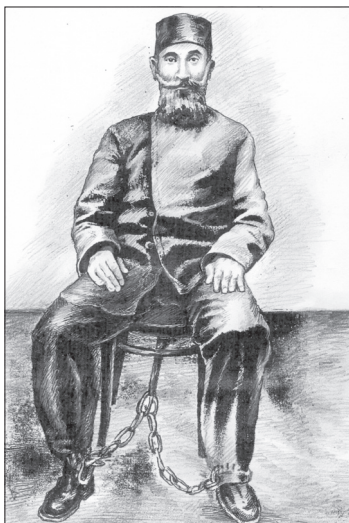

А напоследок хочу сказать просьбу одну –
От меня передайте всем людям привет.
А ещё всем скажите: «Он был поэт,
Который всегда ради правды сражался».

В иудейской традиции он считался бы и судьей, и пророком, хотя никогда официально не стоял во главе Дербентской еврейской общины и не оставил после себя никаких пророчеств, если, конечно, не считать бессмертных стихов:

...А если там с Богом увижусь, спрошу,
Почему, дав нам жизнь, не дал нам покоя.
Загоняет молодыми до срока в могилу –
Насладиться не даст нам счастьем творения.

...Говорят, что в строительстве Храма каждый должен был принять участие, каждый должен был захотеть, чтобы у него был свой Храм, каждому надо было приложить к этому личные усилия. И не надо понимать «Храм», как что-то материальное. Еврейский Храм – он в каждом из нас, он то, что должно объединить наш народ. Завершая рассказ о книге Шалума, могу сказать, что восстановление историчекой правды о жизни, смерти и значении поэзии Мардахая Овшолума Сибири – есть несомненный вклад в богоугодное дело построения нашего общего Храма.

Мардахай Овшолум в иркутской тюрьме

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Среди замечательных представителей народно-песенного творчества горских евреев XIX-XX вв. выделяется Мардахай Овшолум, имя которого стало символом национально-поэтической традиции.

Манашир Якубов, журнал «Народы Дагестана», № 1, 2002 г.

История малочисленного древнего горско-еврейского народа как в прошлом, так и в настоящем знает множество замечательных имён, прославившихся своими талантливыми достижениями во всех областях человеческой деятельности. Перечислять эти славные имена – не наша задача. Все они известны, и благодарные соотечественники отдадут им должное и без наших усилий.

Мы же поговорим о нашей литературе. Но начинать разговор о горско-еврейской литературе необходимо не сначала первых советских десятилетий XX века, игнорируя досоветскую, как это делается до настоящего времени, а с середины XIX века, когда с зарождением письменности на основе ивритского алфавита, зародилась и получила своё успешное развитие и горско-еврейская литературная культура, творцами которой были наши первые замечательные поэты, родоначальники - Мардахай Овшолум Сибири, Шоул Симанду, Айболо из Тарки

Творчество этих поэтов должно бы быть базой, фундаментом, отправной точкой для всего последующего развития нашей литературы. Однако, с наступлением советской власти в Дербенте, первые коммунистические лидеры горских евреев зачеркнули, предали забвению все достижения наших основоположников.

В результате этой разрушительной деятельности из творческого наследия Айболо из Тарки на сегодняшний день не сохранилось ничего, и нет никакой возможности что-либо сказать о его поэзии. Стихи Шоула Симанду, к счастью, сохранились его потомками и ими же в начале XXI века обнародованы.

Стихи Мардахая Овшолума в подлинниках не сохранились. Но они сохранились в благодарной памяти народа, в разные годы были записаны известными горско-еврейскими поэтами и писателями, однако в советское время почти не публиковались, и о самом поэте почти ничего не писалось. О нём изредка упоминалось, но то были лишь рассказы о его героических деяниях. Стихов не печатали.

А ведь даже во времена моей юности (50-70 годы) в Дербенте, пожалуй, не было никого, кому бы не было известно имя легендарного героя, народного заступника, кто не знал бы увлекательных историй из его героической и в то же время трагической жизни, кто не слышал бы его стихов-песен. И

это притом, что после его смерти (1925 г.) прошло уже значительное время. Народ не забывал своего кумира. В патриархальных семьях долгими вечерами старики рассказывали детям и внукам истории из жизни Мардахая Овшолума. Во время праздничных застолий и всюду, где бы ни собирались люди, говорили о нём, пели его песни.

Писать о Мардахая Овшолуме Сибири и его творчестве начали только в постсоветское время. Но поскольку в двух последних публикациях, авторами которых стали известные горско-еврейские литераторы Х. Авшалумов и М. Дадашев, ясно прослеживается целенаправленное принижение значения творчества Мардахая, искажение обстоятельств его смерти, я, как наиболее близкий к первоисточнику из ныне живущих (племянник Мардахая, сын его брата Овшолума), взялся за перо, чтобы донести до читателя сохранённые мною максимально достоверные, точные и ясные сведения об этом уникальном человеке.

Становлению литературы горских евреев, как и всех других народов, предшествовала традиция богатого устного творчества, основным жанром которого была песня (маг'ни). После первого исполнения поэтом-певцом (маг'ниху) песня уходила в народ. А вот как широко она распространялась в народе, какова была продолжительность её жизни, напрямую зависело от её красоты, ценности и значимости.

Стихи и песни Мардахая Овшолума Сибири народ хранит в своей памяти до сих пор. В те годы, на которые пришлось его творчество, горско-еврейский народ был практически безграмотен, поэтому, хотя автор и записывал свои великолепные стихи-песни, плачи, хвалы, эпитафии, в народе они распространялись изустно и были известны не только в Дербенте и его окрестностях, но и далеко за их пределами.

Вот недавний пример. В Хадере незнакомая мне ранее пожилая горская еврейка и, как выяснилось, даже не уроженка Дербента, попросила у меня на память первое издание книги «Легендарный Мардахай Овшолум». «Для чего она Вам? Вы, наверное, даже и не знаете, кто такой Мардахай?» – полюбопытствовал я. А она усмехнулась и неожиданно громко прямо на улице запела на азербайджанском языке: «Шегьер усди, огь гъэлеси...», – и так всю песню до конца...

Однако соплеменники помнят Мардахая не только как поэта и ашуга, но и как человека, самоотверженно защищавшего свой народ, боровшегося с произволом богачей-мироедов, от рук которых в итоге и погиб.

Как я уже сказал, стихи Мардахая в подлинниках не сохранились, хотя они им и были записаны «в двух пухлых тетрадах», о которых я неоднократно слышал с детства. Но в 1939 году некий гость из Москвы, назвавшийся писателем, забрал эти тетради у потомков Мардахая, пообещав опубликовать его стихи и сделать о нём кинофильм. Забрал и навсегда вместе с ними исчез.

Но они сохранились в благодарной памяти народа, и в разные годы записаны восторженными почитателями его творчества, известными горско-еврейскими поэтами и писателями разного поколения: Д. Атниловым, С. Юсуфовым, Б. Гавриловым. Поэт-прозаик А. Кукуллу, объединив всё это вместе с записанными им самим по памяти жителей г.Дербента и его окрестностей в 1965 г., обозначил основной «корпус» произведений Мардахая Овшолума, сохранив их для потомков. (Записывали стихи поэта-бунтаря и Х. Авшалумов, и М. Бахшиев, и Мануах Дадашев, и Ю. Семёнов, и С. Изгияев, но в печати эти стихи, к сожалению, так и не появились).

Несомненно, только уникальность, значимость поэзии Мардахая Овшолума могли сподвигнуть стольких известных писателей, представлявших тогда основной костяк писательской организации г.Дербента, записать произведения народно-го поэта-защитника и сохранить их для нашей культуры. Также несомненно, что по той же причине забрал рукописи Мардахая и упомянутый писатель из Москвы.

Главная, отличительная суть произведений Мардахая – это их ярко выраженный социальный протест против существующего строя, его бесстрашная гражданская позиция, ставившая под угрозу саму жизнь мятежного автора, чего ни в прошлом, ни в настоящем ни у одного из наших литераторов, нередко писавших в конъюнктурной манере угодливые здравицы в адрес руководителей и власти, лично я никогда не наблюдал.

Безусловно, сегодня очень трудно судить, какими на самом деле были записи стихов-песен Мардахая Овшолума. Однако, как достоверно известно, он писал как на тюркско-азербайджанском языке, так и на джуури – языке горских евреев, а записи делал, скорее всего, древнееврейским алфавитом, так как, кроме религиозной, никакой другой письменности ни у нас, ни у других народностей Дагестана до 30-х годов XX века не было.

Да, сегодня мы читаем стихи Мардахая, собранные и записанные разными людьми, поэтами разного уровня и стиля. Каждый записывал их в соответствии со своим восприятием, да ещё с устной подачи очень разных рассказчиков. Нет сомнений, что многие дошедшие до нас стихи в сравнении с оригиналом претерпели серьёзные изменения. И всё же они не безлики. Несмотря ни на что, все записанные по памяти стихи имеют определённый единый почерк, отличаются своей адресностью и, как в истинных поэтических произведениях, в них присутствует личность автора – поэта Мардахая Овшолума Сибири.

В культуре каждого народа существует множество произведений, у которых когда-то были авторы, но их имена история не сохранила, а произведения живут сами по себе и считаются народными. Почему же в данной ситуации произошло не так? Почему приведённые в этой книге произведения сохранились и считаются принадлежащими именно Мардахая

Овшолуму? Почему эти произведения жили и живут в устном виде в нашем народе вот уже более 130 лет? Да потому, что стихи Мардахая узнаваемы не только личностным присутствием в них самого автора, но и потому, что его творчество близко и понятно народу, что любим он сам, как человек с болью и пониманием воспринимающий страдания любимого народа.

А теперь о переводах стихов Мардахая. На мой взгляд, несмотря на качество собранного и дошедшего до переводчиков материала, главной их задачей было по возможности максимально сохранить стиль, форму построения и смысловое содержание этих стихов, тем более, что пересказывали их люди, хотя и не всегда грамотные, но жившие в эпоху Мардахая, а, следовательно, передававшие её дух, атмосферу и реалии той поры жизни горских евреев. Ссылки на то, что всё равно неизвестно, как писал сам Мардахай, не дают переводчику права заниматься от-себятиной и, в расчёте на неискущённого читателя, заботиться лишь о том, чтобы перевод звучал поэтически лихо и красивенько.

В качестве примера приведу только первую строфу из стихотворения Мардахая Овшолума «О Дербенте»:

Туь эдей пуьрсире эз ме:
Комин жигеиге Ватан мэ?
Гуш дор, гуюм эри туь ме,
Дусте хьармехь эн Сибири.

Дословно это можно перевести так:

Ты спрашиваешь у меня:
Где находится Родина моя?
Слушай, расскажу я тебе,
Верный (добрый) друг мой сибирский.

А в переводе русского дагестанского поэта В. Портнова эта же строфа выглядит следующим образом:

Ну что же, слушай, мой друг, сибиряк,
Я расскажу о родине своей.
Там соком виноград уже набряк,
И солнце яблоком висит среди ветвей.

Красивенько, но кроме недоумения и досады никаких других чувств не вызывает. Я, конечно, понимаю, что образность в поэзии должна присутствовать, но причём тут «набрякший соком виноград» и «солнце яблоком». Где он всё это взял? Неужели только ради рифмы?

А вот та же строфа в переводе А. Сенина из книги А. Кукуллу «Мардахай Овшолум. Песни, стихи, хвалы, эпитафии», 1995 г.

Ты спрашиваешь, друг мой, сибиряк,
Кто я такой: лезгин или комяк?
И родина где дальняя моя...
Тогда послушай, дорогой мой друг...

Откуда взялись «лезгин или комяк»? Видимо, переводчик не нашёл более интересной рифмы к слову «сибиряк»...

Могу привести ещё один яркий пример из той же книги А. Кукулиева. На стр.125 читатель знакомится с подстрочным переводом Б. Гаврилова стихотворения: «Уходя, просил прощения». А на стр.66 той же книги читаем поэтический перевод того же стихотворения, сделанный А. Сениным. Назван этот перевод почему-то «Размышления над колодой карт». Само название приводит в недоумение, не говоря уже о том, что там наплетено в тексте. Откуда А. Сенин вообще взял эти карты? Другими словами, это не перевод, а нечто немыслимое и чужеродное. В таком же стиле выдержаны и остальные его переводы.

Возможно, А. Сенин неплохой поэт. Отдаю ему дань уважения и признательности за проделанную (кстати, также бескорыстно, как и А. Кукулиев) работу. Но, да простит меня Анатолий Сенин за такую «чёрную неблагодарность», при этом хочу заметить, что он слишком вольно в своих переводах трактует стихи Мардахая Овшолума, нередко изменяя их содержание и смысл, делая свои дополнения, не имеющие ничего общего с содержанием и духом поэта. Начисто уничтожен стиль стиха, написанного в форме традиционной азербайджанской гошмы и, как следствие, исчезли лиричность, музыкальность, интонация и колорит, присущие восточной поэзии. Это не стихи, сложенные горско-еврейским поэтом XIX в. с восточной ментальностью. Данные переводы сделаны языком современного европейского поэта.

А когда в одном из переводов А. Сенина я прочитал, как Мардахай Овшолум, глубоко религиозный еврей, лишь только в угоду сенинской рифме «хвалится», что он «на свадьбах съел штук двадцать поросенок» (!), я окончательно убедился, что стихи Мардахая Овшолума необхо-

димо переиздать. И главное, чтобы стихи для переиздания переводил поэт, близкий по духу и культуре к горским евреям, а ещё лучше, чтобы он был горско-еврейским поэтом.

Я долго искал такого переводчика, спрашивал у знакомых, давал объявления в газеты, но найти подходящего так и не смог. Одни прыгали, как А. Сенин, вверх-вниз по лихим ступеням рифмоплётства, другие, увлечшись, раздували без всякой на то нужды 3-х куплетное стихотворение Мардахая до 7-8 куплетов, оправдываясь тем, что я ничего не понимаю в национальной поэзии и в переводах на другой язык.

Да, я никогда не писал стихов и, тем более, не занимался их поэтическими переводами. Да, я прекрасно понимаю, что для качественного выполнения этой работы необходимо иметь хотя бы маломальскую квалификацию и опыт. И тем не менее...

В один прекрасный момент я осознал, что на сегодняшний день никто другой, кроме меня, этого не сделает. Поэтому, рискуя быть непонятым, я взялся за эту работу и, избегая приёмов так называемого «удачного рифмования», старался уходить от соблазна «запрофессионалить» их. Для сохранения стиля, формы и содержания первоисточника, что, подчеркну, для меня было особенно важным, я стремился к сохранению свободных разговорных интонаций, нарастающего динамизма и трагики, которые автор вложил в свои произведения, к передаче характерных особенностей простоты и музыкальности восточного стиха.

Знаю и всегда сам утверждал, что «сапоги должен тачать сапожник», но другого выхода не было, и я сделал то, что сделал. А насколько я был успешен в этой работе, судить читателю. И если это тот случай, когда «лучше так, чем никак», то мои усилия были не напрасны.

Сведения о Мардахая Овшолуме, которые я привожу в книге, получены мною из воспоминаний его дочери Зулпо, его брата, моего отца, Овшолума и его многочисленных друзей. Также мною были использованы воспоминания известного горско-еврейского писателя Х. Авшалумова (1913-2001) из очерка, посвящённого 70-летию со дня смерти Мардахая. Моя великая благодарность всем, кто помог мне в создании книги, с пожеланиями долгих лет жизни ныне здравствующим и светлой памяти ушедшим.

«Да, – писал в 1995 г. поэт А. Кукуллу, – доброе имя горско-еврейского бунтаря, заступника, поэта-классика – Мардахая Овшолума живёт и сейчас в его народе, а его трогательные стихи, песни, плачи со сверканием в глазах и состраданием в голосе произносят его сородичи, к сожалению, старшего возраста. Трагично, если память о горско-еврейском поэте-классике в последующих поколениях будет предана забвению».

Остаётся сожалеть, что в результате шельмования памяти истинно

народного поэта ни один наш композитор не написал музыку на его песни, ни один драматург не создал пьесу о его жизни. В любимом и так горячо воспеваемом им Дербенте нет даже мемориальной доски в память о нём. До сих пор не найдена и не обустроена его могила... И если в пору моей юности были свежи воспоминания о героических деяниях Мардахая Овшолума Сибири, пелись и декламировались его стихи-песни, то сегодня наша молодёжь, возможно, из-за разбросанности малочисленного горско-еврейского народа, быстроменяющихся реалий и ассимиляции уже не проявляет интереса к своим истокам. Мало кто из них вообще слышал о поэте-бунтаре, и всё меньше и меньше становится тех, кто говорит и понимает джуури – язык наших отцов.

Но я верю, что пройдут годы и у нынешней молодёжи возродится интерес к своим истокам – это закономерно. Поэтому очень важно сделать всё для сохранения достоверных сведений о жизни и творчестве выдающегося национального героя, одного из родоначальников поэзии горских евреев, чтобы имя Мардахая Овшолума Сибири не было предано забвению и последующими поколениями.

К слову о достоверности. Каждый раз, сталкиваясь с материалами о Мардахее Овшолуме, я испытывал сомнения в приводимой дате его рождения – 1850 г. А теперь, работая над этой книгой и более конкретно изучая вехи его жизни, я в своих сомнениях утвердился. Если 1925-й, как год смерти Мардахая, сомнения не вызывает (я застал многих, кто помнил его похороны), то его общепринятый год рождения создавал всевозможные расстыковки в событиях его бурной жизни, а некоторые жизненные ситуации, в которых принимали участие другие известные люди, делал просто невозможными.

Например, бесспорным является факт участия Мардахая в русско-японской войне 1905 г. Но если согласиться, что родился он в 1850 г., то получается, что его призывали на войну в возрасте 55 лет, что весьма сомнительно, особенно в те годы. Да и разница в возрасте с его родным братом – моим отцом (1906 г.р.) получается непомерно большой, даже притом, что у них были разные матери. Становится также совершенно невозможным известный факт его похода к богачу Ильёно с целью «вымогательства» у того 300 рублей для раздачи их на Песах бедным и больным людям. Очевидцы утверждали, что на момент этого события Мардахая было лет 40-45. Но, как писал в своём очерке Х. Авшалумов, ходил он туда, якобы, не один, а вместе с недавно назначенным молодым хазаном Большой синагоги Асоилем Бинаевым (1882-1952). Делаем простой арифметический расчёт: 1850 г. + 40 (45) лет = 1890 или 1895 г. Значит, «молодому хазану» А. Бинаеву было на момент их похода от 8 до 13 лет! Таких хазанов, как мы понимаем, не бывает.

Но если сдвинуть дату рождения Мардахая примерно лет на 10, то всё хоть как-то становится на свои места. Если предположить, что год

рождения Мардахая 1860, то в 44-45 лет он вполне мог быть призван на русско-японскую войну, становится реальной разница с возрастом моего отца, а хазану синагоги Асоилу становится уже не 8-13, а 18-23 года.

Итак, проанализировав все многочисленные нестыковки и проведя простенькие расчёты, я решил в своей книге принять 1860 год как наиболее вероятный год рождения Мардахая Овшолума Сибири. Безусловно, за точность даты ручаться нельзя, поскольку он мог родиться и в 1859, и в 1861, и в любом другом, но обязательно близком году.

Я уже сидел в редакции с готовой рукописью первой книги, когда мне на глаза попался 3 номер литературно-публицистического альманаха «Мирвори», где на стр. 70 был опубликован очерк писателя Михаила Дадашева о Мардахе Овшолуме: «Нет, я не умер, я – живой». Великолепный очерк с яркими увлекательными историями о его многострадальной, самоотверженной жизни. Но оценка автором его поэтического творчества, а также его утверждение по поводу причины смерти Мардахая вызвали во мне, мягко говоря, большое недопонимание и всколыхнули всё накопившееся за многие годы. О Мардахе в советские времена почти не писали, а если и писали, то могли написать, также и откровенную ложь. Например, однажды в юности я прочитал в какой-то публикации, что он умер в 1925 г. на сибирской каторге. Стало быть, молодому поколению и тогда вбивалось в сознание, что Мардахай Овшолум – враг Советской власти и умер на каторге, а не был убит (отравлен) недругом.

И вот появляются современные публикации, но и в них искажение фактов. Конечно, не отреагировать на это я не мог.

Мне думается, причин, повлекших за собой искажение биографических фактов и предание забвению имени одного из первых горско-еврейских поэтов, было несколько. Но расхожее мнение о том, что одна из них – смена алфавита, мне кажется абсолютно неверным.

Действительно, в 1929 году древнееврейский алфавит, которым до этого момента пользовались грамотные горские евреи, был заменён латиницей, а затем, в конце 1938 года, кириллицей. Поменять алфавит дважды всего лишь за одно десятилетие! Понятно, что поначалу эти изменения принесли огромные проблемы, и чтобы издать произведения народных классиков, их предварительно надо было переписать новым алфавитом. Однако при желании это можно было бы сделать, как поступили в той же самой ситуации другие народы.

Мы знаем, что в эти же годы государство внесло одинаковые коррективы в письменность очень многих народов СССР. И у всех окружающих нас мусульманских народов, пользовавшихся тогда религиозной (арабской) графикой письма, она тоже была заменена на кириллицу. И, тем не менее, все дагестанские народности сохранили культурное наследие своих предков, назвав имена всех народных поэтов-классиков своих литератур. А наши деятели почему-то «не смогли», будто и не знали этих имён, будто и не слышали повсеместно декламируемых стихов и распеваемых народом их замечательных песен.

В итоге прекрасные поэты-певцы такие, как даргинец Батырай Омаров (1831-1910), кумык Ирчи Казак (1830-1879), аварец Махмуд из Кахабросо (1873-1910), лачка Шаза из Куркли (1875-1939), лезгин Етим Эмин (1838-1898) стали признанными классиками литературы Дагестана и родоначальниками поэтической культуры своих народов. А не менее талантливые горско-еврейские поэты сиротливо выпали из этой обоймы. Следовательно, причина всё же не в алфавите.

В 20-30 годы у горских евреев, как и у всех народов Дагестана, начинают стремительно развиваться национальная литература и журналистика. Надо отдать должное советской власти, которая бросила огромные силы на ликвидацию безграмотности и одним из своих приоритетов сделала просвещение и образование. С 1928 года начала выходить газета «Захметкеш» (Труженик) на горско-еврейском языке и издаваться разнообразная литература. Но ни на страницах этой газеты, ни в первом советском издании горско-еврейской антологии «Шогьиргъой тати» (Татские поэты), вышедшей в 1934 году под редакцией первого лидера горских евреев при новой советской власти в г. Дербенте Ехиила Мататова, ни Мардахаю Овшолуму, ни Шоу-лу Симанду, ни Айболо из Тарки места не нашлось. В чём причина? Без сомнения в слове «татские». Дореволюционная поэзия этих поэтов, отличавшаяся еврейским колоритом, не вписывалась в издание, где печатались только «татские» литераторы. А Мардахай, как, впрочем, и все печатавшиеся в нём авторы, никогда татом не был. Он был евреем, и этим пронизано каждое слово его творчества. Возможно, именно поэтому Ехиил Мататов, осуществлявший руководство и контроль за коммунистической «кошерностью» всей горско-еврейской литературы, одной лишь фразой в своём обширном предисловии к этой антологии безжалостно вычеркнул имена и творчество наших первых поэтов из рядов советских литераторов, отнеся их высокую поэзию, широко популярную в народе, к фольклору.

Делалось это для того, чтобы в будущую историю нашего народа не перешло ничего еврейского из прошлого, созданного древнееврейским алфавитом, чтобы не осталось ничего, что могло указать и на его, Мататова, личное еврейское происхождение. А если учесть, что сделано это было на фоне постоянно, во все времена сопровождавшего наш многострадаль-

ный народ, антисемитизма и уже бытовавшего к тому времени лженаучного вывода о том, что мы не евреи, а таты, принявшие иудаизм, то можно представить, сколько в нововведениях этой власти было и личной инициативы самих этих лидеров.

Он и его сторонники продолжили развитие культуры горских евреев не с них, основоположников, а начали её становление заново, и не как-нибудь, а с самих себя. А, вернее, с нуля, и, как отметила в своём письме к.ф.н. Г.Б. Мусаханова: «...заменили высокую поэзию наших Поэтов на конъюнктурную поэзию политических агиток, призывов, (добавлю, здравниц – Ш. Ш.)». Будто бы до них у нас никакой другой культуры и поэзии вообще и не было.

В дальнейшем, перехватив пагубную для нашего народа эстафету «реформаций», сын Ехиила, Михаил Мататов, в содружестве с Хизгилом Авшалумовым продолжил свою неуёмную работу по искажению и разрушению истории происхождения горских евреев, чтобы окончательно вытеснить из джууро (самоназвание горских евреев) всё еврейское.

«Авшалумовы-мататовы» (формулировка известного учёного, д.и.н. Михаила Мататовича Ихилова) фальсифицировали историю нашего народа. Вот как М.М. Ихиллов пишет об этом в своей статье «Горские евреи»: «Термин «тат» наши фальсификаторы, будучи потомственными евреями, решили присвоить себе и горско-еврейскому народу, чтобы в условиях антисемитской кампании скрыться от антисемитизма».

Сделать это им удалось с молчаливого одобрения антисемитски настроенных правительств России и Дагестана, используя факт неприятия этой властью религиозной принадлежности нашего народа, и на фоне усиливавшихся репрессий в молодой советской стране.

Но если даже считать, что указанные фальсификации были заказаны нашим доблестным лидерам именно этой антисемитской властью, а не были их личной инициативой, то вряд ли этой власти нужно было кого бы то ни было вычёркивать из истории и культуры горских евреев. Это нужно было самим нашим лидерам. Так им было удобнее, выгоднее и безопаснее существовать в системе той антисемитской власти.

Мне могут возразить, что, мол, такие вот антисемитские были времена. Но не менее антисемитскими были времена и в эпоху наших первых поэтов. Однако, если наши лидеры в горячем революционном угаре прогибаясь под власть, тыча в лица своих соотечественников «революционным наганом», ломая судьбы и отнимая жизни у сородичей, не забывали и о своих карьерах, благополучии, то поэт-бунтарь Мардахай Овшолум Сибири, бесстрашно выступая со своей блестящей гражданской поэзией и своими героическими деяниями за благо тех же сородичей против власти царя и его режима, претерпевал гонения и мучения.

И хотя антисемитизм властей существовал во все времена, но он, нанося удары по самим носителям иудаизма, никогда не покушался на иудейское происхождение горско-еврейского или какого-либо другого еврейского субэтнуса. Как яркую иллюстрацию отношения советской власти, в том числе и к нашей горско-еврейской идентичности, можно привести цитату из книги И. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (М., 1946 г., с. 12-19), где он говорит о том, что различные еврейские общины в силу превратностей истории «...разобщены и живут на разных территориях, говорят на разных языках и т.д. Таковы, например, русские, галицийские, американские, грузинские и горские евреи... упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими и американцами в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладывать на их национальный характер печати; если что осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера».

Не зря же ещё при И. Сталине над горскими евреями нависла угроза депортации. И депортировать их собирались не как «татов», а именно как евреев. К счастью, смерть злодея (1953 г.) помешала осуществлению отправки нас в подготовленные в Хабаровской тайге лагеря. (М.М. Ихиллов «Горские евреи»).

А вот что пишет в своём очерке «Из истории горских евреев в Дагестане» д.и.н. И.Г. Семёнов: «Кстати, в Азербайджане горским евреям этноним «тат» никогда не навязывался. Это происходило, преимущественно, в Дагестане, да и в наше время Дагестан является единственным уголком мира, где горских евреев всё ещё пытаются выдать за «татов».

Разве не по «доброй воле» они это делают и по сей день в Дербенте и в Дагестане в целом, продолжая с завидным упорством называть нас «татами»? Разве правительства Дагестана и России вынуждают их поступать таким образом?

Почему-то об этих фальсификациях и особенно их последствиях предпочитают не говорить. А, может, теперь это и правда никому не нужно? Прошли времена, то, что было, уже было и никогда в нашей истории не повторится. Поэтому нет нужды ворошить антисемитскую деятельность известных бонз нашей общины и незачем омрачать сознание молодёжи негативным прошлым горско-еврейской истории.

И всё же замалчивать правду нельзя. О ней надо говорить, поскольку ничего не закончилось, и прошлые деяния фальсификаторов тянут за собой череду пагубных для нашего народа последствий.

Вот что говорил 5 ноября 2002 года в своём выступлении на вечере памяти, приуроченном к 85-летию д.и.н. М.М. Ихилова, академик РАН, доктор филологических наук, профессор, директор ИЯЛИ ДНЦ РАН

Г.Г. Гамзатов: «По моей инициативе в моём кабинете состоялась встреча ведущих представителей той и другой концепции. М.М. Ихиллов с Г.Б. Мусахановой всегда являлись убеждёнными сторонниками «горского еврейства», а народный писатель Дагестана Х.Д. Авшалумов – сторонником коренного «татства». При этом присутствовали и некоторые другие лица. После долгих, ожесточённых дебатов, порой доходивших до перебранок, Михаил Мататович обратился к Хизгилу Давидовичу:

– Ответьте мне на один вопрос. Если вы действительно тат и не признаёте за собой еврейства, то почему же вы и так называемые таты столь болезненно реагируете на все еврейские беды и вообще сочувственно относитесь к израильтянам? И почему ваши таты так рьяно и валом устремляются на землю обетованную?

– Очень просто! – сказал Хизгил Давидович, нисколько не смущаясь, – Вашему Израилю, как обиженной нации, сочувствуют не только люди еврейской принадлежности, но и другие народы, например дагестанцы, которым присущи гуманистические принципы мировосприятия». Вот так!

Ну и чего добился Х. Авшалумов? Чего добился он, талантливый писатель, автор рассказов о Шими Дербенди, составитель альманаха «Фольклор тати – горских евреев», выпущенного в Махачкале в 1940 г.? Как видим из названия альманаха, раньше Хизгил всё-таки причислял себя к горским евреям, но впоследствии, вооружившись всеми своими способностями, связями, упорством, сделал всё, чтобы убедить в правильности «татской» концепции даже такие важные госструктуры, как Академия Наук СССР и НИИ этнографии. И хотя директор этого НИИ, Ю.В. Бромлей, в своё время на основе капитальных исследований уже доказал наше еврейское происхождение, Х. Авшалумов своим натиском сумел убедить всемирно известного этнографа в том, что мы не евреи, а таты-иудаисты: «Мы не евреи, мы таты, – писал Х. Авшалумов. – Религия не определяет национальную принадлежность народа. Изменение национальности было сделано на основе волеизъявления абсолютного большинства нашего народа».

Вероятно, будучи всю свою жизнь советским функционером и не желая расставаться с княжеским положением лидера нашей писательской организации, он хотел таким образом решить сразу все проблемы: и остановить репатриацию горских евреев в Израиль, чтобы не остаться в гордом одиночестве, и угодить официальным властям, которые в награду предоставляли ему зелёную дорожку во всех его «изысканиях». Иначе для чего было заниматься вопросами истории и этнографии человеку, абсолютно в этом некомпетентному? Он ведь прекрасно знал, что где бы компактно ни проживали наши соплеменники: в Азербайджане, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии – везде они назывались горскими евреями, и никогда никакими властями не бралось под сомнение наше еврейское происхождение.

А результатом фальсификации нашей истории стали искажённые данные по горским евреям в переписях населения народов СССР за 1989 и все последующие годы, включая последнюю перепись 2010 года. И никакой любовью к своему народу, никакими заверениями в том, что исход горских евреев на исконную Родину приведёт к их самоуничтожению (исчезнет язык, поменяется ментальность, забудутся обычаи и т. д.) фальсификаторы оправданы быть не могут, даже учитывая сегодняшние реалии нашей общины в Израиле.

Но вернёмся к Мардахая Овшолуму, а вернее к следующим причинам, по которым его имя практически не упоминалось в советской печати. Ведущие роли в писательской организации Дербента, определявшей пути развития горско-еврейской литературы, приняв эстафету от главных лидеров, играли, как мы уже говорили, в разное время, совместно и порознь, наши известные писатели Хизгил Авшалумов (1913-2001) и Миши Бахшиев (1910-1972).

Хотя стихи-песни Мардахая Овшолума широко известны в народе, в процессе бурного становления и развития молодой горско-еврейской литературы наши функционеры не нашли места для народного поэта. На неоднократные просьбы близких и почитателей опубликовать стихи поэта Хизгил Авшалумов всегда отвечал отказом. Он, якобы, опасался гнева советской власти, которая, по его словам, считала Мардахая Овшолума «бандитом».

Но с чего бы Х. Авшалумову, литературному функционеру, принципиальному коммунисту, быть напуганным советской властью, когда её первым идеологом, т. е. первым главным редактором горско-еврейской газеты «Захметкеш», был не кто иной, как Асоил Бинаев. Тот самый Асоил Бинаев, как писал в своём очерке сам Хизгил, «друг и единомышленник» Мардахая Овшолума, бывший до революции хазаном Большой синагоги г.Дербента.

А, может быть, он как раз и не хотел афишировать эту связь? Может быть, Х. Авшалумову, зятю А. Бинаева, было выгодно сделать всё от него зависящее, чтобы канули в лету воспоминания о том, что Бинаев был поставлен хазаном Большой синагоги с перспективой в дальнейшем стать доеном, «главным над евреями всего Юждага», его собственным тестем? А тестем А. Бинаева был Шомоиль Овшолум Ханукаев, один из богатейших людей города, миллионер и, стало быть, один из главных врагов советской власти.

И только в своём постсоветском очерке Х. Авшалумов позволяет себе рассказать об уважительном отношении А. Бинаева к «авторитету Мардахая» и «непростых отношениях миллионера Ханукаева с Мардахаем Овшолумом»...

Ни по каким советским меркам Мардахай, всю свою жизнь боровшийся с произволом богачей и царских властей за лучшую долю для своего народа, не мог считаться бандитом. Человек, перу которого принадлежат стихи, наполненные тоской разлуки, любовью к близким и к своему народу, к родному городу Дербенту, стихи, бичующие царя и царский режим; человек, который в своих произведениях призывал к миру, дружбе и согласию, не мог обладать сердцем преступника. Таковым его считали представители денежного сословия. Именно они и их потомки, продолжавшие быть хозяевами жизни и при новой Советской власти, пытались приклеить к его имени клеймо «бандита», чтоб заклеить его позором, а затем, лишив жизни, сделали всё, чтоб предать забвению и его имя, и его поэзию.

Советская власть тут ни при чём. Иначе не понять, почему Кази Казиев, главный редактор лезгинской газеты с названием «Коммунист», в те же 60-е годы прошлого столетия в повести о лезгинском народном герое Кири Буба, лезгинском Робин Гуде, с большой теплотой повествует и о горско-еврейском «герое-борце, большом друге лезгин, Мардахе Овшолуме Сибири». А как понять, что Даниил Атнилов, напечатавший в 1947 году в своей книге пять произведений Мардахая, никаким репрессиям со стороны властей подвергнут не был? Примечательно, что сделал он это в отсутствие наших лидеров, ушедших на фронт в 1941 году (М. Бахшиев вернулся в Дербент в 1953 г., а Х. Авшалумов – в 1955 г.).

Выходит, для лезгинской газеты и для Д. Атнилова, который, кстати, всю свою жизнь прожил в Москве, Мардахай чист перед Советской властью, а Хизгила Авшалумова эта же власть «уполномочивает» объявлять его «бандитом», но только для горских евреев и только города Дербента. Шоуля Симанду и Айболо из Тарки никто не объявлял «бандитами», однако, их творчество также было отвергнуто нашими лидерами и произведения их также не печатались – им не нужны были родоначальники, они сами ими хотели стать.

Вот так в своей статье: «Самое большое достояние народа – язык матери» Х. Авшалумов озвучил имя родоначальника горско-еврейской литературы: «Ехиил Мататов был главным советским и партийным работником, а также одним из первых наших поэтов». (Альманах «Ватан советиму», 1991 г., стр. 69).

А в «Предисловие» к сборнику А. Семендуева «Деврме» – («Моё время», 1991 г., стр. 6) Х. Авшалумов писал: «...несмотря на то, что Шаул Симанду был очень авторитетным и известным поэтом среди нашего народа, ещё до сих пор его произведения не печатались ни по поводу самого достойнейшего человека, ни о его поэзии нигде, хотя бы немного, не написано до сих пор. К сожалению, поэзия его в своё время не была полностью записана, собрана и сохранена, многие стихи его пропали...». Как это понять? Ведь не секрет, что никого другого, кто мог разрешить или за-

претить публикацию произведений горско-еврейских литераторов, кроме него самого, не было. Так к кому относились эти сетования? Кого он обвинял?

И вот уже в наши дни, в 2009 году, М. Дадашеву вновь захотелось освежить в нашей памяти умозаключения Х. Авшалумова, напомнить нам и узаконить то, в чём тот пытался нас ранее убедить. Но Дадашев пошёл дальше своего учителя, поэтому дополняя и углубляя далеко идущие умозаключения известного писателя, сознательно уводит читателя от истинной причины смерти поэта-бунтаря. И, видимо, не зря: отметая факт какого-либо убийства, они оба дружно отмечают и существование исполнителя этого убийства. Не случайно же эти «конспираторы» в очерках о Мардахае Овшолуме Сибири говорят о его, якобы, естественной смерти и тут же дружно восхваляют громадные человеческие достоинства известного миллионера Ханукаева и других.

Казалось бы, какое отношение купец Ханукаев имеет к Мардахая Овшолуму? Однако оба писателя, вроде бы совсем не к месту, но, как сами отмечают, «справедливости ради» назойливо представляют нам этих богачей «белыми и пушистыми». Будто бы они всю свою жизнь посвятили накоплению миллионов с одной лишь целью – потратить их на нужды «простого родного народа».

Да, для самосохранения и защиты от посягательств извне богачам требовались не только корпоративная солидарность и сословная порука, но и благотворительные акты, в том числе и в городские органы, на которые наши авторы дружно ссылались. Причём с ростом их состояний такие благотворительные мероприятия тоже возрастали, но никакого отношения ни к их человеческим качествам, ни к повествованию о Мардахае Овшолуме они не имеют.

В таком случае, почему и мы так долго об этом рассуждаем? Только для того, чтобы ещё раз напомнить истину: просто так никем ничего не делается. Оба писателя, пусть и в постсоветские времена, но всё же создали великолепные очерки о Мардахае Овшолуме, рассказав о нём как о человеке, достойном народной памяти. И вместе с тем, искажая факты, сделали всё, чтобы увести читателя от истины, повествуя о естественной смерти поэта-бунтаря. У них это написано таким тоном, будто они сами присутствовали при последнем вздохе Мардахая, а не его близкие родственники и весь честной народ – гости одной из горско-еврейских свадеб, на которой Мардахай Овшолум, как всегда веселивший гостей в качестве тамады, был подло отравлен.

Эти авторы игнорируют всем известный факт, отметая тем самым даже мысль о чьей-либо виновности в смерти Мардахая. Что это? Все знали, а они нет? Быть этого не может. Для горско-еврейской общины

того времени, для семьи Мардахая Овшолума, ну и для меня с самых юных лет, конкретное имя убийцы народного поэта не было секретом. Секретом оно было только для обоих этих писателей.

Но на этом претензии к их работам не заканчиваются. Абсолютно непонятно из каких побуждений, но оба автора в своих очерках дружно и против всякой логики пытаются уговорить читателей, что Мардахай Овшолум писал стихи только во время пребывания на сибирской каторге и больше никогда – ни до, ни после! В Сибири писал, а, вернувшись домой, «завязал».

Следуя их логике, Мардахай Овшолум не писал и упомянутое выше стихотворение: «Письмо из царской армии домой», созданное, как и более ранние его стихотворения, в форме азербайджанской гошмы. Получается, что уважаемые горско-еврейские поэты С. Юсуфов и Б. Гаврилов, не сговариваясь, дружно приписали его Мардахая только для того, как пишет М. Дадашев, «чтоб таким образом «полнее» представить его классиком Дагестанской литературы».

А, кроме того, М. Дадашев утверждает, что великолепные эпиграфы и хвалы также кем-то приписываются Мардахая. Их ярко выраженной адресности и присутствие в них духа автора он почему-то не видит. Значит, я должен забыть, как мой отец (и не раз!), демонстрируя свой кулак, назидательно декламировал: «пэнж энгуышди мере, пэнж энгуышд». На многочисленных застольях стихи об этих «пяти пальцах» я неоднократно слышал и от его друзей.

А вообще, по утверждению Дадашева, за всю свою жизнь Мардахай написал только «около 90 четверостиший, некоторые из которых собраны в стихотворения». То есть ни одного цельного произведения Мардахай не написал? Только отдельные четверостишия? Не переусердствовал ли наш автор? Что его заставило так дисквалифицировать самого себя? Будучи литератором, он должен бы знать, что стихотворение и есть цикл четверостиший, объединённых единой темой. Мы знаем, что все стихи Мардахая записаны по памяти, и вполне возможно, что рассказчик выудил запомнившийся куплет из одного стихотворения и перенёс его по созвучию в другое, но это ни в коем случае не может служить доказательством того, что стихи Мардахая «собраны» из четверостиший.

На какого же читателя рассчитывал Дадашев? Может быть, и такое цельное и законченное произведение, как стихотворение «В каземате», тоже составлено из четверостиший? И вообще, каким образом он сосчитал четверостишья? Почему именно 90!? Может быть, именно столько стихов Мардахая на сегодняшний день хранится у него самого? Не зря же в своём очерке на стр. 73 указанного альманаха М. Дадашев пишет, что он обязан Семёну Юсуфову, «который в течение трёх десятков лет по крупницам собирал стихи Мардахая Овшолума», а на стр.76: «Х. Авшалумов рассказывал мне, что он вме-

сте с моим дядей Манувахом Дадашевым собирали и записывали стихи Мардахая Овшолума».

Ну и где же эти «собранные и записанные стихи»? Почему они так и не доведены до читателя? Часто вспоминаю, как на одной из встреч, в 1987 году, Амалдан Кукуллу, готовивший к изданию свою книгу о Мардахая Овшолуме, мечтательно говорил мне: «Даст Бог, мы объединимся с Михаилом Дадашевым, у него много материалов есть, и выпустим одну большую книгу о Мардахая»... Такие воспоминания наводят на грустные размышления...

Здесь следует напомнить, что стихи Мардахая Овшолума собирали и Юно Семёнов, и Сергей Изгияев, и М. Бахшиев и другие известные писатели. А Г.Б. Мусаханова, одно время дружившая с Х. Авшалумовым и его женой, в своём письме ко мне отмечает, что «Х. Авшалумов в середине 70-х годов у себя дома весь вечер с большим вдохновением декламировал наизусть все произведения нашего Поэта». Значит, они у него были! И куда делись?

В 1995 г. Х. Авшалумов «освободился» от давления прекратившей своё существование советской власти, якобы считавшей Мардахая Овшолума «бандитом», как он неоднократно ранее сам и заявлял, и впервые на склоне лет опубликовал большой очерк о народном поэте-герое. Но если уж главный функционер горско-еврейской литературы, самолично определявший пути её развития, был действительно искренен в этом очерке, а не лукавил, не искажал правду о нём, то почему он не опубликовал и произведения Мардахая? Он ведь прекрасно понимал, что поэзия Мардахая Овшолума под угрозой полной утраты из-за ослабевающей из поколения в поколение памяти народной. Так что ему помешало в этом же очерке вместе с красочными описаниями героических деяний нашего Поэта, наконец, опубликовать и его стихи? Тем более, публикации о героических деяниях Мардахая всё-таки уже были. Это стихов его не печатали! И он также прекрасно понимал, что поэзии Мардахая Овшолума в том объёме, который есть у него, не может быть уже больше ни у кого другого. Но, как видим, стихи Мардахая печатать он всё-таки не стал. Просто в его задачу не входило показать читателю всю силу поэзии Мардахая Овшолума. Как отметила в своём «Письме» Г. Мусаханова, эта статья им (и его последователем) была затеяна не ради Мардахая. Статья им была затеяна только ради того, чтобы самому «застолбиться» на теме о легендарном поэте-герое.

У кого-то может возникнуть вопрос: «Зачем тебе всё это нужно? Ты хочешь возродить былую популярность Мардахая Овшолума или отомстить его недругам? Зачем ворошить то, что давно прошло? Это уже не актуально, тем более теперь, когда сегодняшнее молодое поколение

наших джууро интенсивно теряет основу основ нашей самоидентичности – наш язык». Мне бы очень не хотелось, чтобы попытку восстановления исторической правды расценили как банальную месть. Но я посчитал своим долгом наконец-то рассказать правду об этих поступках, так разрушительно повлиявших не только на судьбы наших Первых Поэтов, но и на судьбу всей нашей общины, нормальная и успешная жизнь которой может быть основана не на фальсификации её истории, не на насильственном изменении её этнической идентификации, а на её культуре, как системе отношений, основанных на системе её ценностей. И разве можно пре-упснуть в будущем без учёта ошибок прошлого?

А я глубоко убеждён, что будущее у нашей общины есть. Сегодня она набирает силу в Израиле, в России и в других странах, и мне кажется, ещё долго не растворится среди других еврейских общин, навсегда оставаясь при этом само-бытной, но неотделимой частичкой мирового еврейства.

Наша община жива, живы её обычаи, традиции, язык. И пусть всё это в наши дни не очень-то востребовано молодым поколением, но ведь так было всегда. Пройдут годы, и сегодняшняя молодёжь, как и мы когда-то, почувствует острую необходимость покопаться в истории своей семьи, своего народа, что называется «прикоснуться к корням» или «вернуться к истокам». А Мардахай Овшолум и есть наши корни и наши истоки. Он – олицетворение целой эпохи нашей истории, именно поэтому мне было так важно рассказать в этой книге правду о нём, о его творчестве, о его времени и о людях этого времени. Конечно, героические деяния Мардахая Овшолума Сибири уже при жизни обросли легендами, что, прежде всего, говорит о масштабе его личности, поэтому мы не будем выискивать, где в его биографии был, где небыл. Если народ придумывает о своём герое легенды и приписывает ему какие-то поступки, значит, даже если этого и не было, то по его характеру вполне могли бы быть... Легенды порождаются легендарными личностями, и этим всё сказано.

Передо мной подарочный сборник стихов («Строки горской лирики», Махачкала, 1972 г.) – «...прославленных певцов дореволюционного Дагестана: Батырая, Махмуда из Кохаброссо, Ирчи Казака, Етима Эмина, Щаза из Куркли...» в переводах таких опытных переводчиков, как Ю. Нейман, С. Липкин, Э. Капиева, переведивших и произведения великого Расула Гамзатова... Читаю их, и читаю поэзию Мардахая Овшолума... Горько и обидно сознавать, что достояние, гордость нашего народа – Мардахай Овшолум Сибири из-за безграмотности и безразличия одних, из-за корысти и злопыхательства других не только не был включён в этот ряд народных поэтов Дагестана, но и был на многие десятилетия вычеркнут из нашей истории.

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ

**ЛЕГЕНДАРНЫЙ
МАРДАХАЙ
ОВШОЛУМ СИБИРИ
(СИБИРСКИЙ)
1860-1925**

**ПРАВДОЛЮБЕЦ,
БУНТАРЬ-ОДИНОЧКА,
НАРОДНЫЙ ЗАСТУПНИК,
ПОЭТ-КЛАССИК
ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ**

ДЕРБЕНТ XIX ВЕКА. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

*Ведь, кроме прощения, нет мужества большего.
Дороже правдивого нет слова лучшего.
И Родины слаще ничего нет на свете.
Надеюсь, вернусь я к вам, дорогие.*

«Письмо из Сибири»

аше повествование о легендарном Мардахае Овшолуме Сибири начнётся с исторической хронологии Дербента, отражающей начало его связей (и Дагестана в целом) с Российской империей, что так или иначе сказывалось на судьбах наших предков.

22 июня 1722 года. Русский царь Пётр I высадился в том месте, где впоследствии был заложен город Порт-Петровск – ныне Махачкала.

23 августа 1722 года. Пётр I без боя взял Дербент.

1806 год. Дербент окончательно присоединён к России.

1813 год. Дербент юридически, по Гюлистанскому договору с Ираном, вошёл в состав Российского государства.

1834-1859 гг. Шамиль становится имамом Чечни и Дагестана.

29 августа 1859 года. Восточная зона Кавказа полностью покорена Россией после пленения Шамиля.

1840 год. Образован Дербентский уезд, управление которым осу-

ществлялось так же, как во внутренних губерниях России, т. е., без учёта местных национальных условий.

1846 год. Дербент становится губернским городом для управления Дагестаном. Здесь размещается резиденция военного губернатора.

1860 год. Создаётся Дербентское градоначальство – гражданское управление в связи с образованием Дагестанской области. В Порт-Петровске открывается тюрьма. Родился Мардахай Овшолум Сибири.

1861 год. Крепостная реформа и отмена крепостного права. На Кавказе это событие большого значения не имеет ни в экономическом, ни в политическом плане из-за устойчивости национального характера этого региона. Ещё долго невозможно будет вытравить из бедного человека его рабскую сущность и его рабскую зависимость от сильных мира сего.

1875 год. В Дербенте построена городская мельница.

1877 год. Дербент на осадном положении в связи со вспыхнувшим в Дагестане восстанием против кумыкских беков. Оно продолжалось 5 лет и закончилось без каких-либо результатов в пользу восставших.

1879 год. Построен паровой завод по выработке виноградного спирта.

1895 год. Введено городское самоуправление.

1900 год. Открытие Дербентской ветки железной дороги.

1905 год. Забастовочное движение в Дербенте в период русской буржуазно-демократической революции. Русско-Японская война.

1917 год. Двоевластие после февральской революции. Установление Советской власти.

1918-1920 гг. Гражданская война и иностранная военная интервенция.

1920 г. Восстановление Советской власти в Дербенте. Объявление Советской власти и Советской автономии в Дагестане.

1921 г. Постановление ВЦИК об образовании Дагестанской Автономной Советской Социалистической республики – Даг. АССР.

1925 год. Смерть Мардахая Овшолума Сибири.

Вторая половина XIX века. Как и вся безбрежная Российская империя, Дербент живёт спокойной, полусонной, размеренной нищенской жизнью южной окраины, с присущими ей болезнями, эпидемиями, отсутствием элементарных условий существования, с нещадным угнетением простого народа беками, богатеями и всякого рода власть имущими элементами.

Росло противоречие между полуголодной и унылой жизнью простого народа и богатством и роскошеством богатеев-феодалов. Это противоречие усиливалось беспределом официальных властей и бес-

конечной войной имама Шамиля с Российской империей. Недовольство простого народа, доведённого до крайней степени отчаяния, должно было, наконец, найти выход. И горские народы Дагестана восстали против кумыкских ханов и беков. Борьба продолжалась 5 лет. Дербент находился на осадном положении. Но простой народ не смог одержать верх над правящей верхушкой, поддерживаемой официальной Российской властью. В результате восстания никакого облегчения народ не получил.

Каково же было жить в такой обстановке горским евреям – народу, исповедовавшему иудаизм. Гонимый народ жил островком-слободкой, называемой «тенге махьала» (в переводе «узкие улочки»), среди антисемитских издевательств такого же ожесточённого жизнью океана мусульманского мира.

Историк и исследователь Дагестана Е.И. Козубский (1851-1911) писал о том времени: «...табасаранские беки, владеющие евреями, поступают с ними варварски, считая еврея не человеком, а животным, которое истязать и убивать по капризу не считается грехом и преступлением...»

Народ стонет в своих убогих жилищах и ищет утешения в заунывных песнях, мечтает о богатырях и героях, которые придут и, наконец, помогут ему.

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ

ещё до недавнего времени немногие знали, что Дагестан в числе 36 других народностей издревле населяет малочисленная народность – горские евреи, «джуургъой догъи» или «таты», как нас называли в последние годы, приобщая тем самым к татам-мусульманам.

С древнейших времён горско-еврейский народ жил во многих селениях Кавказских гор и плоскогорий. Как сами горские евреи, так и многие исследователи прошлых столетий: Виллем Рубрук (1215 или 1220-1293), Адам Олеарий (1603-1671), Ян Стрейс (1630-1694), Самуэль Готтлиб Гмелин (1745–1774), И.Я. Чёрный (1835-1880), и многие учёные современности считают горских евреев потомками колен Иуды и Бениамина. А прослеживая их путь на Кавказ, связывают появление горских евреев в Дербенте и других многочисленных населённых пунктах данного региона с ассирийским и вавилонским пленениями.

В 722 г. до н.э. ассирийцы увели в плен десять северных колен Израиля, а колена Иуды и Бениамина ещё долгое время жили в пределах

Иудейского царства и в 586 г. до н.э. были уведены в плен в Месопотамию войсками вавилонского царя Навуходоносора после разрушения Первого Иерусалимского храма.

Если 10 северных колен канули в пучину человеческой истории, а, проще говоря, считаются до сего дня пропавшими, то часть колен Иуды и Бениамина – предки современных горских евреев, претерпев великие лишения и страдания, с давних времён расселилась на горных просторах Восточного Кавказа.

История горских евреев – уникальная страничка в истории мировой цивилизации. Живя в окружении мусульманских народов и стараясь поддерживать с ними добрососедские отношения, горские евреи никогда с ними не смешивались и хранили веру далёких предков, верность заповедям Торы. Они отмечали еврейские праздники, чтит скорбные дни, неуклонно соблюдали субботу, сохранив тем самым себя как этнос. Между тем, история горских евреев знала немалые случаи насильственного обращения их в мусульманство, и так же, как российское и мировое еврейство, они в полной мере испытали на себе ужасы бесконечных погромов и иных проявлений антисемитизма.

Сам термин «горские евреи» появился в XIX веке после включения Дербента в состав Российской империи. Прибывшие сюда вместе с русской армией учёные и исследователи были поражены, встретив здесь ревностных последователей Моисеевой веры, совершенно непохожих на своих российских собратьев. Местные евреи, как и другие горские народы, обладали горячим нравом, прекрасно ездили верхом и были способны с помощью имеющегося у каждого оружия защитить при необходимости и себя, и свой дом.

Судьба этого маленького народа сколь трагична, столь и величественна. Давно ушли в небытие многие большие народы, будоражившие когда-то мир. Исчезли целые государства и сообщества, не сумевшие преодолеть всех превратностей судьбы. Но маленький народ, названный горскими евреями, благодаря своему великому умению переносить все тяготы и лишения, выжил. Он жил с Богом в сердце, из поколения в поколение передавал свою веру и во все времена рождал на свет сильных духом и телом титанов-богатырей, готовых в любую минуту принести себя в жертву во имя спасения соплеменников. Увы, имена многих из них не сохранились, став, своего рода, «пропавшими коленами». Но, к великому счастью, некоторые имена всё же дошли до наших времён и продолжают жить в благодарной памяти потомков.

Мардахай Овшолум Сибири, а по данным царской охраны Мардахай Овшолум-огълы – богатырь, бунтарь-одиночка, правдолюбец, защитник обездоленных и один из родоначальников горско-еврейской поэзии. Всевышний наградил его в равной мере и богатырской силой, и силой поэтического таланта, благодаря чему он был и остаётся, пожалуй, одной из самых легендарных и замечательных личностей в истории горских евреев.

Мардахай родился в Дербенте примерно в 1860 году в бедной семье. В народе говорили, что новорожденный отличался необыкновенным весом и рос не по годам крупным ребёнком. Его мать умерла, когда Мардахая не было ещё и семи лет, а в девять он уже начал работать на бека. Зарабатывая деньги на сборе марены, он сам оплачивает своё обучение у раввина Большой Дербентской синагоги – Исроиля. Раввин обучал мальчика, прежде всего, Торе, а поскольку был для своего времени очень образованным человеком, то смог дать ему и сведения по тюркско-азербайджанской, древнееврей-

ской и персидской культуре. Одним словом, Мардахай постигал не только Тору и молитвы, но и понемногу входил в удивительный мир восточной поэзии.

Шли годы, мальчик становился рослым и сильным юношей. На смену мягкому детскому голосу приходит громовой густой бас. Научившись играть на сазе и кумузе, он любил петь народные песни под собственный аккомпанемент и вскоре стал завсегдатаем на бедных горско-еврейских праздниках и свадьбах. Он пел песни, слова которых были сложены в народе, и даже не заметил, как начал импровизировать, досочинять, а потом и сочинять сам.

В жизни Мардахая начинается, говоря современным языком, новая бардовская страница. Народ подхватывает его песни и разносит по аулам и селениям. Теперь его наперебой приглашают на семейные торжества, свадьбы, вечеринки и на различные шумные застолья. Но милосердная душа Мардахая не может пройти мимо чужого горя – его часто видят и на похоронах, где он принимает самое деятельное участие и тоже поёт. Только поёт он здесь совсем другие, траурные песни. Это даже и не песни, а пение Хазана, исполняющего ритуальные еврейские молитвы.

С ранних лет Мардахай познал нищету, увидел забитость своего народа, произвол властей и богатеев-беков. У Мардахая, как и у большинства бедняков Дербента, ничего не было. Ни дома, ни сада, ни определённой профессии, ничего, кроме силы духа и силы рук. Его народ жил в слободке «тенге махыала», в основном, в съёмных лачугах. Сделаны они были из самана или сложены из мелких осколков камней и представляли собой тёмные строения без окон, с низкой протекающей кровлей. От постоянного недоедания, грязи, антисанитарных условий в слободке свирепствовали инфекционные болезни, в том числе туберкулез.

Чтобы хоть как-то прокормить свои семьи, соплеменники Мардахая работали батраками на виноградниках, рыбных промыслах, сборе марены, но эти работы были по большей части только сезонными.

Мардахай был беден так же, как все, но из толпы его выделяло то, что ходил он с высоко поднятой головой, и никакой бек или богач не мог заставить его забыть о чувстве собственного достоинства. В народе ходило немало рассказов, повествующих о его гордом и свободолюбивом характере. Приведу один из них.

Одним из древнейших фонтанов Дербента был Хан-булах, расположенный в населенной части старого города. В настоящее время фонтан полностью утрачен, а в описываемые времена функционировал и считался одной из достопримечательностей города. Однажды к этому фонтану пришёл Мардахай и, найдя подходящий камень, удобно на нём расположился.

И в это же время к фонтану спустился бывший тогда комендантом

города некто Галамисов, человек непомерной толщины и высокомерия. Он привык к подобию страсти, всевозможным почестям и очень болезненно реагировал на малейшее невнимание к своей особе. Об этом знали все, поэтому, лишь заведя его издали, люди вставали и, согнувшись в пояс, угодливо приветствовали коменданта. Так поступали все, но не Мардахай. Он сидел с невозмутимым видом и абсолютно не реагировал на приближающуюся персону.

Увидев сидящего Мардахая, комендант побагровел от возмущения, сам подошёл к нему и заорал:

– Как ты смеешь, негодяй, не встать и не поклониться мне?

– А кто ты такой, чтобы я тебе кланялся? – ответил ему Мардахай и продолжил спокойно отдыхать, не двинувшись с места...

До наших дней дошло содержание, к сожалению, несохранившегося стихотворения Мардахая Овшолума, написанного им в виде послания иранскому шаху. В ту пору шахом Ирана был Насреддин-шах. Как показатель большого достоинства и крепости своего шахства он держал гарем из 1200 жён. Но Мардахай, который кроме кинжала на поясе да дойной козы никакого другого имущества не имел, написал в своём стихотворении Насреддин-шаху, что, мол, он, Мардахай, этого шаха ничуть не слабее, а в некоторых вопросах даже гораздо боеспособнее.

По рассказам очевидцев, Мардахай был человеком громадного роста (более 2 метров), с широкими плечами и крупной костью. Его лицо с крупными чертами было весьма благородным. Особенно удивляли его крепкие руки с широкими, толстыми ладонями, тяжёлыми, будто налитыми свинцом. Чёрные густые борода и усы его были всегда тщательно подправлены и ухожены.

Богатырь Мардахай обладал недюжинной силой. В старом Дербенте, наверное, не было человека сильнее него. Рассказывали, что как-то после проливного дождя по дороге с виноградников в заболотившейся почве застряла гружёная подвода. Как ни старался хозяин вытащить подводу с виноградом из месива, как ни понукал свою лошадь, избивая её кнутом, бедное животное было не в силах сдвинуть подводу с места. Проходивший мимо Мардахай, увидев, в каком бедственном положении находятся и извозчик, и лошадь, решил прийти им на помощь. Сняв обувь и закатав брюки до колен, он подошёл к подводе, обвязал её верёвкой, накинул её на себя и, взявшись двумя руками за подводу, вытянул её из болота.

Ну и кроме всего прочего, пользуясь своей богатырской силой, Мардахай пытался «приобщить» богачей к исполнению заповедей Торы. По еврейским законам имущие люди должны были сами жертвовать синагоге деньги или продукты для поддержания неимущих. Но они

это делали с большой неохотой. По этой причине к ним являлся Мардахай и, где силой, а где одним только своим видом, получал с них пожертвования, которые потом синагогой раздавались бедноте, больным людям и сиротам, чтобы хоть как-то поддержать их от нищеты и голода.

Очевидно, что такой деятельностью он наживал себе врагов не меньшее, чем друзей.

ГОРОДОВОЙ – ВОЗМУТИТЕЛЬ ПРАВОПОРЯДКА

между тем Дербент, как и весь Кавказ, да и вся Россия, вступает в полосу смутного времени, ознаменованного ростом вражды племён и дикого по своему размаху антисемитизма. Порой кровавые конфликты раздуваются искусственно. Защиты нет.

Мардахай очень хочет помочь своему народу. Поначалу он пытается использовать свой талант барда и певца, сочиняя и исполняя пламенные, зажигающие сердца и души песни-призывы, например:

Не нужно больше зла, живите мирно –
Согласие и дружба движут миром...

Он исполняет их во всех людных местах, на площадях и базарах, но желаемого эффекта его призывы не дают. Тогда Мардахай, видя страдания своего обездоленного народа, пишет полные веры в царя и в Бога прошения к местным властям. И, конечно же, опять никакого эффекта.

Осознав тщетность своей писанины, он решает поступить на службу в полицию и становится городовым, наивно полагая, что в форме

блюстителя правопорядка сможет куда более эффективно повлиять на ситуацию. На службу его приняли весьма охотно, видимо, решив, что городской такого роста и такой необыкновенной богатырской силы властям всегда пригодится. Но как они заблуждались! Даже в форме городского он, как и прежде, продолжал выступать с призывами к миру и согласию во всех многолюдных местах. Такой городской никак не соответствовал существующему порядку, установленному властями города, поэтому вскорости из полиции его выдворили.

Я видел каменные лица,
Бездушные, как камни мостовой.
Я бы и сейчас, наверное, работал
Городовым в управе городской...

Эпитафия «Каменные лица»

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ –УЗНИК СИБИРИ

Антисемитизм и безысходность всё более и более нарастают, и Мардахай, который всегда призывал в своих песнях, «чтоб стихли стоны», говорил, что «все люди – братья» и «прошу вас, люди, живите мирно», начинает осознать: насилие может быть побеждено только ответным насилием. С этого момента жизнь наполняется другим содержанием, что и определит всю его дальнейшую жизнь, в которой его постоянным спутником станет арестантский халат.

Начинается новая драматическая веха его пути. Как пишет Мардахай Овшолум в одной из своих эпитафий, пятнадцать раз его осуждали на каторгу, двенадцать раз он совершал побег. Был ли это поэтический образ или исторический факт – сейчас сказать трудно. В народе сохранились воспоминания только о нескольких арестах и среди них об одном, самом первом, осуждении Мардахая на каторжные работы.

Идут 70-е годы XIX века. Мардахай работает сторожем на «Трудовом базаре» Дербента. На той же улице, в конце которой находились ряды

всевозможных торговых лавок, располагались и три синагоги Большая, Малая и синагога «Хывро». Поскольку сторожем на этой улице был сам Мардахай, ни один вор или налётчик не смел посягнуть ни на лавку, ни на жилой дом, ни на синагогу.

Однажды тихой спокойной ночью, находясь на своём посту и делая обход «своих объектов», Мардахай, погружённый вероятно, в раздумья о реальном положении своих соплеменников, о невозможности что-либо кардинально изменить, вдруг услышал душераздирающий женский крик и призывы на помощь. Оказалось, что пьяный жандарм пытался изнасиловать молодую женщину-вдову, горскую еврейку, живущую неподалёку. Зная, что женщина живёт одна, жандарм и затеял своё гнусное дело. Он был уверен, что особого противодействия не будет: кому до неё есть дело, да и кто осмелится оказать отпор ему, вооружённому жандарму, представителю власти. Но возмездие пришло. Жандарм получил отпор от Мардахая Овшолума, который и не думал в тот момент, что, помогая бедной женщине, кладёт на алтарь свою собственную судьбу.

Увидев помешавшего ему сторожа, жандарм, взвинченный выпивкой и неудовлетворённой животной страстью, бросился на него и в завязавшейся борьбе нашёл свою смерть на лезвии кинжала. Его тело Мардахай сбрасывает в уборную и немедленно скрывается.

Труп пропавшего жандарма в скором времени был обнаружен, и агенты полиции начали рыскать по домам, подвалам, дворам в поисках преступника. Неоднократно они являлись к нему домой, но у его жены и дочери был заготовлен один ответ: «Мардахая дома нет». С тех самых пор у нашего народа, в числе многих других, появилась ещё одна поговорка на азербайджанском языке: «Гелгит, Мардахай эвде ёхтур» – «Приходи-уйди, Мардахая дома нет». Так говорят, когда кто-то предпринимает какие-то бесполезные шаги.

Несмотря на то, что друзьям довольно долго удавалось прятать Мардахая в надёжных местах, врагов у него было тоже немало, и полиции, в конце концов, удалось его арестовать. Сотни земляков приходили к месту временного заключения Мардахая, чтобы как-то поддержать его и вселить бодрость духа.

А затем в 1878 г. был суд. На суде Мардахай признался в том, что убил жандарма, и пытался доказать, что тот был сам виноват, так как хотел изнасиловать беззащитную женщину и обречь её на вечный позор. Но суд не слышал показания Мардахая, зато прекрасно понял показания добровольных свидетелей, местных богачей, заявлявших, что Мардахай «бандит» и «очень опасен для государства». Они поведали и о том, что пользуясь физической силой, он неоднократно отбирал у них деньги и продукты, держал их в постоянном страхе, устраивал между ними и их батраками незаконные суды и выгораживал оборванцев...

О тех добровольных свидетелях Мардахай впоследствии писал:

Добровольцы-богачи,
будь они во век прокляты!
На суде, назвав «бандитом»,
суду поверить мне не дали.
Прокурор, судья, присяжные,
посчитав меня опасным,
Сурово очень наказали
и в каторжане заковали.

Вердикт был действительно суров: 15 лет каторжных работ в Сибири, что в те времена было равносильно смертному приговору. Каким бы ни был Мардахай богатырём и храбрецом, тут он довольно серьёзно испугался: ему предстояло отправиться в далёкую, суровую и, по слухам, очень страшную Сибирь, где ему, возможно, придётся провести всю оставшуюся жизнь без жены, без дочери, без родных, близких и друзей. Ему придётся мучительно жить и умереть вдали от родного Дербента. В одном из его стихотворений мы читаем:

Как называли каторжанином,
мои колени задрожали.
Нет на свете таких слов,
чтоб этот ужас выражали.
Это скорбное письмо
я пишу из преисподней.
Ты несчастною теперь,
дорогая моя, стала.

На почтовом пароходе его отправляют по «Южной Владимирке» – маршруту каторжан юга России: Баку – Астрахань – Сибирь. Мы не можем знать, как конкретно проходили его каторжные годы. Только в строчках его стихов, присланных с каторги, мы читаем о выпавших на его долю страданиях и мучениях, о тоске по всему, что он оставил в родном Дербенте. Однако по этим же стихам можно судить, что он не был сломлен многолетней каторгой, наоборот дух и воля его ещё более окрепли. Надо сказать, что вдали от Родины он написал свои лучшие стихи.

Мардахай возвращается в Дербент в начале XX века (примерно в 1903 г.) накануне наступающих в России бурных революционных со-

бытий. Ликованию простого народа не было предела. Отныне прозвище «Сибирь», т. е. «Сибирский» прочно прикрепляется к его имени.

Мардахай Овшолум Сибири вернулся домой, прихрамывая на правую ногу. Он повредил её бревном, сорвавшись со ступеней на сибирском лесоповале. Для облегчения передвижения он берёт тяжёлую металлическую трость, которую теперь видят у него в руках в течение всей его жизни. Люди говорили, эта трость была настолько тяжела, что любому другому даже поднять её было не под силу. А для Мардахая она была как бы продолжением его руки. Ну а для всех других эта трость стала «пограничным столбом» между всеми, кого он любил, и окружающим враждебным миром.

С горечью видит Мардахай, что беспросветная нищета и страшный антисемитизм за годы его пребывания на каторге ещё более усилились. Он не мог не видеть, как жирели богачи, сдабривая своими благотворительными акциями официальные власти и получая за это индульгенцию на нещадную эксплуатацию простого народа. И его трость становится не только помощником в передвижении, но и при необходимости грозным оружием. Именно эту трость, уходя по своим делам, он втыкал в землю между двумя магалами – еврейским и мусульманским, устанавливая тем самым «границу», перейти которую недобрые люди побаивались. Трость оставалась на месте ровно столько, сколько считал нужным её хозяин. И никто не осмеливался перейти границу, пока сам Мардахай не возвращался и не забирал трость обратно. А, кроме того, воткнутая трость для погромщиков и для своих людей была символом того, что Мардахай Овшолум сейчас здесь, в Дербенте, и горско-еврейская слободка может вздохнуть спокойно.

Рассказывали, что в очередной раз появившись в Дербенте, Мардахай застал в своей слободке последствия случившегося на днях погрома. Увидев, в каком бедственном состоянии находятся его соплеменники, он пришёл в неопишемую ярость, созвал молодых мужчин, велел им вооружиться, кто чем может, и повёл в «верхний магал». При виде группы евреев, входящей в «магал», недавние погромщики начали свистеть, улюлюкать и бросать грубые насмешки. Но лишь услышав знакомый зычный голос, а затем и увидев шедшего вслед за молодёжью Мардахая, насмешники бросились врассыпную по домам, заперли свои ворота, и ни один из них на призыв сразиться в честном бою не вышел.

ДЕРБЕНТСКИЙ РОБИН ГУД

Имя Мардахая обростает славой. Бедняки города очень гордятся им и любят его. А богатеи ненавидят и считают своим врагом. И у них на это были причины: многих из них Мардахай обложил «налогом». Как прославленный герой средневековых английских народных баллад Робин Гуд (о котором Мардахай, безусловно, и понятия не имел), он брал у богатеев деньги, продукты и отдавал в синагогу для раздачи бедным и больным соплеменникам.

Примерно в это же время, когда Мардахай вернулся с длительной каторги, на службу в Большую синагогу Дербента назначается очень молодой, но довольно образованный раввин Асоиль Бинаев (1882-1958). Несмотря на большую разницу в возрасте и на то, что раби Асоиль был назначен на эту должность своим тестем, миллионером Ханукаевым, они тесно сходятся. Видимо, молодого человека привлекла незаурядная личность Мардахая, ставшего для него героическим примером бескорыстного служения своему народу.

Впоследствии раби Асоиль даже, якобы, ходил с Мардахаем к богатеям и собирал с них «дань». Он вовлек Мардахая в общественную жизнь и назначил казначеем Большой синагоги. По крайней мере, так выглядят отношения этих двух людей по версии Хизгила Авшалумова, который в своём очерке о Мардахее описал один из эпизодов, сохранившихся

в памяти народной. Речь в нём идёт о том, как Мардахай обложил «налогом» богача по имени Ильгъоно, отличавшегося особыми несправедливостями по отношению к бедному люду.

Дело происходило во дворе синагоги, куда зашёл Мардахай. На поясе его был длинный широкий кинжал, а в руках знаменитая металлическая трость. Поздоровавшись со всеми присутствовавшими, он прошёл и уселся рядом с находившимся там Ильгъоно. Люди мирно беседовали, как вдруг богач внезапно взвизгнул и подскочил. Откуда людям было знать, что это Мардахай неожиданно ущипнул его своими огромными железными пальцами за «мягкую» часть туловища.

– Молчи и слушай! – угрожающе тихо сказал Мардахай. – Сейчас пойдёшь домой и скажешь жене, чтобы она приготовила сегодня хороший «бугълеме» из лосося (национальная еда, типа рыбной ухи) и рисовую кашу к нему. Пусть поднимет из твоего подвала ведро хорошего вина, подготовит зелень-мелень и что там ещё полагается. Мы с уважаемым раби Асоилем сегодня вечером придём к тебе в гости.

– С удовольствием! – со страхом промолвил Ильгъоно. – Гость – от Бога! Приходите.

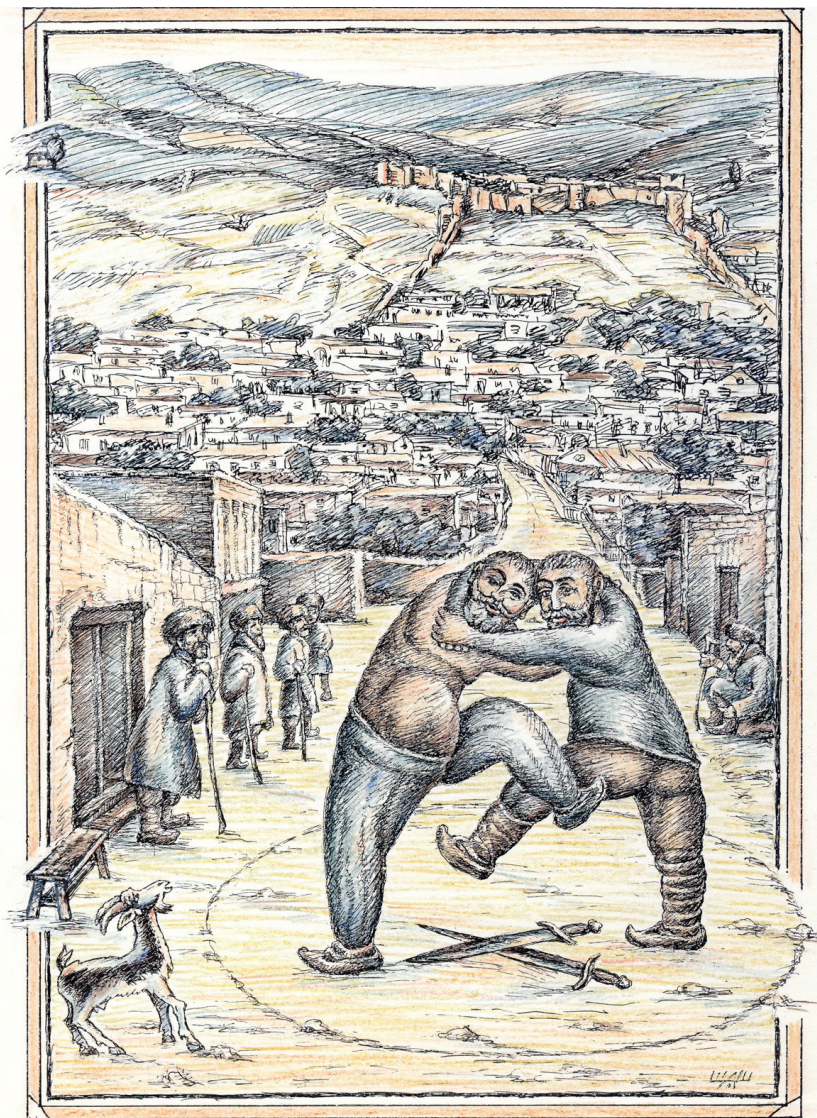
– «С удовольствием» после скажешь, – продолжил Мардахай. – Ты знаешь, скоро Нисону (Песах), а у многих бедняков нет денег на хлеб, не то что на мацу, вино и мясо. Три сотни ещё дашь, и их разделят в синагоге между самыми нуждающимися (а надо сказать, что три сотни были тогда немалыми деньгами, на такую сумму, например, можно было справить большую свадьбу).

Нередко люди сами обращались к Мардахая с просьбой о помощи и восстановлении справедливости, поскольку многие дербентские богачи старались как можно меньше платить труженикам за работу. Рассказывали, что один такой богач, хозяин садов, не только норовил заплатить меньше положенного, но ещё и задерживал выплату, вынуждая работников по нескольку раз с унижениями обращаться к нему за деньгами: то его дома нет, то он спит, то у него времени нет – потом приходи.

Один бедняга, доведённый до крайности, пришёл с жалобой к Мардахая. Вместе они вошли во двор к богачу, и Мардахай перед его двумя жёнами, детьми и квартиросъёмщиками отвесил издевателю такую оплеуху, что тот посреди двора несколько раз перекувыркнулся. Мардахай вынудил богача не только вернуть работнику все причитающиеся ему деньги, но и дать столько же сверху за все издевательства над ним.

А М. Дадашев приводит в своём очерке другой случай, записанный со слов Семёна Юсуфова. Однажды Мардахай поднимался к верхней

части города, к знаменитому роднику Микри-булагу, из которого горожане брали воду. На пути ему попадает плачущая молодая еврейка. На его расспросы она ответила, что еврейкам не разрешают брать из родника воду. «Вот как? – возмутился Мардахай. – Пойдём со мной, дочка». Прихрамывая, он поднялся вместе с женщиной к роднику, воткнул в землю трость, повесил на неё папаху и громко, чтобы все слышали, произнёс:

– Я хочу посмотреть, какой собачий сын спустится и помешает нашим женщинам брать воду!

И даже потом, когда ни трости, ни папахы там в помине не было, всё равно никто не решался мешать еврейским женщинам у родника.

Говорили, что Мардахай оказывал помощь не только бедным евреям, но и другим жителям города. Я вспоминаю, как в пору моей юности из случайной беседы с пожилым безногим сапожником-азербайджанцем, работавшим напротив кинотеатра «Родина», я узнал о том, как Мардахай помог молодой одинокой азербайджанке и спас её от домогательств неких молодчиков из магала. По словам сапожника, Мардахай так проучил их, что это запомнилось надолго и многим послужило уроком.

Нет сомнений, что у Мардахая было много врагов, но гораздо больше у него было друзей среди евреев, табасаранцев, даргинцев, азербайджанцев. Так лезгинский писатель Кази Казиев в своей повести «Кири Буба» повествует о героическом борце Мардахе Овшолуме – большом друге лезгин.

А одним из самых близких друзей Мардахая был азербайджанец Керим Алекпер-огълы. Он тоже был силачом, смелым боевым человеком, не ведавшим страха. Керим и Мардахай были преданы друг другу, не раз ели вместе хлеб-соль, пока какой-то «доброжелатель», намереваясь их рассорить и сделать врагами, не навёл напраслину на Мардахая.

Взбешённый азербайджанец вызвал Мардахая на бой – сразиться на кинжалах. На месте дуэли куском известняка начертили круг, за пределы которого, по правилам битвы, дерущиеся не имеют права выходить, пока один из них не упадёт замертво. Кинули жребий, чтобы определить, кто первым сделает выпад кинжалом против своего «врага». Жребий выпал Мардахая.

Обнажив кинжалы, они стояли напротив друг друга, а со всей округи сбегались люди, чтобы стать свидетелями необычной дуэли. Но дуэль не начиналась, поскольку Мардахай не нападал, а просто стоял спокойно и с достоинством.

– Бей, Мардахай, я жду! – крикнул ему Керим.

– Нет! Ты бей сначала! – ответил Мардахай.

– Как же я ударю? По жребию ты должен бить первым!

– Во имя нашей прежней дружбы, во имя того, что мы не раз ели с тобой хлеб-соль за одним столом, я дарю право первого удара тебе. И не сомневайся: какую бы тяжёлую рану ты мне ни нанёс, я всё равно сумею ответить тебе как надо.

Услышав слова, которые может произнести только по-настоящему храбрый, сильный и благородный человек, Керим забывает о своих обидах. Он бросает кинжал на середину круга, туда же бросает свой кинжал и Мардахай. Онижимают друг другу руки, обнимаются как братья и остаются таковыми до конца жизни.

ССЫЛКИ, ПОБЕГИ, РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

самого момента возвращения Мардахая Овшолума с сибирской каторги в жандармерию города на него поступают непрерывные жалобы. Богачи города требуют принять меры против «вымогателя» и «бандита».

По весне на деревьях цветы расцветают,
Душистым их запахом город залит.
Зря беки «бандитом» меня называют –
Я не бандит, и пред Богом я чист.

«После суда»

Живя от ареста до ареста, сменяя одну ссылку на другую, Мардахай не меняется. Он всё такой же желанный гость на всяческих посиделках и пиршествах, всегда собирает множество слушателей, особенно молодёжь, кумиром которой был на протяжении всей своей жизни. Он поёт свои замечательные песни, речь свою пересыпает короткими образными фразами, за что снискал себе славу мастера метких выражений. А по

вечерам он рассказывает свои нескончаемые сказки. На праздниках и пиршествах всегда становится душой компании и, как правило, избирается тамадой.

Будучи сам из простого народа и видя его бедственное положение, он, как и прежде, продолжает помогать беднякам, продолжает выступать в роли справедливого судьи и заступника.

Сохранились рассказы о том, что как-то раз на дороге, ведущей в Белиджи, Мардахай грабит перевозимую казну – средства собранные от налогов с бедных горожан. «Бандит» отбирает деньги и немедленно возвращает их бедноте.

В родном Дербенте ему доводится бывать не часто. Но каждого его появления простые люди ждут с надеждой и встречают своего защитника с ликованием. А на самого защитника обрушивается непоправимая беда: в тяжёлых родах умирает его любимая жена Нергюз. Он тяжело переживает эту утрату, но во сто крат тяжелее для него то, что всё случилось в момент его отсутствия, когда он сидел в тюрьме в ожидании очередного приговора.

Необходимо заметить, что за свою жизнь Мардахай женился трижды (после смерти предыдущих жён), но, как истинный однолюб, стихи он писал и признавался в них в своих чувствах только первой жене Нергюз.

1905 год. Пытаясь увести народ от революционных брожений и покончить с взбунтовавшимися революционными силами, Николай II начинает войну с Японией. Эта война стала настоящей бойней, на её фронтах ежедневно погибали тысячи людей. И власти Дербента, как и многих других городов, с готовностью отправляли в «мясорубку» всех возмутителей спокойствия, среди которых, естественно, был и Мардахай.

В проклятый день моего призыва
Барабаны повсюду надрывно стучали.
Не Бог нам хотел войну на погибель –
Войну хотел наш царь кровожадный.

«Письмо из царской армии домой»

Но ему повезло: он не только не погиб в этом адовом пекле, но и благополучно вернулся, да ещё и с царским крестом. Этот крест долгие годы хранился у его дочери Зулпо, и мы в детстве много раз слышали рассказы матери и отца об этой героической награде.

После возвращения с войны Мардахай женится на молодой красивой девушке из Губы, но их спокойная семейная жизнь длится недолго, поскольку Мардахая ожидают новый арест, суд, ссылка и очередной побег.

Надо понимать, что Мардахай стоял властям города «поперёк горла». Каждый его арест сопровождался народными волнениями: люди разных национальностей приходили к месту заключения своего героя и требовали от властей для него свободы.

Так было и тогда, когда на заводе, где гасили известь (он находился у подножья гор к югу от Нарын-кала), Мардахай вступился за нещадно избиваемого работника. Завязалась настоящая схватка, в которой жандармы нанесли Мардахая 15 ран. Но герой не сдался. «Вы закончили? Ну а теперь я начну!» – с этими словами он вновь бросается в бой, убивает одного из жандармов, а другому отрубает руку.

Израненного преступника вновь осуждают на каторжные работы и в кандалах отправляют в Порт-Петровск. На середине пути, в районе Избербаша, Мардахай разрывает кандалы, ранит конвоира и пытается бежать, но побег совершить не удаётся. За этот проступок его из Порт-Петровска отправляют на доследование в Тифлис, где размещалась канцелярия наместника Кавказа, а оттуда через Николаев в Иркутск.

Так было и тогда, когда в ответ на бесчисленные издевательства над простыми людьми Мардахай убивает двух сыновей богатого бека. После суда и очередного приговора его привязывают к мачте судна, которое должно доставить каторжника на паром, чтобы впоследствии отправить уже известным маршрутом «Баку – Астрахань – Сибирь». Судно с привязанным к мачте Мардахаем всю дорогу сопровождали многочисленные лодки с людьми. А Мардахай, не теряя присутствия духа, тут же импровизирует и громогласно читает провожающим свои стихи, ставшие потом крылатыми и одними из самых любимых в народе:

Пять пальцев у меня, пять крепких пальцев.
Если сожму их – будет кулак.
Для врага мой кулак – это камень тяжёлый,
Для тебя же защитой будет, бедняк!

«Хвала моему кулаку»

Будучи обладателем громадной физической силы и к тому же человеком грамотным, Мардахай во время многократных пребываний на каторжных работах назначался на какие-либо должности. Он становился бригадиром, учётчиком или ещё кем-нибудь, благодаря чему не только сам получал возможность выжить, но и мог даже здесь, в Сибири, помогать своим более слабым товарищам, поэтому и на каторге он был окружён

преданными друзьями. Особым уважением Мардахай пользовался у политических каторжан. Благодаря их помощи он смог преодолеть цингу и сыпной тиф:

Не смогут помочь мне ни брат, ни сестра –
Учёные друзья из России врачуют,
Чутко дежурят у ног до утра,
Глаз не сомкнув, у постели ночуют.

«Песня во время болезни»

Мардахай Овшолум – личность удивительная. Многие рассказы о нём – готовый сюжет для захватывающего детективного или приключенческого романа. Вот один из них.

Мардахай в очередной раз осуждён и приговорён к каторжным работам в Сибири. Вместе с другими заключёнными его, закованного по рукам и ногам, сажают на грузовое судно и помещают в один из трюмов. Судно отчаливает от пристани, но, пройдя буквально несколько миль, по неизвестным причинам начинает тонуть. На борту дикая паника, но Мардахай в этой абсолютно безвыходной ситуации оказывается сильнее стихии. Даже будучи закованным в кандалы, он сумел выдавить толстое стекло иллюминатора и выпрыгнуть в открытое море.

Двое суток на бочке, выпавшей с судна, он плывёт к берегу и спасается, тогда, как сотни людей, находившихся на судне, погибли в морской пучине. Погибли и заключённые, и конвоиры, и матросы. Недюжинная сила и воля к жизни спасли Мардахая от неминуемой смерти, только вот свободу он не обрёл: на берегу Каспия его ждала полиция.

На каторге Мардахай сближается с русской женщиной, отправленной на поселение в Сибирь за какие-то проделки. Но когда становится известно, что подруга ему неверна, он, абсолютно не приемлющий предательство и особенно – предательство близкого человека, в ярости избивает её и вскоре совершает очередную побег...

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

т момента первого ареста и до 1917-18 годов XX века Мардахая редко удавалось пожить в родном Дербенте. Русско-японская война, новые аресты и ссылки... А если в этот период он и бывал дома, то зачастую находился на нелегальном положении после очередного побега. Поистине, как писал Мардахай в одной из своих эпитафий: «Спокойных дней не увидев мечту». Так продолжалось до полного установления в Дербенте Советской власти.

Появившись в очередной раз на родине в 1919 г. в разгар революционной борьбы и Гражданской войны, Мардахай, тем не менее, с оптимизмом встречает происходящие перемены. В его городе вновь идёт война, борьба за новую власть, его власть. И он, уже немолодой, казалось бы, измученный ссылками и гонениями человек, встаёт на баррикады и дерётся с врагами! Он снова чувствует себя молодым, он снова на горячем перекрёстке истории.

Вряд ли он был революционером в полном смысле этого слова, однако нет сомнений, что такой человек, как Мардахай, не мог стоять в стороне от борьбы за грядущие перемены. Окрылённый надеждой на

лучшую жизнь для простых людей, он с головой окунается в самую гущу революционных событий, выступает на многочисленных митингах, говорит о братстве, о новой жизни, которая принесёт людям счастье. Мардахая трудно узнать, он преображается, становится лёгким на подъём и даже восторженным, как когда-то в молодости.

Идите на схватку, великую схватку,
Будьте смелы, громите врага.
Отрядами горскими умножьте победу
В борьбе за власть человека труда.

*«Из наставлений отрядам красногвардейцев,
уходящим на фронт»*

Но новая власть, вопреки мечтам Мардахая, в момент своего становления принесла народу не избавление, а ещё большие беды и, трагически известный по всей России, голод 20-30-х годов.

По воспоминаниям известного горско-еврейского писателя Миши Бахшиева, в 1922 году в Дербенте царил страшный голод. Семья Мардахая, как и другие бедные семьи, терпела большую нужду. В конце лета, когда урожай пшеницы с полей уже был собран, Юсуф Бахшиев, друг Мардахая и отец будущего писателя Миши Бахшиева, предложил идти в Мюшгюр и дособирать колоски, оставшиеся на полях, чтобы принести домой хоть немного зерна (в те годы так нередко поступали сироты, одинокие женщины или очень бедные люди).

Друзья отправились в путь, прихватив с собой и Миши, бывшего тогда ещё подростком.

Мюшгюрцы, увидев, что в группе людей, пришедших на их поля собирать колоски, сам легендарный богатырь – «гъуччи» Мардахай Овшолум, не позволили им работать под палящим солнцем. Они усадили Мардахая как дорогого желанного гостя в тени деревьев, чтобы тот отдохнул, а затем приглашали его вместе со спутниками в гости и водили из дома в дом.

За трапезой мюшгюрцы, желая поднять настроение дорогому гостю, пели его песни, всячески выражали свою радость и гордость от того, что их посетил такой уважаемый гость. Мардахай был очень обрадован и беспрестанно благодарил за оказываемые ему знаки внимания. Провожая своих гостей, мюшгюрцы наполнили их мешки хорошей пшеничной мукой.

Это был не единичный случай. Рассказывали, что в те же годы, чтобы прокормить семью, Мардахай с группой друзей решил отправиться

в городок Худот (территория современного Азербайджана), чтобы наняться на уборку хлеба к хозяину-азербайджанцу. Все приступили к работе в поле, но Мардахаю хозяин работать не позволил, настоял, чтобы тот пошёл с ним, усадил его в тени под навесом и потчевал как дорогого гостя. Так продолжалось все дни, пока друзья Мардахая трудились в поле. А когда работа подошла к концу, хозяин со всеми щедро расплатился, а для Мардахая загрузил целую арбу пшеницы, водрузив сверху жирного барашка.

– Прими, дорогой! Это от всей души!

– Чем же я всё это заслужил? – удивился Мардахай.

– Неужели ты не признал меня? Это же я, Абас. Забыл, как ты спас меня от смерти в Сибири?

– Прости, друг, не признал, – смущённо сказал Мардахай.

– Теперь мой дом – это твой дом, – крепко обнимая друга, говорил хозяин, – приезжай в любое время, ты всегда будешь самым желанным гостем!

ЕСЛИ Я ЗАБУДУ ТЕБЯ, ИЕРУСАЛИМ...

Мя Мардахая Овшолума ещё при его жизни обросло всевозможными легендами. Однако то, что он побывал в Иерусалиме, – вовсе не легенда, как считали некоторые исследователи, а чистая правда. Приводимая здесь фотография Мардахая много лет хранилась и передавалась из поколения в поколение семьёй горских евреев, живущей в Израиле с XIX века. Потомки этой семьи проживают ныне в кибуце недалеко от Кфар-Сабы. Именно они 16 лет назад передали эту фотографию мне. Не трудно предположить, что эта фотография была сделана в Палестине, поскольку гораздо труднее представить, что Мардахай, этапируемый в Сибирь, бежавший с каторги, прошедший весь многотрудный путь до Эрец Исраэль, всё это время тащил с собой эту фотографию, чтобы «оставить кому-то на память». А, кроме того, в Дербенте никто и никогда такой фотографии не видел.

Мардахай в Палестине был, притом побывал он там дважды. Первый раз Мардахай бежал в Палестину, скрываясь от царской охраны. Теперь уже не узнать, какими путями-дорогами добирался он до Земли Обетованной. Но пребывание его здесь не осталось незамеченным, поскольку он тесно общался с семьями горских евреев, а, возможно, и бывших дербентцев, уже проживавших на тот момент в Иерусалиме.

Б.Б. Маноах в своей книге «Пленники Салманасара», вышедшей в Израиле в 1984 году, на стр. 141, ссылаясь на достоверные источники, пишет: «Мардахая бен Авшалом Дербенди и Ядидью Бен Реу-

вена Жарагского русские власти этапировали в Сибирь. В Израиле нам удалось узнать, что эти смелые люди бежали из Сибири и добрались до Эрец Исраэль. Мардахай после февральской революции возвратился в Дербент».

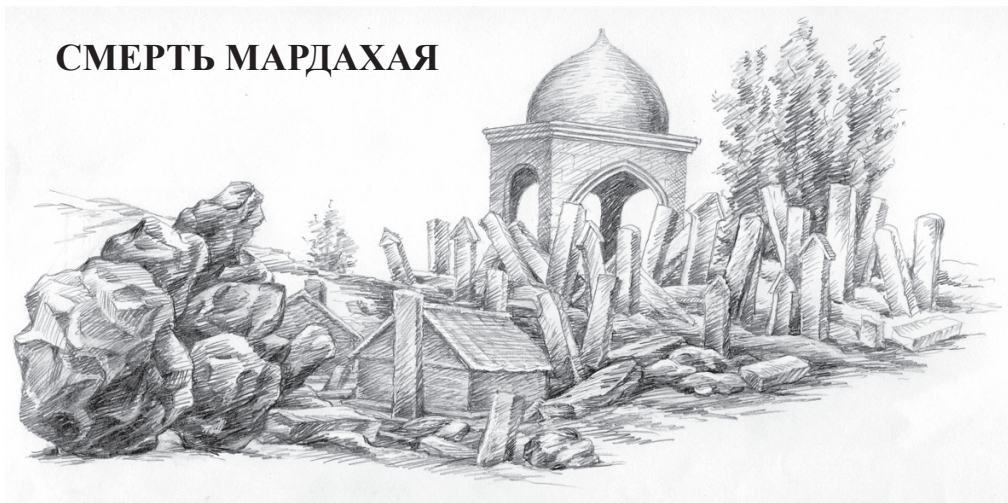
Второй раз Мардахай посещает с определённой целью – он везёт горским евреям в Палестину помощь на религиозные нужды от собратьев из Дербента. Но как в первый, так и во второй раз он не может долго оставаться на возжеленной веками Обетованной Земле. Он тоскует по родному Дербенту, по семье, близким, друзьям. Это выше его сил, и он снова и снова возвращается домой.

На древней земле отцов
Я, надышавшись всей грудью, ожил.
Но горы высокие и Дербент мой родной
Непрестанно на ум мне приходят.

*Мордахай Овшолум. Снимок сделан в Израиле.
(Публикуется впервые)*

СМЕРТЬ МАРДАХАЯ

*Богатырю Мардахая на свадьбе еврейской
Рукой негодяя подсыпан был яд.
Народный заступник отравлен был подло.
Из этой «тюрьмы» не вернуться назад.
Проклятье убийце пусть будет веками,
А слава – герою, и вечная память.*

Ш. Шалумов

вгустовским вечером 1925 года Мардахай Овшолум Сибири на одной из горско-еврейских свадеб был подло отравлен недругом. Молва мгновенно разнесла горестную весть о гибели народного заступника. Мгновенно разлетелось в народе и имя убийцы.

Теперь, в наши дни, вряд ли необходимо вновь озвучивать имя злодея... Это уже ничего не меняет...

Мардахая Овшолума хоронили светлым ясным днём. В последний путь его провожал весь город. Носилки с телом Мардахая несли на своих плечах его близкие друзья – бондарь-поэт Шаул Симанду, сказочник-певец Хизгиё Эми Дадашев, Юсуф Бахшиев и азербайджанец Керим Алекпер-оглы.

В те годы одним из лучших исполнителей песен Мардахая считался Имром Нахшунов. Когда процессия вышла за город и пошла мимо садов, певец, находящийся среди плачущих людей, в нарушение всех канонов нашей религии, своим сильным и красивым голосом вдруг запел:

Над городом белая крепость висит,
Каменные стены спускаются вниз.
Железные ворота, чудный минарет –
Благослови меня, мой город Дербент.

В горах зацвели цветы полевые,
Тюльпаны красивые, пестрые.
Они горемыкам как чёрно-белые.
Благословите меня, горы родные.

Солнце ушло, осветило равнину,
Тенью накрыв виноградный сад.
Душа моя с тобой разлучилась,
Благослови меня, моя любимая.

Увлажнились горы живительной влагой,
Цветы припорошены серебром росы.
Душа моя с телом теперь рассталась.
Благослови меня, моя мама родная.

Я, Мардахай, откровенно скажу,
Что видел тоску и беды изрядные.
Хлеба-соли я с вами съел тоже немалые.
Благословите меня, друзья дорогие.

Говорят, когда его положили в могилу, мгновенно из белых облачков на синем небе как раз над могилой несколько минут полил дождик. Шаул Симанду, один из самых верных друзей Мардахая, посмотрел на солнечное небо и, вытирая слёзы, сказал: «Даже небо о Мардахаете плачет».

Так закончилась жизнь одного из прекрасных героев – сыновей нашего народа. Прах Мардахая Овшолума Сибири покоится в старой части еврейского кладбища г. Дербента, а имя его стало символом любви к своему народу, символом чести и справедливости, мужества и самопожертвования.

ЕГО ОРУЖИЕМ БЫЛИ КИНЖАЛ И ПЕРО

Мардахай Овшолум Сибири своим творчеством конца XIX – начала XX века обозначил начало новой письменной культуры горских евреев. Велика его роль в развитии новых демократических черт нашей литературы. Соединив в своих произведениях национальные черты и общекавказские традиции, он создал интересные образцы высокой поэзии того времени.

Г.Б. Мусаханова, кандидат филологических наук, известный дагестанский литературовед, в своих «Очерках истории 1917-1990 гг.» писала: «Стихи-песни Мардахая Овшолума выдержаны в традиционной форме азербайджанской гошмы с тремя смежными рифмами в строфе и четвёртой строкой, повторяющейся в последующих строфах в качестве рефрена. Собранные вместе, они представляют собой рассказ о переживаниях арестанта, о нелёгкой его судьбе. Здесь и прощание с родными местами, с родственниками и близкими, и воспоминания о былой свободе и скорби о своём положении. Лиризм и психологизм характеризуют эмоциональный настрой его стихов».

В творчестве Мардахая Овшолума Сибири чётко прослеживаются несколько тем: тема социальной несправедливости, тема любви к главной женщине его жизни – жене Нергюз, тема любви к родному Дербенту. И ещё одна тема появилась в его творчестве с наступлением новых времён. Он начал писать стихи – политические эссе, для достижения выразительности в которых он даже отошёл от своей обычной формы – азербайджанской гошмы, превращая каждое произведение почти в призывный плакат. Здесь видно, как изменился Мардахай, у него появилась новая идея и чётко сформулированное политическое кредо. В этих произведениях прослеживается влияние, оказанное на поэта российскими друзьями – политкаторжанами, с которыми Мардахая довелось довольно много общаться и дружить в период многократных пребываний на каторгах.

Воспрянем духом и ринемся в бой,
В отважную схватку с врагами.
Отныне мы братья, наш дух боевой –
Евреи, аварцы, лезгины, гаджары.

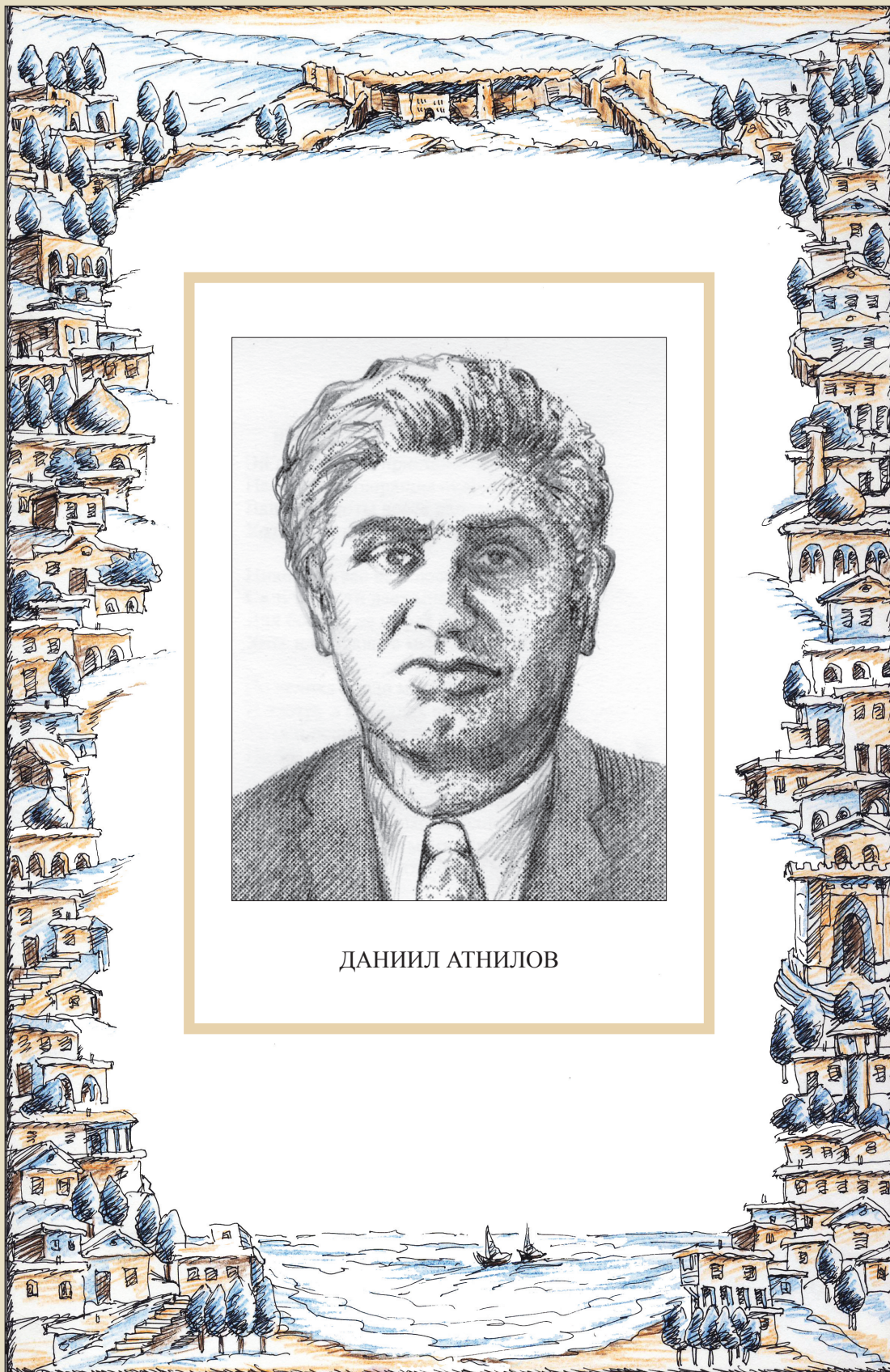
*«Из наставлений отрядам красногвардейцев,
уходящих на фронт».*

Без какого-либо преувеличения можно сказать, что Мардахай – это явление. Явление социальное, общественное, поэтическое, он один из родоначальников горско-еврейской поэзии. Остаётся сожалеть, что из-за шельмования личности поэта-заступника, значение поэтического творчества Мардахая сознательно принижалось, а его имя старательно замалчивалось. Но, как сказал в своём знаменитом романе М. Булгаков, «рукописи не горят». И это правда. Рукописи Мардахая «не сгорели», имя его не забыто и почитаемо не только сопле-

менниками. Оно вошло во многие энциклопедии, такие как «Краткая еврейская энциклопедия» 1982 года, изданная в Израиле и в Америке, «Российская еврейская энциклопедия» 1995 года и во многие другие издания. О Мардахая Овшолуме Сибири пишут, будут писать, и этот процесс уже не остановить.

Овшолум, брат Мардахая

ДАНИИЛ АТНИЛОВ

**СТИХИ-ПЕСНИ
МАРДАХАЯ ОВШОЛУМА**

**СТИХИГЬО – МЭГІНИГЬО
ЭН МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ**

**ЗАПИСАЛ ПО ПАМЯТИ
И ИЗДАЛ В 1947 г. В КНИГЕ
«ШОГЬИРГЬОЙ ТАТИ»
ДАНИИЛ АТНИЛОВ
(1915-1968)**

**КУРА ВЕ ДУЗЕТМИШ СОХДИ
ШОГЬИР
ДАНИИЛ АТНИЛОВ
(1915 – 1968)**

ПЕРЕВОД Ш.А.ШАЛУМОВА

БЛАГОДАРЕНИЕ

среди судейским приговором
Избран этап мне в Сибирь, в холода.
Такое решение отверг я с презрением –
Мои дорогие, благословите меня!

Не слыл я пугливым и слезы не лил,
Не забуду я вас никогда.
Шолум¹ посылаю из этой дали –
Братья, родные, простите меня!

И хотя на ногах у меня кандалы,
Но духом я крепок вдвойне.
Им волю мою не удастся сломить –
Друзья и товарищи, простите меня!

Не переживай так, мой старый отец:
Пусть сегодня ликуют враги.
Светить будет солнце и нам, наконец –
Отец родной, благослови и прости!

Ты, грудью вскормившая старая мать,
Хоть трудно растила меня,
Могла бы по праву счастливою стать –
Благослови и прости меня, милая мама!

¹ Шолум – с языка горских евреев – привет, пожелания мира

Жена моя сладкая, Нергюз-джейран,
Дай ты просохнуть красивым глазам.
Детей моих от невзгод сохрани –
Нергюз моя верная, благослови и прости!

Букет алых роз, мои дети, надежда,
Краса моих будущих дней.
Как святыню я в сердце храню вас всегда –
И вы меня, дети, простите!

Живу в ожидании, мой город Дербент,
Вновь по старым камням твоих улиц пройти,
Вот древняя крепость и краса-минарет –
Дербент, моя родина, благослови и прости!

Высокие горы под солнцем сияют
Зелеными травами и лугами в цветах.
Грезы снов моих сладких сибирских тревожных –
Зеленые горы, благословите меня Вы!

О братья, о сестры, друзья и соседи!
Грядущего завтра лелею надежды,
Вернусь, обещаю, злу не будет пощады –
Родные, друзья, благословите меня Вы!

Торжественно я, Мардахай, заявляю:
Лишения стойко я все одолею,
Вернусь полон сил, на борьбу призову –
Народ мой правый, благослови и прости!

ПЕРЕД СУДОМ

й вы, судьи и приставы царские,
Надо мною творящие суд!
Ваши хлопоты вовсе напрасные,
Хоть и сошлете меня вы в Сибирь!

Никого из вас не боюсь я давно,
Силу страсти дает мне мой дух.
Для борьбы не умрет моя вера в добро,
Хоть и сошлете меня вы в Сибирь!

Но велика предо мною дорога,
И изотру в кандалах ноги в кровь,
Хоть и пощады не жду от врагов я,
Не боюсь, отправляйте в Сибирь!

Должен крепко усвоить лютый мой враг:
Огнем солнца пылает сердце героя;
Друзья окрыляют меня верою так,
Что ещё увидите вы Мардахая!

И тогда никто вам не сможет помочь:
Ни чины ваши, ни ваши звания,
Стеною ярости всех вас сметет –
Что хорошо узнаете вы Мардахая!

А вернусь – обниму я мой город Дербент,
И поцелую свою землю родную.
Возликует от радости весь мой народ –
Вот тогда и узнаете вы Мардахая!

В КАЗЕМАТЕ

акован в темном каземате,
Душа полна мечтой.
Хочется взмахнуть крылами
И прилететь к друзьям домой.

Найду я там коня Гъир Ат¹
Возьму я свой кинжал-булат.
И подниму с врагом на бой
Народ многострадальный свой.

Почти уж лампа затухает,
В глазах кружится сон устало.
Образ Нергюз передо мною,
В черных глазах – мольба немая.

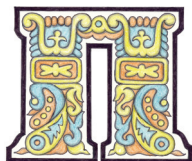
Из приоткрытого окна
Сверкает яркая звезда,
Дает мне силу и манит,
С друзьями встречу мне сулит.

Хоть каторжанин я сейчас,
Обо мне печалиться не надо.
Надежды, помыслы, душа
С вами, друзья мои, всегда.

¹ Гъир Ат – кличка богатырского коня азербайджанского легендарного мстителя Кёр-оглы

ПИСЬМО ИЗ СИБИРИ

Письмо, донеси из Сибири привет,
Всем близким в родимый Дербент,
Что помню всегда и здоровья желаю,
Скажи: Мардахай жив-здоров.

Что желанье великое встретиться с вами:
С братьями, сестрами, родными, друзьями.
Песню радости спеть вам всегда я готов –
Скажи: Мардахай жив-здоров.

Любовь незабвенная, Нергюз – жена верная
Обо мне не печалится вновь.
Детей приласкает, ободрит, согреет –
Скажи: Мардахай жив-здоров.

Хотя и одет в арестантский халат,
А на руках и ногах цепь оков,
Сибирь тоже – родина, как и Дербент –
Скажи: Мардахай жив-здоров.

Даже, если забудусь в тревожном я сне
Под облаками, среди сибирских снегов,
Образ друзей предо мною виденье –
Скажи: Мардахай жив-здоров.

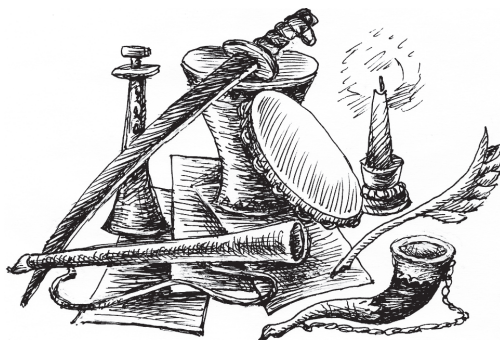
И здесь днем и ночью конвойные лают,
Как злые собаки – с клыков яд стекает.
Однако, как крысы трусливы они –
Надеюсь, вернусь я к вам, дорогие!

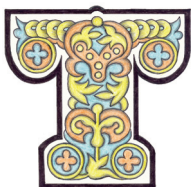
В тиши сибирских морозных ночей
Будят тревожными звуками волны,
Седого Каспия слышу я гимны –
Надеюсь, вернусь я к вам, дорогие!

Ведь, кроме прощенья, нет мужества большего,
Дороже правдивого нет слова лучшего,
И Родины слаще ничего нет на свете –
Надеюсь, вернусь я к вам, дорогие!

Торжественно я, Мардахай, заявляю,
Шолум вам всем, друзья, посылаю,
Здоровья и радости вам я желаю –
Вернусь обязательно к вам, обещаю!

О ДЕРБЕНТЕ

ы спрашиваешь меня, мой друг сибиряк:
Откуда я родом, и где я живу?
Тогда послушай, мой верный собрат,
Все подробно тебе я сейчас расскажу.

Далеко, далеко, у подножия гор,
Среди виноградных садов,
И живых разноцветных красивых ковров
Стоит Дербент – древний город отцов.

Семь улиц прямых сверху в город стекают,
Железная крепость их кольцом обрамляет,
Самородком венчает краса минарет –
Таков он родимый мой город Дербент.

Там родился и вырос, и песни слагал,
Там получил от небес свою силу,
Там слабых людей я от злых защищал –
Таков мой Дербент – отрада сердцу.

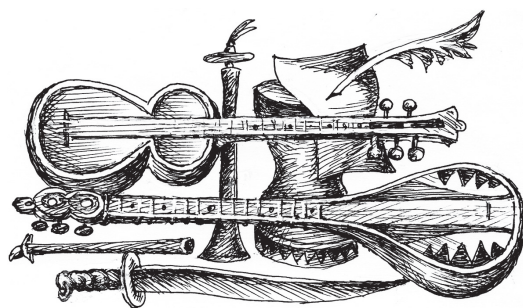
Корни сердца моего – там, в Дербенте,
Счастье дней моих – там, в Дербенте,
И Нергюз, любовь моя, тоже в Дербенте –
Оттого и Дербент в моей памяти вечно.

А когда приходит летняя жара –
Великолепная для отдыха пора,
Там гость для нас – сердечный друг –
Дербент всегда гостеприимен, мой друг.

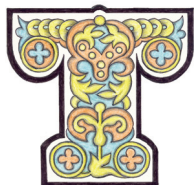

Вода, не поверишь, холодная, сладкая,
Сверкает своей чистотой.
Там осыпаны вкусным миндалем деревья –
Таков вот Дербент – город мой.

Там все люди товарищи мне и друзья.
Они живут в сердце моем.
В Сибири студеной душу греют всегда –
Таков вот Дербент – город мой.

ЭЗ ТОВНЕЙ ДЕРБЕНД

уь эдей пуърсире эз ме:
Коминжигеиге Ватан ме.
Гушдор гуюм эри туь ме,
Дусте хьэрмэхь эн Сибири.

Э дур, э дур, э бел догъгьо,
Э гэрелугъ онгур богъгьо,
Э сер ранглуье сумогъгьо
Поисди Дербенд – Ватан ме.

Хьофт кучею дуз дегешдет,
Эз звер ю – гъэлей пулат,
Минореюш гьисд гъэлемет –
Ижиреи Дербенд, шегьер ме.

Э унжиге ме шир хурдем,
Вороморем, мэгни хундем,
Э унжо гъувот вегуърдем –
Дербенд гьисди муьгъбет дуьл ме.

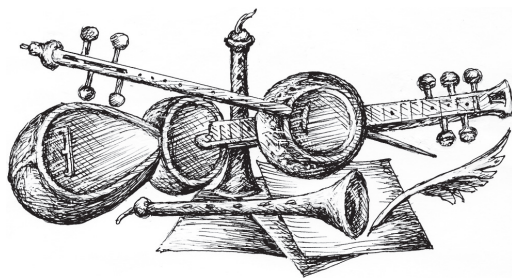
Биней дуьл ме – унжигеи,
Бэхд эн руз ме – унжигеи,
Нергуьз, ёр ме, – унжигеи –
Нирав Дербенд гьич эз ёр ме.

Оморенуьт гьеминонгьо
Эунжо кервуй гемигьо,
Гъуногъ унжо гьисд дуст дуьлгьо –
Ижиреи Дербенд, шегьер ме.

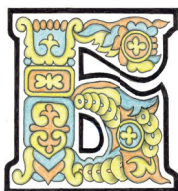

Гювгъюю гъисд хиник, ширин,
Зар гуърде у э сегъери,
Бодон доргъош унжо вери –
Ижиреи Дербенд – Ватан ме.

Унжо хэлгъгъо дустгъой менуът,
Угъо э дуъл ме зигъисденуът,
Хун мере гъе герм сохденуът –
Ижиреи Дербенд, шегъер ме.

Э ГЪЭЗЕМЕТ

есдеюм э торе гъэземет,
Э гъэриш дуыл пури ниет,
Воисдени зенуым гъэнет
Э азади эки дустгьо.

Офум унжо ме гъир ате,
Бесдуым гъилинж эн пулате,
Вахуызунум могьлугъэте
Э женг э сер эн дуьшменгьо.

Пусуз эдей тор бирени
Э чумгьо хов черх хурдени,
Чигърей Нергуыз поисдени –
Сиегъ чумгьо, гузет гъисдигьо.

Эз туьраклей эн пенжере,
Эдем дире ме астара –
Гъувот доре у дуыл мере
Эй вохурде ме э дустгьо.

Гъони дустогъ гъисдуьмгеш ме,
Воре тенги кешит эз ме.
Э ишмуревози дуыл ме –
Гъемише хъэрмэхъгьо – дустгьо.

Э ПУШОИ ДИВУ

й, судъегъо, пристуфгъо,
Эй ме диву сохденитгъо.
Ногъогъини хъэрекетгъо
Эй фуърсоре мере э Сибирь.

Эз екишмуш нисд мере терс,
Могълугъ дори мере нефес,
Эри женг нимуъруъ хъэвес,
Эй фуърсоре мере э Сибирь.

Келеи рэхъ э пушой ме,
Гъисдигеш лап четин рэхъ ме,
Небердитгеш гъич рэхъм э ме,
Терс нист, фуърсит мере э Сибирь.

Дануъсде бош, беде дуъшме,
Дуъл ме пури глэтош чуъшме,
Дусдгъо муъдуът ерэгъ э ме –
Мивинит ишму – кинуъмге ме!

У вэхд кумек нибу э ишму
Не гъонунгъо, не чингъошму,
Гъэтлийён миём э ишму –
Миданит хуб – кинуъмге ме!

Мочь мисохум Дербенд мере,
Ширине хок Ватан мере,
Шор мисохум дуъл хэлгъ мере –
Миданит у вэхд, кинуъмге ме!

СОГЪБОШИ ГУФДИРЕИ

уз чоршобот овурдуът,
Дивун мере очугъ сохдуът.
Эри ме Сибире вихдуът –
Гъазизгъой ме, хъэлол сохит!

Терссуъз бире, нигуъръуьсуъм,
Ишмуре эз ёр нифуърсуъм,
Эришму шолум муьнуьвуьсуъм –
Бироргъой ме, хъэлол сохит!

Э пойгъой ме вегеш бухов,
Сер ме гъич гъуз гуърде ниёв,
Э жун диеш руьхъ мидиров –
Гъовум-гъэрдеш, хъэлол сохит!

Дерд мекеш, пире бебей ме,
Шори сохденигеш дуьшме,
Эймуш товуш муьдуь чуьшме –
Дусте бебе, хъэлол сохит!

Шир дорейгъо, дедей ме, туь,
Келе сохдейгъо мере туь,
Мозоллуь гу хуьштере туь –
Сигъде деде, хъэлол сохит!

Дусте зен ме, Нергуьз-жейрон,
Тари месох гъич чумеш, жон,
Балагъоре мегъил хъижрон –
Дусде ёр ме, хъэлол сохит!

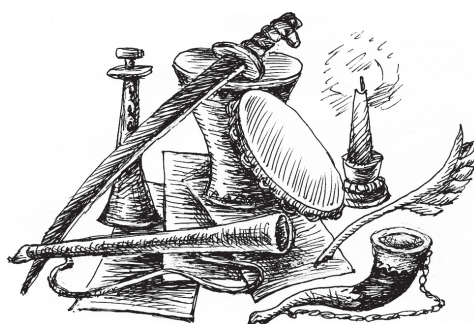
Гъуъзуъргуългъо-гъилгъой ме,
Рачи биёвгъо рузгъой ме,
Нум ишму де гъе э дуъл ме –
Балагъой ме, хъэлол сохит!

О, Дербенд ме, дорей гъуъзет,
Уни гъэле, гъопу пулат,
Минорей туыш гъисд гъэлемет –
Ватан Дербенд, хъэлол сохит!

Дусде догъгъо, доренит тов,
Эз гуългъо ве савзе гиёв,
Пурит ишму эз сур ве хов –
Савзе догъгъо, хъэлол сохит!

Эй, бироргъо – хэгъергъой ме,
Э бугъо руз имидуъм ме,
Егъин миём экишму ме –
Гъовум-гъэрдеш, хъэлол сохит!

Мердэхаюм, гуфдиренуъм,
Ме гъич дерд нис кеширенуъм,
Хэлгъэ э гъовхо огол зеренуъм –
Дусде хэлгъ ме, хъэлол сохит!

КОГЪОЗ ЭЗ СИБИР

огъоз, эз ме бер туь хэбер
Э у сигъде Дербенд шегьер,
Эри гьемме бирор-хэгьер –
Гу: Мердэхай хуби-хоси.

Эри бире хьэсретуьм ме
Эки дустгьо-бироргьой ме,
МэГни шори эй хунде ме –
Гу: Мердэхай хуби-хоси.

Гузет гьисдгьо Нергуьз-ёр ме,
Небу тенги кеши эз ме,
Гэилгьоре дуьл ди эз ме –
Гу: Мердэхай хуби-хоси.

Вегеш э тен ме халат арестант,
Э пойгьой ме зенжил пулат,
Сибириш гьисд эн ме Ватан –
Гу: Мердэхай хуби-хоси.

Хисиренгеш е ченд минут
Э гъэд верфгьо, э зир булут,
Чигърей дустгьо поистенуьт –
Гу: Мердэхай хуби-хоси.

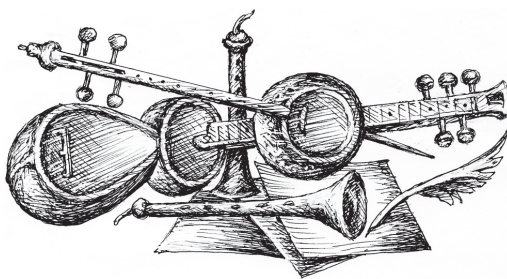
Инжош начальникгьо гьисдуьт,
Сеге хуно, равуьсденуьт,
Оммо, чуьн муш, терсиренуьт –
Имиди, миём ме экишму.

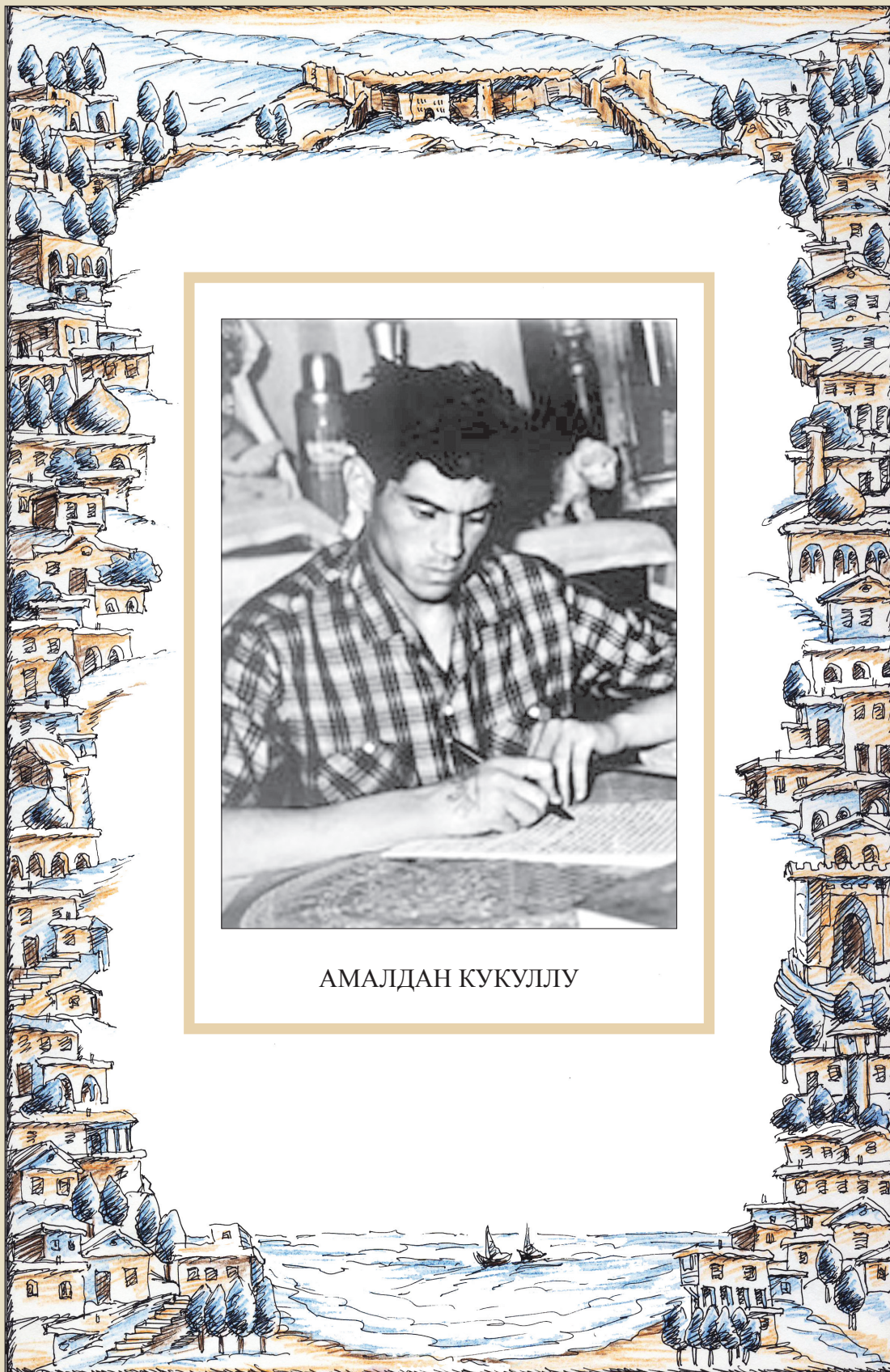

Э соките шев Сибири ме.
Дарафденуът э гушгьой ме
Сес эн шаргьой Каспией ме –
Имиди, миём ме экишму.

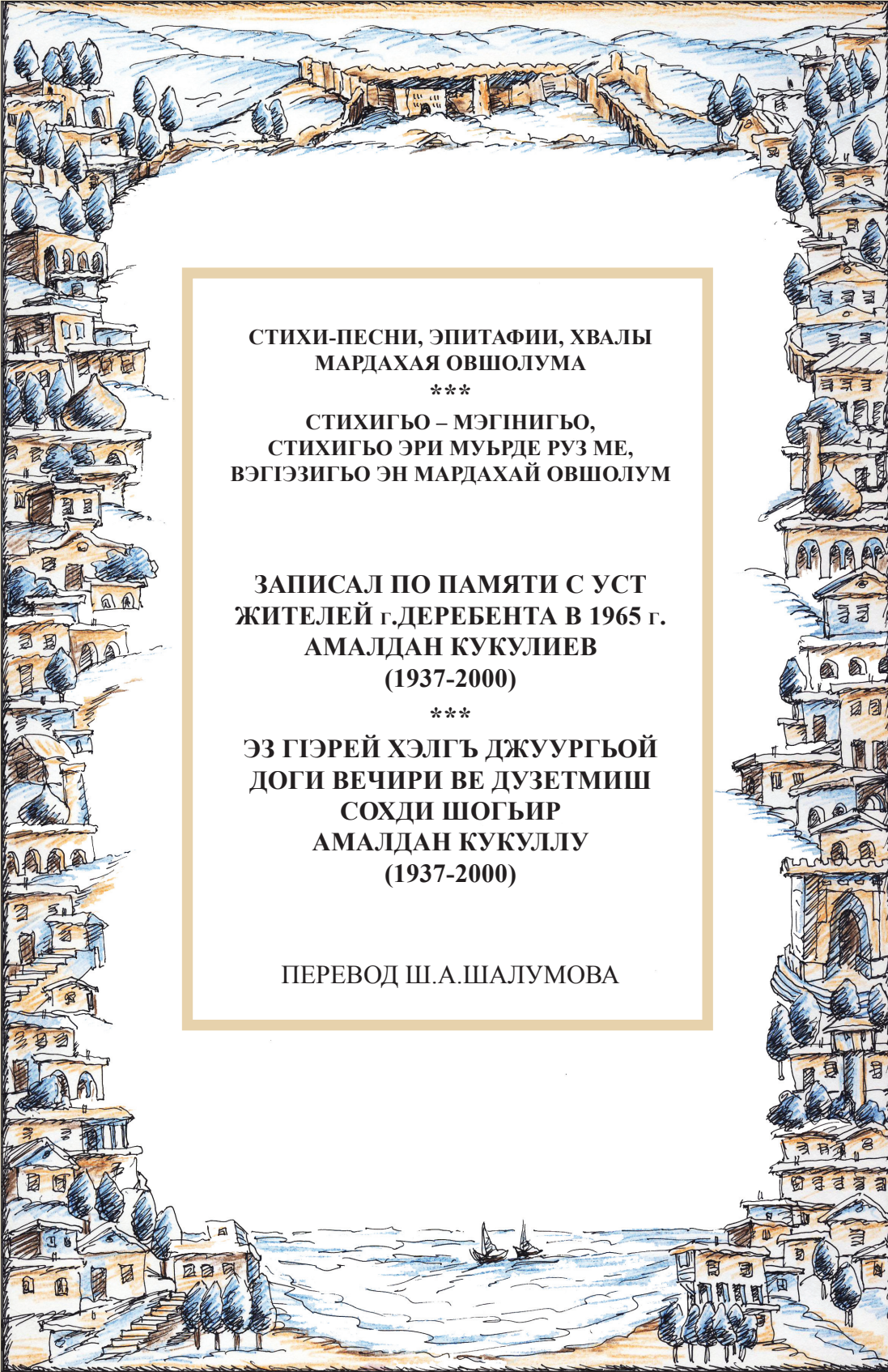
Эз сабуър гьич келете кор нисд.
Эз расди гьич хубте гоф нисд,
Эз Ватан гьич ширинте чи нисд –
Имиди, миём ме экишму.

Мердэхаюм, гуфдиренуъм,
Эришму шолум фуърсоренуъм,
Согъишмуре ме хосденуъм –
Ёгъин миём ме экишму!

АМАЛДАН КУКУЛҮ

**СТИХИ-ПЕСНИ, ЭПИТАФИИ, ХВАЛЫ
МАРДАХАЯ ОВШОЛУМА**

**СТИХИГЬО – МЭГНИГЬО,
СТИХИГЬО ЭРИ МУЪРДЕ РУЗ МЕ,
ВЭГТЭЗИГЬО ЭН МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ**

**ЗАПИСАЛ ПО ПАМЯТИ С УСТ
ЖИТЕЛЕЙ г.ДЕРЕБЕНТА В 1965 г.
АМАЛДАН КУКУЛИЕВ
(1937-2000)**

**ЭЗ ГІЭРЕЙ ХЭЛГЪ ДЖУУРГЬОЙ
ДОГИ ВЕЧИРИ ВЕ ДУЗЕТМИШ
СОХДИ ШОГЬИР
АМАЛДАН КУКУЛЛУ
(1937-2000)**

ПЕРЕВОД Ш.А.ШАЛУМОВА

ПОСЛЕ СУДА

в дороге, Нергюз, я в дальней дороге,
Образ глаз твоих милых мне путь освещает,
Не плачь, Нергюз, прости, умоляю,
Что беды невольно на вас навлекаю.

Черным ресницам, печальным глазам,
Что все богатства перед их красотой?
Себя не мучай, хватит литься слезам,
Бог пожалеет, и вернусь я домой.

От горячих слёз ты испортишь глаза,
Твое доброе сердце превратится в камень.
Не казни себя так, какая тут польза,
Умоляю, Нергюз, успокой ты себя.

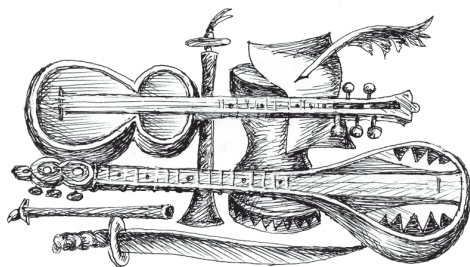
Семь улиц Дербента старая крепость венчает,
На груди колыбелью мой город лежит.
В черном трауре древний Дербент засыпает
По дням моим черным, по страданиям твоим.

По весне на деревьях цветы расцветают,
Душистым их запахом город залит,
Зря беки «бандитом» меня называют,
Я не бандит, и пред Богом я чист.

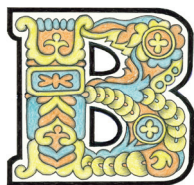
Уже распустились на ветках цветочки,
И взрослеют птенчики, обгоняя друг друга.
Нергюз моя, знай, не полюблю я другую,
Звеня кандалами, в Сибирь ухожу я.

От южного неба, от цветущих полей
Меня пароходом в Сибирь увозят.
А память возвращает к могилам друзей
И, горько страдая, о них я плачу.

ПИСЬМО НЕРГЮЗ

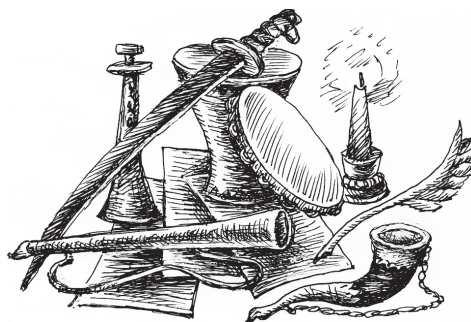
(С русско-японской войны)

друг, по магалу, Нергюз моя, знай,
Пройдёт солдат, в шинельку одетый,
Ты его, как меня, приюти-привечай
И, в дом пригласив, гостем сделай.

Бедняга, быть может, завтра погибнет
От пули острой шального врага.
Могилку родная мать не отыщет –
Могилка солдата безымянна всегда.

Для солдата того сестрою ты будь,
Заплатку поставь, почистив одежду.
Как меня, ты его накормить не забудь,
И благословив, отправь в дорогу.

ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ ОТРЯДАМ КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ, УХОДЯЩИМ НА ФРОНТ

Сегодня утром дали приказ:
Отрядам – врагу навстречу.
О долге мужском дан сердцу наказ –
Не поддадимся мы женскому плачу.

Воспрянем духом и ринемся в бой
В отважную схватку с врагами.
Отныне мы братья, наш дух боевой –
Евреи, аварцы, лезгины, гаджары.

И в наших горах раздаётся набат,
Беки сегодня совсем озверели.
Не знает покоя ни стар и ни млад –
Стойко деритесь, не прощайте обиды .

Забудьте лишенья, сомнения, страхи –
Нас дружбой скрепляет борьба.
Идёт из России Деникин – армады,
Бичерахова прут изнутри войска.

Врагов уничтожив, добудем свободу –
Будет солнце ещё нам сиять.
Перекройте повсюду бекам дорогу,
А я буду песни слагать.

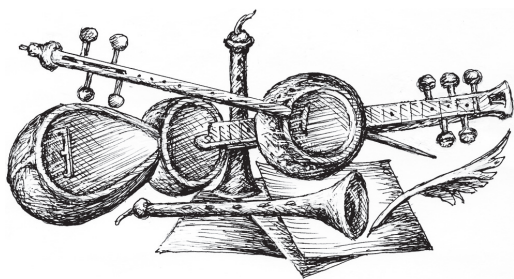

От притеснений беков, злых и свирепых,
Не измерить людских потерь.
Крушите врагов, пусть они знают –
Возмездия время настало теперь.

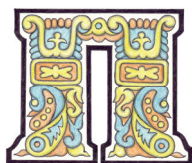
Идите на схватку, великую схватку,
Будьте смелы, громите врага.
Отрядами горскими умножьте победу
В борьбе за власть человека труда.

Деритесь, братья, терпенье иссякло –
Хорошие дни настают.
Бичерахов удирает в горы из пекла,
Трусливо на север Деникин бежит.

Дербент 1919 г.

ДВЕНАДЦАТЬ РАЗ БЕЖАЛ ИЗ ТЮРЕМ

риходите ко мне в нарядных одеждах,
Тюремная роба наводит тоску.
Всю свою жизнь просидел я в тюрьмах,
Спокойных дней не увидел мечту.

И вот поневоле я, вытянув ноги,
Теперь в этой яме последней лежу.
Прошедшая жизнь пред глазами проходит,
Конечно, друзья, тут же выход ищу.

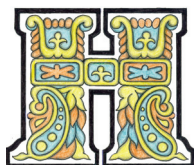
Из тюрем других, изловчившись, бывало,
Двенадцать я раз смог успешно бежать.
Меня и теперь, уверен, не сможет
В этой яме надолго никто удержать.

И вот я лежу сейчас, вытянув ноги,
Чтобы думать думу большую –
Как и из этой постылой берлоги,
К вам я, друзья, прибегу.

ПОЛОЖИТЕ КИНЖАЛ НА МОГИЛУ

Первый вариант

е ставьте мне камень на могилу.
И плачем обо мне себя не изводите.
Как пришел ни с чем на землю эту,
Так ни с чем в могилу и кладите.

Надгробный камень в стенку дома вложите,
Из досок гроба изготовите стол.
И кинжал мой в могилу не кладите,
А положите прямо на неё.

С кинжалом рядом положите винтовку,
Может быть, какой-нибудь прохожий
Даст из неё свой залп салютный,
И этим он мне душу успокоит.

Он возвестит, что жизнь еще жива
И в небе по-прежнему солнце сияет.
И наступила в Дербенте такая пора,
Что народы наши все братьями стали.

А напоследок хочу ещё просьбу сказать:
От меня передайте всем людям привет.
А ещё всем скажите: «Он был поэт,
Который всегда ради правды сражался».

В МОГИЛУ И ШАШКУ НЕ КЛАДИТЕ

*Второй вариант. Записано из устной передачи
другого жителя Дербента*

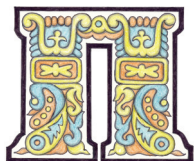
Когда умру, не плачьте, люди, обо мне,
И надгробья не ставьте мне с надписью.
Мне не нужно и гроба, не делайте –
Войду я в землю, как по обычаю.

Надгробный камень в стенку дома вложите.
Доски гроба для стола пойдут.
В могилу и шашку мою не кладите –
Вы живы, она вам пригодится.

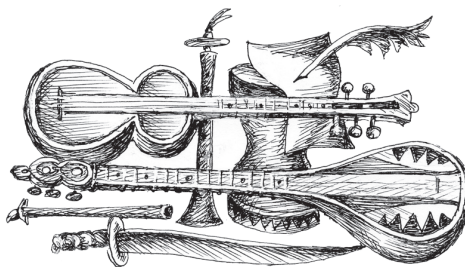
На могилу сверху положите винтовку.
И если прохожий даст залп из неё,
То узнают все люди: жива еще жизнь –
И по небу идут чередой облака.

А еще пусть узнают все люди в Дербенте,
Что народы дружны, стихли стоны и хай.
Потому я прошу вас: в дружбе живите –
Ведь за это сражался дядя ваш – Мардахай.

ПОЭТОМ БЫЛ – ПИСАЛ Я ПЕСНИ

оэтом был – писал я песни,
Влюблялся в девушек в молодые дни.
И в дни невзгод я восклицал: «Отлично!»,
Но могилу эту не смог я обойти.

КАМЕННЫЕ ЛИЦА

Я видел каменные лица,
Бездушные, как камни мостовой.
Я бы и сейчас, наверное, работал
Городовым в управе городской.

Городовым тупым на службе злу,
Имей лицо тупое я такое,
Но разум дал мне Бог служить добру,
Поэтому из полиции был выгнан вскоре.

А если, заболев, я умер бы тогда –
Придет пора, мы все уйдём в миры иные.
Ушел бы в землю я тогда без уважения –
В руках у Бога судьбы все земные.

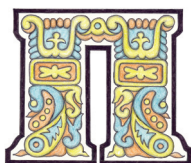
И так враги мне вслед кидали камни,
Смеялись надо мной, старались разозлить.
Те камни городские, словно огненные стрелы,
Вреда, как ни старались, не смогли мне причинить.

Не нужно больше зла, живите мирно,
Согласие и дружба движут миром.
Надгробий никогда я не любил,
Не ставьте на могилу камень колом.

Я жил для вас, вы память сохраните
И не забудьте дни тяжелые мои.
Чинару лучше у могилы посадите –
Я здесь лежу, чтоб в вашу память возвратиться.

ХВАЛА МОЕМУ КУЛАКУ

Пять пальцев у меня, пять крепких пальцев,
Если сожму их – будет кулак.
Для врага мой кулак – это камень тяжелый,
Для тебя же защитой будет, бедняк.

Если врежу кулачищем в рожу жирную бека,
Физиономию мироеда расквашу.
Если вдарю невзначай кулачищем по столу,
Этот стол раскрошится на части.

А если кулак мой в глаз недругу ткнется,
В огненное крошево он превратится.
Но если погибнет от злого бека бедняк,
И родные бека держать будут траур.

Кулак Мардахая не знает покоя.
Не знают покоя и мироеды от страха.
Будь спокоен, бедняк, ты под защитой,
За правду твою всегда постою я.

Кулак, разжав пальцы, ладонью вновь станет,
Чтобы волосы милой нежно погладить.
Покоя не знает рука Мардахая,
Рука у мужчины такой и должна быть.

ХВАЛА МОЕМУ ПЕТУХУ

етушок мой! Характеры наши схожи,
Как и я, повидал ты много боев.
Не был спокоен, не пролив вражьей крови,
Не победив в борьбе всех других петухов.

Никогда свою кровь не пролил ты напрасно,
«У-у-уу...» – будил кукареканьем ночь.
Я тобою горжусь, как всегда, друг, безмерно,
И кормлю тебя лучшим всегда я зерном.

Всей душой уваженья, почёта и славу,
Выражают в слободке соседи тебе,
Оттого что ты, петушок мой, ни разу,
Никем еще не был повержен в борьбе.

Ты был, как хозяин, всегда храбрецом,
И хоть героев в народе не судят,
Знай, когда рассержусь, хоть ты был молодцом,
Осужу, как хозяин, когда время придет.

Осужу на заклание, и, как прежде в бою,
Ты геройски прольешь свою кровь.
Но теперь для меня ты потрудишься вновь,
И хорошим бульоном украсишь мой стол.

ХВАЛА МОЕМУ КИНЖАЛУ

инжал мой! Ты не сгубил даже курицы,
Не зарезал барашка для друзей на пирах.
Сработан ты мастером в Туле иль в Курске,
И другом мне верным стал в наших горах.

Украшеньем к бешмету висишь на бедре,
И висишь украшением на стене, на ковре.
Твое назначение – высверкнуть вмиг –
Страсть твоя, цель твоя – жизнь в борьбе.

Придет твое время, насытишься кровью,
У каждого дела есть время свое.
Не вина твоя все же, кинжал мой и вправду,
Что пока, как хвост бычий, висишь на бедре.

Знать тебе нужно, мой верный кинжал,
Придет все же время вскинуть тебя,
Чтобы пролилась бекова темная кровь,
За спокойную жизнь человека труда.

Враг бедняка мне врагом был всегда,
Знай, мой кинжал, я всегда начеку.
А время лихое настанет когда,
Тогда и руби без стеснения на славу.

...Время пришло – уничтожен пристав,
Еще взмах кинжалом – уничтожен и бек!
Почему же кинжал мой, от стыда покраснел так,
Понимаю: зла до сих пор ты не сделал и птице.

ДАГІАНЕ ЭРИ Э ДОВГІО РАФДЕНИГЪО ЛЕШКЕР

мбуруз себэхъ буйругъ дори
Э дуьшмеревоз бэхъс эй берде.
Бирор-хьэрмэхъ, гуш медорит
Э гирьей зенгъо нарне бошит.

Э дуьл хуьшде гуж воноре
Э сер дуьшме игид бурайт.
Эз имбуруз – руз бирори бири –
Джууър, авар, лезги, гъажар.

Э дигъойму гІэтош дери,
Бекгъо гъони лап делуь бири:
Келе-чуьклере динжи нисди, -
Гъагъре меилит – бошит тири.

Э сер дуьшме хунлуь бире
Гъемме-еки игид бурайт.
Бичерахов эз дорун эдей оmore,
Деникин – эз лой эн Урусие.

Дуьшмере куьшде, мозол биерит,
Сифет офтоире очугъ сохит.
Мегъилит бекгъоре сэхъиб бире, -
Эз тозе рузгъо гъэлхэнд поит.

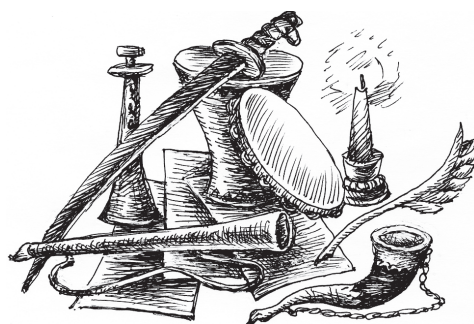

Бирор-хьэрмэхь, муьхькем поит,
Ме эришму хунум мэгИни.
Сэр дуьшмере эз бугьоз бурит,-
Гьово гуьрде сере меилит.

Эз гуж бураи бэде бекгьо,
Э чуьм фэхьле гIэрс вебири.
Бекгьоре куьшит – данут угьо –
Вэхд кивити генеш омор.

Вэпичит, дустгьо, терс недануьсте,
Хубе рузгьо эдей оmore
Бичерахов э дорун эдей вирихде,
Э лой софун – Деникин рафде.

Дербенд, 1919 сал

КОГЪОЗ ЭРИ НЕРГУЪЗ

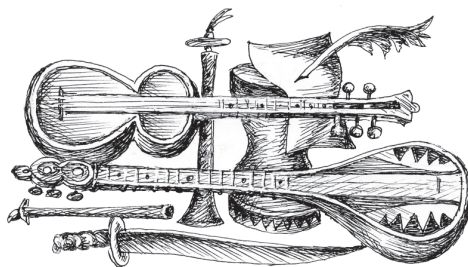

ан туь, Нергуьз, эз ён магал,
Шинель вери салдат, рафтге,
Мере хуно, туь уре дан,
Гъуногъ сохде, э хуне дэбер.

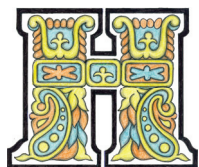

Кидан у фердо куьшде миёв
Эз тиге гунлей эн у дуьшме.
Э ён гъоврей ю дедей ниёв –
Гъоврей салдат сэхьибсуьз бире.

Эри у салдат хэгъер бош туь,
Партале шуьшде, пелуь вени.
Мере хуно, дан уре туь,
Лово хосде, э рэхъ деки.

ТУЬФЕНГЕШ Э СЕР ГЪОВРЕ НИТ

ист воисте мере гиридешму,
Нист воисте мере син нореи.
Эз деде чуйтам ме биремге,
Э гъечуь денит мере э хори.

Эз сангъ эн син хуне вокунит,
Эз тахтегъо шульхъон сохит.
Ханжелмереш э гъор меденит –
Э сер гъорме ханжеле венит.

Э ён эн ханжель туьфенгеш венит,
Бигьил giroшдегор эз ён гъовре
Туьфенге вегуьрде туьфенг зенуь.
Туьфенге зеренки, ме мидануьм.

Чуьнки зиндегуни зуьндеи гъэле,
Э асмуш гъэле офтои вери,
Чуьнки э Дербенд кор ники бири –
Гъемме хэлгъгъо бирору бири.

Е минетиймере воисдени гуьом:
Гуит эз ме шолум э гъилгъо.
Гуит диеш: «У бири шоир,
Эри расди бэхъс бердигъо!»

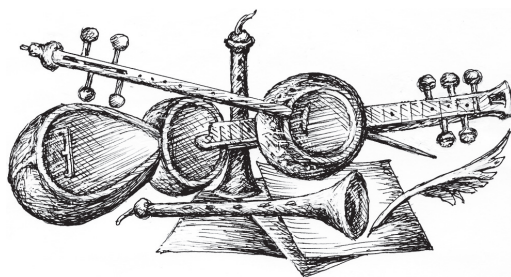

Халгъ шегьерме, гинофи сохит –
 месохит генеш Гоуни,
Месохит фурмуш четине рузгьой ёшов мере.
Палутдор корит э ён эн гъоврей ме –
Дегешдем инжо э фем ишму эй оmore.

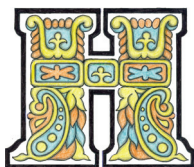
ШОГЬИР БИРЕ – МЭГІНИ МЕ НУЬВУЬСДЕМ

огьир бире - мэгіни ме нуьвуьсдем.
Бире сахд одохлу – хосдем ме духдERGьоре.
Четин биренки – «Оххош!» - ме гуфдирем.
Оммо гирошде недануьсдем ме и гьовреймере.

Э ГЪОВРЕЙ МЕ ШУШКЕРЕШ МЕ ДЕНИТ

исд воисде ме муърденки-данит –
Гирье гирит ве син эри ме нит.
Нисд воисде эри ме тобут сохит –
Ме э гъад хори э гъечу мидарам.

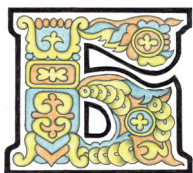

Эз син эн мэ дувор хунере нит,
Тахтей тобут – эри шульхьон мивою
Шушкеймереш э гъорме ме денит –
Ишму согъит – ишмуре у мивою.

Тапанжеймере е сер гъоврейме нит.
Бигьил giroшдегор тапанжере зере
Гьемме еки дануьтгу «Ёшов не дорей гит»
Ве э асмуш буьлуьт гешде сери-сере.

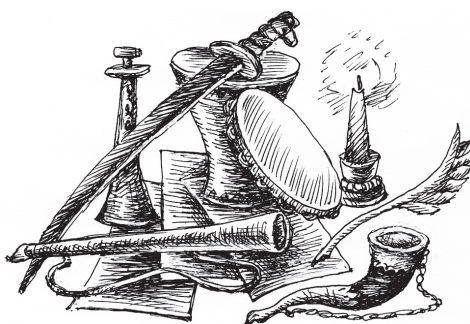
Бигьил дануьтгу хэлгъгьо, чуьнки э Дербенд
Хьэрой сокит бири –
гъэмме милетгьо бирет бенд.
Хосденуьм эз гьемешму – бошит дуьлешор –
Лелей Мэрдехай бахьс гирди эй и кор.

ДВАЗДЕ ГИЛЕ ЭЗ ГЪЭЗЕМЕТ ВИДОВУСТЕМ

иёйт э ён ме партал ишмуре утув зере
Вокурде партал тусногъире
ишму мере терс медит.
Собсогъе гъуьмуьр нуьштем э тусногъ,
динже рузгъо гъич не дире.
Имогъой инуьм – э и тусногъ
пой дураз дегешдем ме.

Эз у тусногъгъо игидлуйгъ бире
дваздегъ гиле видовустем ме.
Мере э инжош, э хъисобовоз,
екиш гуьрде гъич нидануь.
Пойгъо дураз дегешдем ме
ери келе фикир сохде,
Чуьтам эз и песини тусногъ
э ён ишму видовум ме.

ВЭГІАЗИ Э ТОВНЕЙ ХЭНЖЕЛЬ МЕ

энжель ме, туь кергеш не куьшдей,
Бугъоз евереш не бурай туь хасд.
Э Тула еде Курск сохди туьре усто, -
Э и догъгъойму гъимогъой эри ме туь гъисд дусд.

Э и бешметме туь эри рачи вери,
Ве еде э дувор э руй раче холинче?
Ме дануьсденуьм – кор туь гъе эз зур
Гъисди кор куьшде ве еде гъэрече.

Миёв вахт эн туьш, эз ху туьш мибоши-ки
Лап сирои – гъер кореш вэхд ю гъисд.
Эйчуь-ки туь, хэнжэлье, эз расдеки.
Э куьшд ме дулуьлуьни, чуьнки дуьм эн хьирс?

Вогъисд, туь дан, хэнжэлье, э догъгъо
Омоге вэхд туьре вешенде –
Микуьшуьм, бура ме бугъозгъой бекгъоре, -
Воисд фэхъле хилос бу эз оворе.

Дуьшмей фэхъле – дуьшмей эн ме бири.
И коре дан, хэнжэлме, эз расди.
Кор кивити омоге э хори
Туь мебош гъич гъэйблукъ у вэхд.

...Вэхд ю омо – ме куьшдуьм пристава,
Хэнжэл зере, куьшдуьм ме гъэзёбе кахбереш.
Эй чуь у вэхд туь гъэйблукъ бистори, хэнжел?
Туь э гъумуьртуьш е керг-евереш не дорей гъэжел.

ВЭГІАЗИ Э ТОВНЕЙ ХУРУЗ МЕ

уруз ме, гъилигъ иму ухшеши.
Э гиль эн ме туь амбар бэхъс гирдей.
Те хун дуьшме рихде, туь не дирей динжи,
Туь гьемме хурузгьоре э бэхъс бердей.

Хунтуьш э ногьогъи гьегенеш не рихди,
«У-у-у» - зере, туь шеве сугдум сохдей.
Келегеди эн ме эз гьемме зиёдтей,
Ме доре хорогеш, туь тэмэхълуь хурдей.

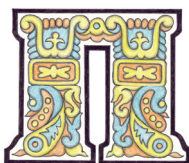
Эри туь хьуьрмет, ловогьо ве шолум
Хэлгъгьой эн и магал эз дули фуьрсорет.
Чуьнки туь, хурузме, бирей-ки лап зуьлуьм, -
Э бэхс рафтеки туь сийсуьз гьич не бирей.

Сэхьиб хуьшдере хуно, бирей лап игидлуь, -
Бэхс бердегоре халгъ дивун гьич не бура, -
Оммо ме, сэхьиб туь, биренки гъазоблуь
Дивун мибуруьм-ки, эри туь эз бугьоз гьэгьре

Вэхд омоге, дан, туьре эри куьштейме
Хун хуьштере, туь бире лап игидлуь,
Гьегенеш мириhini, тейте дик бире, -
Суьфрей мере тук туь гьегенеш мисохи.

ВЭГІАЗИ ЭРИ МУЫШД ХУЫШДЕ

енж энгуышди мере – пенж энгуышд.
Гъэд сохдуымге пенж энгуышде – муышд бире.
Эри дуышме келе муышдме – сангъ бире,
Эри фахъле муышд Мердэхай – дусд бире.

Эз чогъэ сифет чогъэ бекгъо зеруымге
Ногъчулогъгъой беде бекгъо сов мибу.
Муышд мере эз сер шуълхъон зеруымге,
Эз у шуълхъон согъе жиге нимуну.

Муышд Мердэхай эз чум нехов расиге
Тэхъэр тегьерг платош эз чум тож мибу.
Оммо фэхле эз гуж эн бек жу доге –
Муышд Мердэхай рузгъой овиль син мибу.

Овиль рафтге, муышд Мердэхай - муышд мибу,
Сер эн беке гъич недура нипою.
Дуъл фагъире хуърд сохде гъич ниду,
Эри расди гъурбу бире мипою.

Муышд Мердэхай лов биренге дес бире,
Дес биренки – муйгъой ёре совусте.
Дес Мердэхай гъич динжи ние дире, -
Дес эн игид гъочу бире воисде.

НЭГҮЛЕ МЭГНИ

Ычиш нидануь одоми генгидиме дире
Ве ширини эн уре синемиш сохде.
Песдеш бие джууьру боворин доре
Э гоф Худо дошдугу э дуьл кор расдире.

Гычиш нидану одоми э хьофтуьмуьн
тебагъ варафте
Ве э унжо э ён Худо нефес кешире.
Песдеш бие джууьру Худоре хосде
Верзи доре гофгьой Тироре.

Салгьо мирафт, пуьрсире не дануьст,
Хун сан имуш гьувотсуьз мибу,
Оммо хатгьой тироре э дуьл дендге
Ме боворинуьм – рэхьм Худо мибу.

Эзу салгьо белкем ме мидануьм
Чуьиге расдий генгидим.
Диренге данит – мэгни мухунум, -
Чунки ужиреи Ёршолем.

Эз ёр иму эз тухум те тухум
У генгидим гьегенеш дери.
Ёршолем ме хуьрмет мидуьм, -
Эн рагъ – ришейму гьисд у хори!

БОРИС ГАВРИЛОВ

СТИХИ-ПЕСНИ МАРДАХАЯ ОВШОЛУМА

**СТИХИГЬО-МАГИНИГЬО
ЭН МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ**

**ЗАПИСАЛ ПО ПАМЯТИ
В г.ДЕРБЕНТЕ В 1965 г.
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
БОРИС ГАВРИЛОВИЧ ГАВРИЛОВ
(1908-1990)**

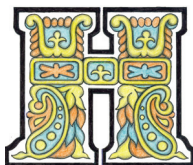
**КУРА ВЕ ДУЗЕТМИШ СОХДИ
Э ЗУУЬН УРУСИ
Э ДЕРБЕНД Э 1965 САЛ
БОРИС ГАВРИЛОВИЧ ГАВРИЛОВ
(1908-1990)**

В ТОМ ЧИСЛЕ ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ, КОТОРЫЕ

1. ЗАПИСАЛ ПО ПАМЯТИ С.ЮСУФОВ:
 2. УХОДЯ, ПРОСИЛ ПРОЩЕНИЯ
 3. ПИСЬМО ИЗ ЦАРСКОЙ АРМИИ ДОМОЙ
- ПИСЬМО НА СВАДЬБУ СЕСТРЕ

ПЕРЕВОД Ш.ШАЛУМОВА

УХОДЯ, ПРОСИЛ ПРОЩЕНИЯ

е выбрасывай из сердца меня,
Нергюз моя, красавица жена.
Унесло меня полрой водой
В сибирские таяжные края.

Ласкаются соловьи в ветках роз,
Поют друг другу о любви.
Жизнь за тебя отдам я не раз,
Любимая, меня ты прости.

Черные ресницы, губы-шербет,
Во взгляде печаль и тревога.
Калитку сада садовник закроет,
Милая, прости ради бога.

Сорвал я утром душистый цветок,
Чудный сад мой полон плодов.
Если дочь у меня – сухая ветка –
Как мне сказать: простите?

Посылаю вам издалёка привет,
Я сижу за столом, а в руках перо.
Здесь свою жизнь я закончу, быть может,
Отец и мать, простите за это.

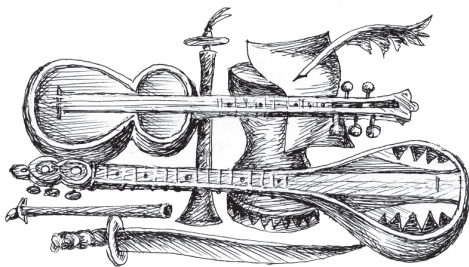
Древний Дербент – ворота железные,
Сверху крепость, внизу море синее.
Путеводный над городом белый маяк,
Прости, Дербент, родина милая.

Камень сердца тает в груди вновь и вновь,
Бог исполняет наши желания.
С вами, друзья, я делил хлеб и соль,
Простите меня вы, друзья и родные.

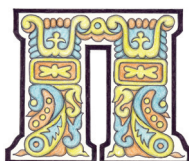
Запестрели горы полевыми цветами,
Цветами алыми, желтыми, белыми.
Я по белому черным пишу эти строки,
Кавказские горы, меня вы простите.

Разносили слухи недруги разные...
Вокруг города все сады виноградные.
Тамадой я бывал частенько на праздниках,
Простите меня вы, сады зеленые.

Я вернусь непременно к тебе, мой Дербент,
Хлеба-соли твоего не забуду.
Рассчитаюсь со злом и тогда, как поэт,
Песни радости петь я вам буду.

ПИСЬМО НА СВАДЬБУ СЕСТРЕ

Привет донеси, моя весточка, маме,
В радости дни пусть меня вспоминает.
Тут горькие слезы я лью на чужбине –
За несчастного сына пусть мама поплачет.

От меня нету помощи, мама и сестры,
Бог меня бросил в этот кипень огня.
Готовьте мне саван, вам черные одежды –
Плачьте, родные, как плачу здесь я.

В бескрайних снегах меня истязают,
В тюремной и серой горячке рыдаю,
В груди мое сердце обливается кровью –
Пусть со мной плачет и жена моя милая.

Не срезанным цветком в букет связали,
В путь не шагнувший, я путник усталый.
Цепью железной мне ноги сковали –
Сестричка-невеста обо мне пусть поплачет.

За правду боролся – теперь каторжанин,
Таких же, как я, здесь немало повсюду.
Прошу тебя, Боже, сверши правосудие –
И ночью и днем я горько здесь плачу.

Пусть догнивают от цинги наши зубы,
Но и деснами счастье себе мы добудем.
Сколько еще предстоит нам страданий –
С верой в душе я горько здесь плачу.

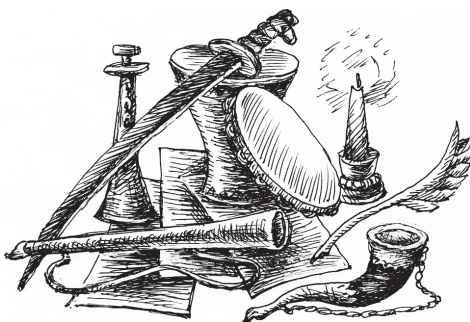
Свадьбу сестры я, как брат, поздравляю,
Старшая сестра, помоги Рахели.
Брат твой здесь жив или нет, я не знаю –
Вы справите свадьбу, а я здесь поплачу.

Перед тобою, сестра, я в долгу неоплатном.
Передо мной казаки, позади солдаты.
Между ними я в арестантском халате –
Услышав о счастье твоём, я тут плачу.

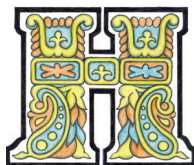
В кандалах мои ноги, в цепи связаны руки,
Стены высокие, на окнах решетки.
Не дожусь я рассвета в длинные ночи, –
Сердце в язвах, а я тут все плачу.

Пусть справедливости буду я жертвой,
Я не преступник, за вас я сражался.
Завидую птицам, в небе парящим, –
Надеюсь, вернусь и от радости плачу.

Мардахай из узлов и мозолей весь связан,
О, Боже, ты разве не видишь все это?
Какой страх на земле и мучительный стон –
Помоги, Бог-спаситель, на тебя вся надежда.

ПЕСНЯ ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

а чужбине, быть может, я заболею,
В могилу возьмет меня смерть.
Меня по обычаю пусть похоронят,
Только жаль, песен больше не петь.

И вот, в вонючей больнице Иркутска
Лежу от болезни, скрутившей меня.
Лежу весь побитый тюрьмой и судьбою,
Уж очень далеко родная земля.

Не смогут помочь мне ни мать, ни сестра,
Ученые друзья из России врачуют.
И чутко дежурят у ног до утра,
Глаз не сомкнув, у постели ночуют.

Домой донести бы последнюю весть,
Безжалостно, крепко меня заковали.
Тяжело сознавать: близка моя смерть,
Раввин заупокойную не прочитает.

Каторжане меня на плечах понесут
До могилы и марш похоронный споют.
Друзья мне и очи закроют, и гроб,
Не плачьте и вы, услышав про это.

А если там с Богом увижусь, спрошу,
Почему, дав нам жизнь, не дал нам покоя.
Загоняет молодыми до срока в могилу,
Насладиться не даст нам счастьем творения.

Ох, в какие плохие времена я живу,
Боюсь, оборвется моя жизнь на чужбине.
Свое пусть Бог пишет в тетрадках небесных,
Друзья мне здесь очень, надеюсь, помогут.

Среди каторжан я своих не чужой,
Друг для друга мы братья родные.
Мардахай я и библию тоже прочел,
Как друзья не поможет и библия.

Мать в мою смерть ни за что не поверит,
Ждать с нетерпением домой сына будет.
Смерти своей я ни чуть не боюсь,
Не бойтесь и вы, услышав про это.

Толпой, словно люди, плывут облака,
Надо дождаться нового века:
Века грядущего, века надежды,
Родимого берега, неба Дербента.

Так пусть же не тешутся недруги наши,
Воскрес я в Иркутске, бока отлежавши.
Не умер, не похоронен, еще полон сил,
Домой обязательно вернусь я здоровым.

ПИСЬМО ИЗ ЦАРСКОЙ АРМИИ ДОМОЙ

то слышит слова мои, тот пусть услышит,
Дербент вспоминая, я горько плачу.
Все богатства мира ничего не значат –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Семнадцатого июня зачитали приказ,
Записали в солдаты и дали наказ:
Идти полками врагу навстречу –
С Дербентом прощаясь, я горько плачу.

Несчастные семьи солдатские в трауре,
Узнав о призыве, кто стонет, кто плачет.
Не дай Бог, кого в солдаты запишут –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Такие приказы нельзя выполнять,
Всю свою жизнь мы терпели, страдали.
За богачей не должны батраки воевать –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Я плачу, плачу, рыдаю и плачу,
Своих друзей я найти не могу.
Солдаты несчастные, жалкие очень –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Письмо отправлю домой с приветом,
Пусть они ответят: как теперь живут.
Солдат, где б ни видели, приветьте –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Мы ели дома хлеб из зерна,
А тут он черный, как смола.
Солдатской бурдой нас кормят насильно –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Солдат унижают и бьют беспричинно,
Получают наряды все, кто перечат.
Лишь птицы только летают свободно –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Написали в Россию царю челобитную,
Может, там нас поймут и помогут.
Ох, до чего же начальники злые все тут –
Струей текут слезы и горько я плачу.

В Дербенте я тоже не гулял, а трудился,
Работал в садах с утра допоздна.
В солдатах теперь я ничтожный козявка –
Цветущие сады вспоминая, я плачу.

Невыносима жизнь на чужбине солдату,
Умоляю Бога свершить правосудие.
Скорее обнять бы сестер и маму –
Родных вспоминая, я горько плачу.

Суть этих слов заложена в корне,
Не могу открыться даже друзьям:
Эта война из-за комариного писка –
Женщины Дербента горько заплачут.

Не смог написать о царе я куплетов, –
Личность его недостойна поэту.
А ведь эта война никому не нужная –
Старики Дербента горько заплачут.

Солдат на войне бесправен всегда,
Обреченному на горе не найти гнезда.
Достойное имя не уронит мужчина –
Дербент вспоминая, я горько плачу.

У царя-императора жалости нету,
Не стоит наша жизнь ни гроша.
Молодые гибнут без счета на фронте –
Посмотри, что творишь, царь! Раскрой глаза!

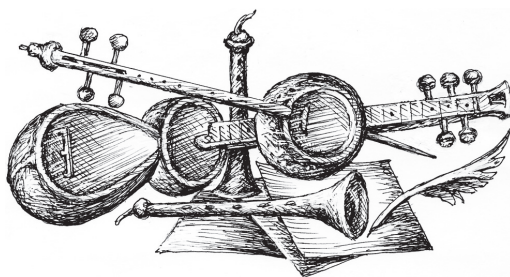
В проклятый день моего призыва
Барабаны повсюду надрывно стучали.
Не Бог нам хотел войну на погибель –
Войну хотел наш царь кровожадный.

В кутерьму штыковую кровавой атаки
Кидают нас в пекло гореть.
Командиры орут на нас как на скотину –
Струей текут слезы, и горько я плачу.

Еврейские магалы – улицы узкие,
Целыми семьями косит война.
Новобранцы друг другу родные, близкие –
Красавицы Дербента горько заплачут.

Как же нам поступить, о Великий Боже,
Молодым саваны всё шьют и шьют.
И как нам быть с царем кровожадным –
Пусть враги Дербента по одному все умрут.

Если есть начало, то будет конец,
К отчизне любовь не иссякнет.
Перекрасим мы белое знамя царя
Вражьей пулей в цвет нашей крови.

[illegible]

3. Царского письма не мог написать, ^{писания} ^и ^{исполн}
2 ^{личности} не достигли бы вида ^{то}
13) То-то баг написать, тому бывать
поиселим нам нас Царь не публи нас.

Скучным солдат Бог посматривает косо.

14) ¹⁷⁸⁹Потемкин ¹⁷⁸⁹и Карата то - тый.
Раскрыл очи и цулюю посмолу
Стоит карат потемки царь нас.

15) В садыбах не с радостью чужо (по темноте)
Идут по дорогам не найдут звезду,
Когда опасного радиумать, сестра
Клянется мн, поминет ^у чужа нас.

16) И радные в бразде свои нислуги.
И обо всем душой
пожили, кляз, тои всех нас.

14) В ~~здесь~~^т день призывали
бабабана всюду издал.
Россия воеет, ранят, умирают
Мире плачт кралиця дубова.

(см на слайдах 57-60)

Чет. Как нам быть ой обидно: вину,
Преклоните милое сердце пусть саваити ильют.
13) (без высшего поклонения) Как нам быть царь кривится
Пусть по снисхождению благн вербени

И пишу илюю основах
19) Не могу до стирит, даме дружба
Вот это война за комара
Милые гутко замлатт едники дубени.

Еврейские малыи, улычы узки.
20) Салдаи рато в дуги-дугу огни близки.
Наши старини томе русские
Пилат редот красавицы дубени.

21) Говорит Знаи нажастни ил
Чтоб не мило краски тато ил
Вражеска кыл ивет нам крото
Плате в нас иницины дубени.

Уарские вене маме
Все правни в правни про во

Говорит
Знаи
нажастни
ил
Чтоб
не мило
краски
тато ил

587. Нисыныс на свейке пестре.

- Восточка, нем Саянн мостур
1) Пуст в дне весныс бепаннот, мина.
2) Зорька слезы мина в гурьбине
Нисаастнот я, нуге мата мнати.

x

- 2) То мина опусон в плашки огно,
Медотнот гурне и сован гур мина
23) Руки мина не достает до оройн и родин
Мнату и и Вот мнати гур мина.

x

- 3) Вот мина, мугант мина оми
24) Редат падат на колена
Внесто слезы кровью обликала и
Мнате сонною мнати и мина мнати.

x

- 4) Мнате свейка не сорочавин, свизали,
25) Кудькик я, на не мнати мнати,
Мнати мнати мнати мнати мнати
Мнати мнати мнати мнати мнати

x

- 5) Мнату, редато падат мнати мнати
26) Не могу мнати не мнати мнати мнати
Ка я мнати о мнати мнати мнати
С мнати в днати в мнати.

x

- 6) Сами и мнати, да мнати и мнати
27) Много гур такис-мнати мнати
Мнати мнати мнати мнати мнати
Мнати и мнати мнати мнати.

(ам на свейке бери)

- 6.17) Поздравляю свадьбу Вашу, поздравляю.
 7) Старшая сестра помню Рахмю.
 23) братишка или нет не знаю.
 Счастье счастья а здесь нелуч.

х

- 8) Ах, сестра я весь в долгу
 23) Ох и в арестантский ханатъ.
 Куде много Казаки, а сзади следят.
 Усминая о том, счастье в доли нелуч.

х

- 9) Руки связаны, ноги в кандалах
 30) ~~Сидит в кандалах~~ в кандалах
 Ноги длинные не достают до пола
 Вудча в кандалах а все в нелуч.

х

- 10) Утром рано поутру много в долгу
 31) Пусть и буду твоей страждущей
 Наряд, ~~руки~~ еще Вал навесит
 а. счастье и в радости в нелуч

х

- 11) Мардахай все связано в узлах
 32) Мы разве не бедны, с ах.
 Какое счастье на земле и какой страх.
 Любимая твоя, Наргуз ~~я~~ нелуч.

2) ^{Сибирский} ^{с. 916}

1) Милые красивые у меня,
Розовые красивые у меня

33 Кровь моя красная
А любовь горит в огне

2) ^{Сибирский} ^{с. 916}

34 Говорит, Занялся мной все
Очи мои клокочут ко сну,
Не спишь все измученный
И цель свою достигнешь.

35 ^{Сибирский} ^{с. 916}

36 ^{Сибирский} ^{с. 916}

37 ^{Сибирский} ^{с. 916}

38 ^{Сибирский} ^{с. 916}

39 ^{Сибирский} ^{с. 916}

40 ^{Сибирский} ^{с. 916}

41 ^{Сибирский} ^{с. 916}

42 ^{Сибирский} ^{с. 916}

43 ^{Сибирский} ^{с. 916}

44 ^{Сибирский} ^{с. 916}

45 ^{Сибирский} ^{с. 916}

46 ^{Сибирский} ^{с. 916}

47 ^{Сибирский} ^{с. 916}

48 ^{Сибирский} ^{с. 916}

49 ^{Сибирский} ^{с. 916}

50 ^{Сибирский} ^{с. 916}

51 ^{Сибирский} ^{с. 916}

52 ^{Сибирский} ^{с. 916}

53 ^{Сибирский} ^{с. 916}

54 ^{Сибирский} ^{с. 916}

55 ^{Сибирский} ^{с. 916}

56 ^{Сибирский} ^{с. 916}

57 ^{Сибирский} ^{с. 916}

58 ^{Сибирский} ^{с. 916}

59 ^{Сибирский} ^{с. 916}

60 ^{Сибирский} ^{с. 916}

61 ^{Сибирский} ^{с. 916}

62 ^{Сибирский} ^{с. 916}

63 ^{Сибирский} ^{с. 916}

64 ^{Сибирский} ^{с. 916}

65 ^{Сибирский} ^{с. 916}

66 ^{Сибирский} ^{с. 916}

67 ^{Сибирский} ^{с. 916}

68 ^{Сибирский} ^{с. 916}

69 ^{Сибирский} ^{с. 916}

70 ^{Сибирский} ^{с. 916}

71 ^{Сибирский} ^{с. 916}

72 ^{Сибирский} ^{с. 916}

73 ^{Сибирский} ^{с. 916}

74 ^{Сибирский} ^{с. 916}

75 ^{Сибирский} ^{с. 916}

76 ^{Сибирский} ^{с. 916}

77 ^{Сибирский} ^{с. 916}

78 ^{Сибирский} ^{с. 916}

79 ^{Сибирский} ^{с. 916}

80 ^{Сибирский} ^{с. 916}

81 ^{Сибирский} ^{с. 916}

82 ^{Сибирский} ^{с. 916}

83 ^{Сибирский} ^{с. 916}

84 ^{Сибирский} ^{с. 916}

85 ^{Сибирский} ^{с. 916}

86 ^{Сибирский} ^{с. 916}

87 ^{Сибирский} ^{с. 916}

88 ^{Сибирский} ^{с. 916}

89 ^{Сибирский} ^{с. 916}

90 ^{Сибирский} ^{с. 916}

91 ^{Сибирский} ^{с. 916}

92 ^{Сибирский} ^{с. 916}

93 ^{Сибирский} ^{с. 916}

94 ^{Сибирский} ^{с. 916}

95 ^{Сибирский} ^{с. 916}

96 ^{Сибирский} ^{с. 916}

97 ^{Сибирский} ^{с. 916}

98 ^{Сибирский} ^{с. 916}

99 ^{Сибирский} ^{с. 916}

100 ^{Сибирский} ^{с. 916}

8сг

- 5) Мать не повзрослеть будет тогда
39) Со следами как вспышкой ^{молнии}
Следует и не гнать не боюсь
не боюсь и Вов если услышав.

- 6) Я лезу в горы Цухутек
Умудры и сестры нет в близе меня,
40) Болезнь сжигает меня, и
Ученые друзья вокруг меня на помощь.

- 4) Молодежь на пирах уничтожить
до мочи марш похоронный след.
41) друзья и огни и град закроет
не боюсь если услышав это.

- 8) Ох, какие тихие времена пишу
боюсь обзвещать жизнь мою
42) Пусть бог не шлет свей
друзей мне здесь очень помогут.

- 9) Не жалею... я еду друзей
43) и считаю своим для меня друзей.
Мардахай пролетел и и вышло
и вышло не поможет как друзей.

- 10) Вечно облака в сердце человека
Каждо ждет нового века
44) Разные меч, и разные берега
В будущем и обязательно будут друзья.

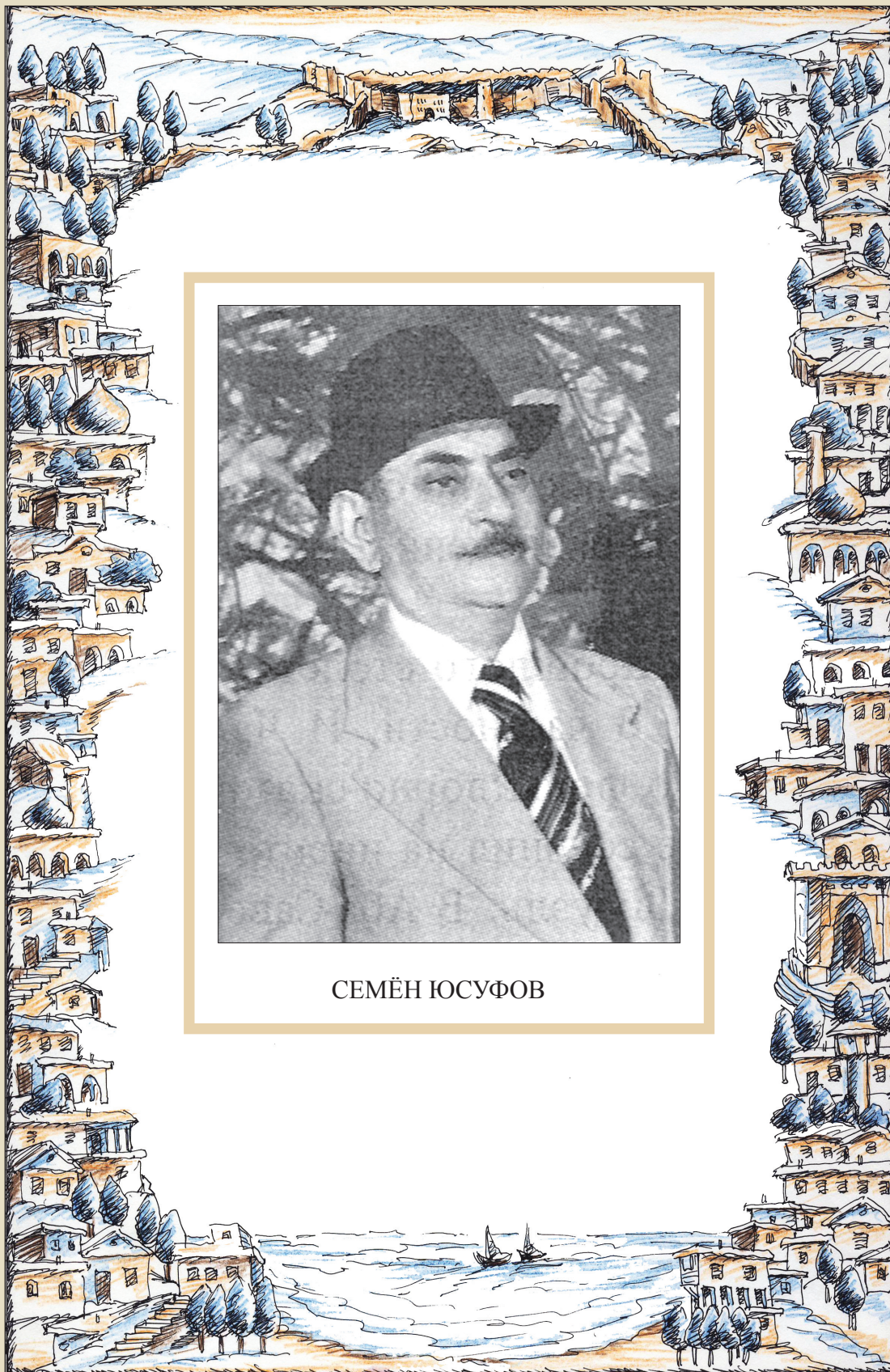

- 3) Не вострвет из сердца мне,
Красавица твоя, прости меня,
Навсегда вдали унесло меня
Моя твоя прости меня.
- x
- 2) Соловей ласкает в кустах роз,
Моя и могу окривевать собой.
Не сумело утешиться до твоих губ
Любимый мой, прости меня.
- x
- 3) Розы свивает в букет,
Зеленые ресницы, губы шелестят, (шелестит-сок)
Садовник твой закрой канатку сада
Надгиз меня прости меня.
- x
- 4) Цветок сорвал утром рано,
Сад мой пашки задумал
Есть дога у меня так, только цвет
Как сказать прости меня
- x
- 5) Ты и я вдали издалека
Прислоню ступню в руках твоих (кожаных)
~~Словно может быть и ты~~
~~Словно может быть и ты~~
Ты и я вдали прости меня
- x
- 6) Душит сверху белый цвет
Жемчужные востры, каменные стены,
Зубчатые ~~пешеры~~ поют минорет (мажор).
Душит радные прости меня
- x
- 7) Растаю каменные судья мое,
Бог не вытравит печаль,
Своями делами и хлебом сою
Душа, сердце прости меня.

-10-

- 8) Ох, Вот галёнки пугливы,
Без санни ног, мушкетёры,
Гуны оги, гуны косы
Браты, сестры цуете меня.
- 9) В горах вьются павлины цветы
Они алые и розовые,
По белому гербу Запечатали
Дубовые горы цуете меня.
- 10) Долго ходил мушкетёр
В обществах бывал и соци (руководства,
Вокруг города все сады Гамеда)
Цветущие сады цуете меня.
- 11) Мардахай сам говорит
Ещё с мною не расстались
Мне - сам Вашего матушки
Меня равны цуете меня.

СЕМЁН ЮСУФОВ

**СТИХИ-ПЕСНИ
МАРДАХАЯ ОВШОЛУМА**

**СТИХИГЬО-МАГНИГЬО
ЭН МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ**

**ЗАПИСАЛ ПО ПАМЯТИ
В ДЕРБЕНТЕ НА ТЮРКСКО-
АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ
ПОЭТ
СЕМЁН ДОНОВИЧ ЮСУФОВ
(1914-1985)**

**КУРА ВЕ ДУЗЕТМИШ СОХДИ
Э ЗУУЬН ТЮРКИ-АЗЕРБАЙДЖАНИ
СЕМЁН ДОНОВИЧ ЮСУФОВ**

В ТОМ ЧИСЛЕ ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ, КОТОРЫЕ
ЗАПИСАЛ ПО ПАМЯТИ Б.Г.ГАВРИЛОВ:
1. УХОДЯ, ПРОСИЛ БЛАГОСЛОВЕНИЯ,
2. ПИСЬМО ИЗ ЦАРСКОЙ АРМИИ ДОМОЙ,
3. ПИСЬМО НА СВАДЬБУ СЕСТРЕ.

ПЕРЕВОД Ш.ШАЛУМОВА

ПИСЬМО ИЗ ЦАРСКОЙ АРМИИ ДОМОЙ

то слышит слова мои, тот пусть услышит.
Дербент вспоминая, я горько плачу.
Все богатства мира ничего не значат,
Дербент вспоминая, я горько плачу.

От тоски и горя покоя лишился.
Везде ищу друзей своих, найти не могу.
В солдаты отдали, чтоб от меня избавиться,
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Семнадцатого июня нас всех записали
И зачитали перед строем солдатскую клятву.
Уж лучше б тех слов мы совсем не слышали,
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Слова услышав эти, войдёт тревога в дом,
И заплачут все тогда от безысходности.
В тяжёлом положении оказался город мой,
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Написанные приказы не приходят в срок в войска,
Возвращаются ударами на свои же плечи.
На красавиц города обрушилась беда,
Дербент вспоминая, я горько плачу.

Побросав свои дома, оказались на чужбине.
Кто теперь на чужой стороне нам поможет?
Кто услышит – пожалеет, кто увидит – заплачет.
Дербент вспоминая, я горько плачу.

В отчем доме ели хлеб, сухой, белый.
А в солдатах едим хлеб сырой, чёрный.
И кормят всегда бурдой солдатской.
Прошедшие дни вспоминая, я плачу.

Солдат-новобранцев тут всяк избивает,
А если что не так, и на виселице вздёрнут.
Буду жертвой твоей, летящий в небе соловей,
Ты и не ведаешь, как горько я плачу.

Я плачу и плачу, тоску не развеять.
Написал в Россию – вдруг кто поможет.
Увы, вспоминая друзей и товарищей,
Из глаз текут слёзы, и горько я плачу.

Герой своей бедностью не озабочен,
Не озабочен милостью и царь наш своею.
Гибнут солдаты – командиры жируют.
А я вот сижу тут и рыдаю с тоскою.

Уваженьем в Дербенте я был окружён.
В сады ходил, гулял, отдыхал и влюблялся.
В солдаты ушёл – в сироту превратился,
Цветущие сады вспоминая, я плачу.

Проблемы солдатские неодолимы.
Молился, просил, умолял я Тору:
Скорей разрешились бы наши проблемы.
Мать, сестру вспоминая, я горько плачу.

ВТОРОЕ ПИСЬМО ИЗ ЦАРСКОЙ АРМИИ

од мыслей царя постичь невозможно.
Поговорить, объяснить с ним – невозможно.
Освободиться от приказов его – невозможно.
Пожалей нас, царь. Несчастные мы.

А запишут в солдаты, и Бог не подмога.
Несчастливым не делай народ этот ты!
Открой же глаза и бойся Бога!
Пожалей нас, царь. Несчастные мы.

Солдат на войне бесправен всегда.
Обречённому на горе не найти гнезда.
Вспоминают молитвой его брат и сестра.
Пожалей нас, царь. Несчастные мы.

Лодку жизнью молодых перевернуло в море.
Уродливую землю изрезало их столами.
Я перенесу и тоску эту и это горе.
Не пожалел царь лодку. Несчастные мы.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО ИЗ ЦАРСКОЙ АРМИИ

Молодых на войну каждый день забирают.
Барабанная дробь раздаётся опять.
Те удары ранами сердца надрывают.
Невесты Дербента горько заплачут.

Как быть нам теперь, о владыка державный?
Молодым ведь саваны всё шьют и шьют.
Это наш царь войны организатор.
Пусть враги Дербента по одному все умрут.

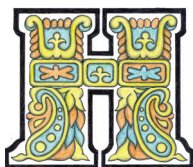
Суть этих слов в самом корне заложена.
Не открыть своё горе даже друзьям.
Войну он затеял из-за комариного писка.
Старики Дербента горько заплачут.

Евреи магала дерутся с врагами,
А кому-то уже и саваны шьют.
Влюблённые девушки стали сиротами,
Красавицы города крепко заплачут.

Цвет лица молодых от горя темнеет.
Не успев доцвести, увядают многие.
Луч солнца, коснувшись, тотчас добивает.
Ох, как страшно гибнут герои Дербента.

УХОДЯ, ПРОСИЛ БЛАГОСЛОВЕНИЯ

е выбрасывай из сердца меня,
Красавица любимая моя.
Унесло меня потоками воды.
Любимая, меня благослови.

Соловей сел на стебель цветка,
Быть хочу с тобой рядом всегда.
Не коснутся хулой тебя зла языки,
Любимая, меня благослови.

Цветущие розы связал я в букет,
Чёрные глазки шлют мне привет.
Не остановит садовник идущих в сады!
Нергюз, любимая, благослови.

Сорвал ранним утром я свежий цветок,
В саду посадил, он дал росток.
Одна дочь у меня - сухая ветка –
И как просить мне благословения?

Шлю я вам привет в письме.
Стул впереди, перо в руке.
Если здесь я умру, простите,
Отец и мама, благословите.

О братья, товарищи, друзья дорогие!
Не уснуть в эти ночи мне горькие.
О сёстры мои чернокудрые, милые!
Благословите меня и простите.

Камень сердца растаял в груди –
Обратился я к Богу с мольбой.
Хлеб и соль часто с вами мы ели,
Друзья и товарищи, благословите.

Над городом белая крепость висит,
Каменные стены спускаются вниз.
Железные ворота, чудный минарет,
Благослови меня, мой город Дербент.

В горах зацвели цветы полевые,
Тюльпаны красивые, пестрые.
Они горемыкам как чёрно-белые,
Благословите меня, горы родные.

Вечерами я под луною гулял,
На торжествах я тамадою бывал,
Гулял по утрам в саду городском,
Благословите меня, сады цветущие.

Солнце ушло, осветило равнину,
Тенью накрыв виноградный сад.
Душа моя с тобой разлучилась,
Благослови меня, моя любимая.

Увлажнились горы живительной влагой,
Цветы припорошены серебром росы.
Душа моя с телом теперь рассталась,
Благослови меня, мама родная.

Я, Мардахай, откровенно скажу,
Что тоски и горя я видел немало.
Хлеба-соли я тоже съел с вами изрядно,
Благословите меня, друзья и родные.

ПИСЬМО НА СВАДЬБУ СЕСТРЕ

онеси, моя весточка, маме привет,
Чтоб на свадьбе сестры про меня не забыли.
Дочь-невеста теперь в чужом доме живёт,
Несчастливая мама в печали заплачет.

Бог меня бросил в самый кипень огня.
В красивые глазки жених наш влюбился.
Не достанет рукой, жаль, до брата сестра,
Душа опечаленная сестрички заплачет.

А приснитесь во сне, вряд ли я уцелею,
Дрожь пойдёт по коленам, всё внутри разболится.
Из одного глаза – слеза, из другого – кровь польётся.
Личико печальное сестрички заплачет.

Не срезанной розой я связан в букет,
Дорог не прошедший, я путник усталый.
Семьёю не связанный, обессилен вконец.
Личико сладкое сестрички заплачет.

Я теряю сознание от слёз бесконечных,
Ищу – не найду ни мать, ни сестру.
И сколько желаний в душе неисполненных.
С тоскою в душе сестричка заплачет.

Я тут арестант, дни чернее ночи.
Помоги мне, Боже, в эти тяжкие дни.
Тоскую о том, что сестричка чернявая,
Днём и ночью всё плачет, меня вспоминая.

Поздравляю сестру со свадьбой счастливой.
Рахиль наша сразу теперь повзрослеет.
Был брат у неё или не был, забудьте.
Сказав: плохая дорога у брата - заплачет.

Перед сестрой виноват я, в долгу неоплатном.
Я надел на себя полосатый халат.
Впереди охрана, позади – солдаты.
Узнав моё горе, сестричка заплачет.

Руки скованы цепью, на окнах решётки,
Ночь длинна, не наступит утро никак.
Сердце потухло от страданий тяжких,
Лишь бы счастлива стала сестричка моя.

По утру сел на ветку соловей у окна,
Моё тело накройте белым саваном.
Одна душа у меня, да будет жертвой она.
Жена моя сладкая тоже заплачет.

Я, Мардахай, под горой той родился.
Да буду вам жертвой я душою и телом.
На чужбине сгинул семьи опора.
Нергюз любимая от горя заплачет.

Туркади ёдиге гиймисунлер гышуне,
 гелгёген ёдунлер гелер инеонлугун боши.
 дербиз гызеллери. Булуи кетсунлер боши
 дербиз ёдуне душуб ёмон огълерен.

5

Стирди эвимугун гелдирди гелер ерге,
 неже дулаириг гериб ерлерге,
 эштинлер рехымлугуз кетсун гырен са.
 дербиз ёдуне душуб ёмон огълерен.

6

Аталанугун эбине иерди сору гыреги,
 салгаи гизеге гируг гере гыреги
 гунинен идуруг бузе салгаи хуреги.
 Кетин гун ёдуне душуб ёмон огълерен.

7

Салгаи гизеллер гух гух душугулар,
 гелер кее божермеди доре гелугулар,
 сене гурбон ой ути бул-бул,
 ёр хеберин билубен миегин огълерен.

8

огълерем огълерем гьит ксе ётмез дозуме,
ёзгум урвиемге белкен ётуми дозуме,
ошме дуге думишме менум ёзуме,
гьуьлеруьмден ёш охубан не емон огълерем. ч.

9

Ишиг южеул улмез гирифдор улмез,
назгоьимувуьм уьрелинге рехьм улмез,
гьух одамлер нуг улур жандармлер улмез,
уьге уьнурубан зорикен шувбан огълерем. ш.

10

Фербенз ишмге эркин гедирзуьмн,
богълер гидибан ейрон эдирзуьм,
салдат гиденге фогъир доензум,
гьуьмле богълер ёзуме думишуб огълерем. н.

11

Салдатлуь ишлерим ким божерер уш,
ёлворуьм торие кетдуреван буьзи,
тедлуьгинен енушдуреван буьзун гьуьлун,
ошма божми ёзуме думишуб емон огълерем. ш.

12

Э мччи ээ салдани
 Паггогуби дасдони тундэ билменүг,
 гувзубен уни гувре билменүг,
 гелдгичи буйругбинген тухе билменүг,
 Рехым иле паггогичмугз егузгир биге.

13

Салдате гувндереев сене бокмез илюе,
 тел егузз илеме бу хелги гбулеме,
 отубен гувзлеруби бир бок алеме,
 Рехым иле паггогичмугз егузгир биге.

14

Салдате гиденлеруби улмез гевсеи,
 гувшенлер дер бедер тачилмез ёвоси,
 уклери одине гувшенде акочикен божис.
 Рехым иле паггогичмугз егузгир биге.

15

Ёндирмисен жогбиллерчи гвемини,
 уилрин шелбисен кесер эрини земини,
 мен текурем бу дерзлерин гвемини,
 гвеминке рехым иле егузгир биге.

16

3.мечни ээ сагзани
 Бу не керемет гувизе нутугди,
 негворсен гвер бир ёне гувгубди,
 уренинде юруб ехдилер яралиги,
 инди емон огьлер гувделлерини дербизди.

17
 Бир неже эйлеег ой бебуге охун,
 буюрун тогиллерини кеденин нухуюн,
 иллож юхсур бир хункоге бохун,
 гьуй бир бир улеуви удушменлер дербизди.

18
 Бу сувлерин ~~дур~~ ^{ёзур} бинеси уведе,
 деген билдурмез ошнее гуде,
 бу доваголер улубдур бир мидек уведе,
 инди емон огьлер цоужселерини дербизди.

19
 Ёгьусилер малат урур куге куге,
 кимлер дубкубдур бир хуруз беге,
 севдигерлер цолуб неге неге,
 не миселин огьлер гьизлер гелинлер дербизди.

Жуьвон дегви текуьб ренги,
Союлуьг туслер ишилмеь ренги,
Губнле дегвиь узьине куьдур теги,
Не емон куьг уьги илгилерин дегвиь.
31

Когъоз фубреорн э цербей хельс хувше
 Когъоз, менен сатан анар анане,
 туй итинде мени ёдден айтмешен,
 Из ёмми Волдум цериб эвлерде,
 Цирифдорем бехвенз анем огълешен.

1

Фремг мени салуб ашгын атане,
 Церлер субруйтмишм бу гъаме цоше,
 Цынки элум гаймез цельум цвердеме,
 Цуб жокумде, зердуб гилер огълешен.

2

Юху цубреем энэ сумудгумден туккучуц,
 Мерз цидер цизден тигъен текилер,
 Бир цубдунден цон бир цубдунден еш туккучуц,
 цубзи зердуб цубзел ёрум огълешен.

3

Цубдубгумем зеруммишм деедем,
 Юловтием юл гитмеммиш хеедем,
 Хидметмишм богълеммиш беедем,
 цубзи гелин ширин божум огълешен.

4

Огъледуым огъледуым гъушум гингъи гъгъуым,
 Эгъдеруб тӱмледим аһа божни ёнумен,
 Негъ гъероитлер гъолди менуым жонучъ,
 Гъероит жонден гъолм ёрум огълемеу.
 5

Гъгъуым гъегъогъем гъинлерим гъере,
 Омон аһагъ бу гъердугъм бир гъоре,
 Минетугъм у гур гъере гъуз ёре,
 Гъежм гъиндугъз мени гъубюб огълемеу.
 6

Минборак улеуи суз божлемеи тугъубуз,
 Релъилме кимик бевуз улеуи божким
 Гъердани улдигъи гъигъи улмеги билмеюз,
 Не нисе гъохуи вор мени гъубюб огълемеу.
 7

Божни ёгъине мен улмишмен хижомет,
 Тӱнгъиме гъеймишмен оракеинге хелет,
 Гъобогъум гъеревугъдир далимжон салд
 Хебедъ гъерддир ширин божум огълемеу.
 8

Гонум бозлуви минжерем гачор,
гечем узгигуер гит улмеэ селер,
гьрегум дур еубуьб гух улмишм гвех
гух разием догви божм гелмеси.
9

Селер селер бул-бул гунер бу догве,
бир жонум вор еубе гьурбон есегде,
т'екелер эйлереуьзми минде гелем гьуно
узи бехреуьз ширин ёрум оглесеуи.
10

Курьозум гелуьб ухумишм эрзими,
гит клиум юхуьр, ана гини еузуми,
гьордешум сен еи сене т'анширер
хебер дерзур ширин балам оглесеуи.
11

Мерзехаи бу дьуьуьуьм бьудогви,
еубе гьурбон улеуи буйруьуи жонум,
пуг улзи эьлозум эьуьм ушогьуьм,
уьзи дерзли мергиз ёрум оглесеуи.
12

Э Петерзон Нубежери

Гьере гьуз гьезуьве ёдереи салаи,
динёго маи гьезуьме гьуз ~~гьезуьме~~ ^{эмон гьезуьр} ~~эмон~~,
сене эмоней гьозеуьн бир жевон балаи,
Белкеи аллагын релимиеи гелир.

15

Гьериб ермерге Белкеи гьезишдуан гьзаре,
гьезуьр ме мениинен юзган мадоре,
Мельгуьвей юзгьузгьур гьезгьурин увесе гьезуь,
Кинёблер элине мамламер гелир. ^{гьезере,}

16

Эвимгьузун ёнигге Ким гьизер хебере,
Бимгьурвейи салги мени жевдуре,
Гьозгьумегьур гьезгьешегьур Белкеи гингьун ^{гьездуре,}
Кимлергьур ёнуме еуоле гьезуьр.

17

Гьухмеге гьузфони танимез малламгьуз,
Аллагын ёнигге нуг улмез еузгьумгьуз,
Гинёгьезеи гьузимеюб гингьун гьунгьумгьуз,
Чн кир мин кир гьевдуре еуфале гелир.

18

Уйуи гүзүлрин юлмерге гвөлсе,
 Марол кимик серкоз улүб тулмерге гвөлсе,
 Юсуф пейгәмбер кимик зүномерге гвөлсе,
 Вүйтан улеи хебер мадоуриден гелир.

19

Менчум элчум үбзүмди еркүн ишлорине,
 акаинен ботми танилмез ёнумде,
 Чезор элечүб жоне гвүрөсү саянде,
 Элиммергүр ёнуме кумеке гелүр.

20

Эневоилер мени тиланиде алүр,
 Гвевүрүм үбсе тилүб муголом гелү,
 Жоброил гелүб гүзүмди алүр,
 Мүсө пейгәмбер элине чессо гелүр.

21

Эмеб хереб улди менчум земауум,
 Зинёльден Кесиди менчум гүбмонум,
 Аллахуи ёнинде улсе гивонум,
 Иброгим пейгәмбер ёнуме кумеке гелүр.

22

Уверибилрууи эжинге гун уолур увсрои,
 Кимлер тикер менулингун эсирейхелгени,
 Мердекем уошумишм мусо табрани,
 Мусо пейгемберни регымнен гелур.

33

Узугде текилуб инсоуи еусрой,
 Сувиймон пейгембере нафтогуб холгени,
 Золб. еинейде веруишм мусе табрани,
 Хвездезде бир гун шемблен гелур.

34

Э рафдетн хвемло хоеге

Уврегудей салме мени,
уызет ерум. увелал эйле,
апордилер еулер мени,
мемлум ёрум увелал эйле.

1

Бул-бул узкер узел бузозде,
ени узубон жон седозе,
дегмеежеегъ гул узозде,
севчил ёрум увелал эйле.

2

увузулгули нугтер дееде,
увере узозлер лебу нуседе,
бозубон нугтме бозубон усееде,
Нерауз ёрум увелал эйле.

3

Бир узел дегузум себеч себлер,
бозди эжзум алзи белвер,
бир узозум бор узубон тевлер,
Нетже гулем увелал эйле.

4

Уберуьвуре ёзерем салам,
 җобдоръ уетур элге җелем,
 билмек улмез белкен уылмек,
 анъа анъам җелол эйле.

5

Җоҗме җигди ой җоҗкилер,
 юнук җелмез дерз җелелер,
 җере соглуь ой божкилер,
 ботки җерден җелол эйле.

6

Эрилубдур дам уьрегум,
 аллаьдси думшди гилегум,
 сугзиниен иен гурегум,
 ошме дусум җелол эйле.

7

Фербинд уьсди оьз җелеси,
 динур җонур дам боруси,
 бир җелмекдир микороси,
 батан дербинд җелол эйле.

8

Богълерине бийиъи лале,
 бири гъирлиъи бири оле,
 тебрилуъб сулуъи олди гъере,
 дербегъ догълер гъелол эйле.

9

гелсе гедер жгъером ёлди,
 мехмелерге гизер солди,
 гъулиъб эрде шеври ботди,
 гъулиъб догълер гъелол эйле.

10

Мердехеел мен гинешел,
 ёрдеи колуи алмашимел,
 дуъ гъирелуъбуъди гух еминел,
 гъелин аном гъелол эйле.

11

Эйи етири гъошисел
 Юсуфов, емен доловит.

Юсуфов

гос. дербегий Буйнакск 30/5

апрель, 1965. — А. К.

МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ В ПОГОВОРКАХ И ПОСЛОВИЦАХ, ЗАПИСАННЫХ АМАЛДАНОМ КУКУЛУ

Ки э кумеки хъарой мизеге, мираси э унжо хилосох Мардахай.
Где раздавался крик о помощи, тут же появлялся спаситель Мардахай.

Нум Мардахай бири эй дуьшме тэрс ве лерз.
При имени «Мардахай» врагов бросало в страх и в дрожь.

Шефте коре дуз сохди, эй фагъиргьо кумек бири.
Кривое дело выправлял, бедным помощью бывал.

Э сер бекгьо, гьоширгьо Мардахай бири хIалово.
Против беков и богатых (в пользу бедняков) противостоит Мардахай

Сер бэкгьоре у дура, вирихди рафти э Шуре.
Разбив головы бекам, Мардахай скрывается в Шуре.

Мардахай вотовустигьоре, дуьшмеш не вотово.
То, что испытал Мардахай, и враги пусть не испытают.

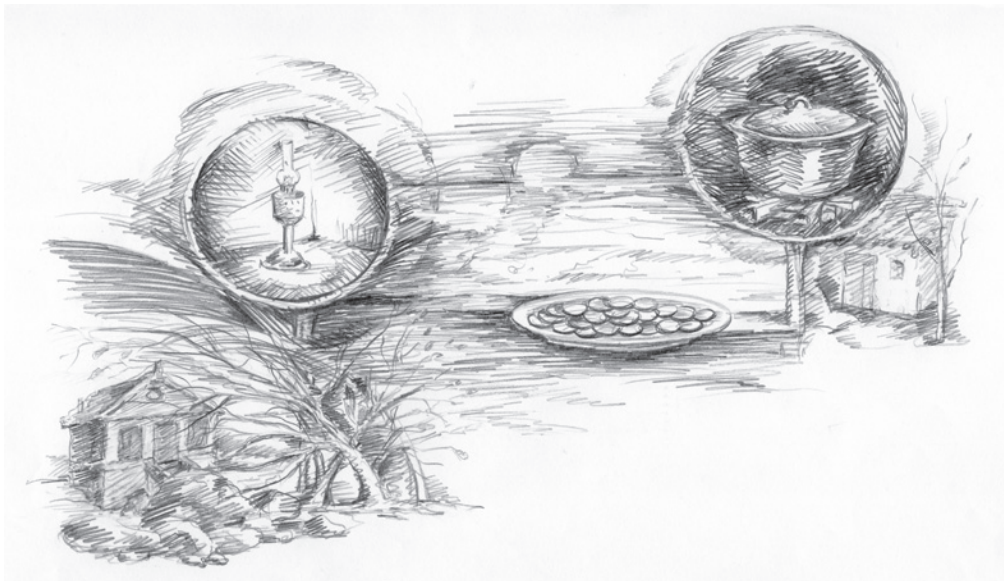
Мардахай согъ мибисдоге, екиш э ишму дес низе.
Был бы жив Мардахай, никто бы вас не обидел.

«Попох Мардахай» – «Шапка Мардахая».
*Мардахай водружал свою папаху на воткнутую им в землю трость между
евреями и их обидчиками, и никто из них, увидев это, не смел перешагнуть её.
Символ присутствия защитника народа в городе.*

«Гел-гит, Мардахай эвде ёхтур» (азерб.)
«Приходи-уходи, Мардахая дома нет».
Пословица родилась в народе при поисках Мардахая жандармами для ареста.

Ишму коре варастид, имогьой ме сер мигируьм.
«Вы закончили, а теперь я начну».
Так говорят, когда человека вынуждают на ответное действие.

СПРАВЕДЛИВЫЙ МАРДАХАЙ

ГОРСКО-ЕВРЕЙСКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА

Расскажу я вам про одного бедняка. У него было трое детей – один другого меньше, а в доме ничего не было. Однажды, когда у бедняка оставалось лишь немного отрубей, он сказал жене:

– Я пойду на заработки. Останусь живым – вернусь и обниму тебя, а если погибну, значит, такова судьба. А ты испеки из отрубей лепёшки и накорми детей.

Напекла жена лепёшек из отрубей, часть дала мужу в дорогу, часть оставила детям. Обнял бедняк жену, поцеловал детей и ушёл из дому. Вскоре он уже шагал по дорогам к Дербенту. Бедняк был одет в рваный халат, шёл без шапки и босиком, а дни стояли холодные. Долго ли шёл бедняк или недолго, но вот добрался он до дербентской крепости. Толкнулся бедняк в чугунные ворота, а они смёрзлись и не открываются. Тогда бедняк пошёл вниз, к кварталам.

В то время жил в Дербенте один богач, бек Абдула, и бедняк оказался возле его дома. Смотрит бедняк: сидит на балконе Абдула со своей женой, перед ними стоят бутылки араги и вин, а из бараньего плова пар так и валит. Ну, что вам говорить: всё, что нужно было хозяину, всё выложили слуги на стол. Смотрит бедняк на всё это и слюни глотает. Очень ему

захотелось есть. Достал он свою лепёшку из отрубей и начал жевать, да с таким удовольствием, будто он не лепёшку ест, а чурек со стола Абдулы. И надо же такому случиться – взглянул Абдула и увидел бедняка. Подозвал бек свою жену и говорит ей:

– Видишь этого босого человека? Если захочу, убью его. Этих оборванцев следует опасаться.

И Абдула приказал слугам привести бедняка в дом. Сказано – сделано, привели бедняка к беку Абдуле.

– Почему ты в такой мороз ходишь босиком? – спрашивает бек.

– У меня дома трое малышей сидят голодные и холодные, а я вышел, чтобы у таких, как ты, почтеннейший, просить помощи, – отвечает бедняк и кланяется Абдуле.

– Прошу, только не подходи ко мне близко, от тебя плохо пахнет, – говорит бек. – Я могу тебе кое-что предложить. Ты пойдёшь к морю и войдёшь в воду по самое горло. Если до утра сможешь пробыть в воде и останешься живым, я дам тебе сто туманов. Если же умрёшь – значит, умрёшь. Согласен?

Думал-думал бедняк да и согласился.

– Ладно, – говорит, – я согласен, но давай заключим договор.

Написали они договор, скрепили подписями и на том разошлись. И вот слуги бека повели бедняка к морю. Мороз лютый, ноги к снегу прилипают, а бедняк идёт босиком и без шапки. Идёт и думает: «Может, и выживу. Возьму тогда эти сто туманов, пойду домой и детям всего накуплю». Наконец дошли они до берега.

– Полежай в воду! – говорят слуги Абдулы бедняку.

Бедняк разделся и по самое горло вошёл в холодную воду. А слуги бека бегают по берегу, толкают друг друга, чтобы согреться, ведь Абдула запретил им разводить костёр – а вдруг бедняк в море от него согреется. Потом слуги начали пить араги, но и это не помогало. Но если уж они мёрзли, то каково же было бедняку в ледяной воде! Прыгал он с ноги на ногу, тёр себе тело и приговаривал: «Охош! Охош!» – (Здорово! Прекрасно!). Медленно тянулось для него время. К рассвету бедняк до того заоченел, что хоть душу богу отдавай. Неподальёку от того места жил хозяин рыбного промысла. Утром, ещё затемно, его жена встала и зажгла у себя в доме керосиновую лампу. Их дом был виден с моря, и бедняк заметил полосу света в окне. Протянул бедняк ладони к лучу и воскликнул:

– Охош, глатош! (Здорово, огонь!).

Увидели это слуги бека и спрашивают:

– Что ты делаешь?

– Греюсь! – отвечает бедняк.

Хотели те посмеяться над глупостью бедняка, но не смогли: мороз сковал им губы.

Тем временем стало светать. Обрадовался бедняк и спрашивает слуг:

– Можно выходить?

– Нет, побудь ещё немножко. Когда совсем рассветёт, тогда и выйдешь, а то бек разгневается.

Наконец, стало совсем светло, и слуги разрешили бедняку выйти на берег. Вышел бедняк из воды и тут же тело его покрылось льдом. Тогда он накинул свой рванный халат и помчался к дому бека Абдулы. Постучался бедняк в окно и ждёт. Абдула в это время завтракал. Услышал он стук, подозвал к себе слугу и говорит:

– Пойди посмотри, кто там. Если одет хорошо – впускай, если же оборванец – гони прочь.

Сказано – сделано. Вышел слуга к воротам и спрашивает:

– Кто там?

– Я тот самый бедняк, которого бек послал на всю ночь в море. Я пробыл в воде до утра, а теперь пришёл получить с бека сто туманов.

Слуга доложил об этом Абдуле.

– И как он только выжил в такой мороз! – воскликнул Абдула.

Но договор есть договор, и беку нужно было отдать сто туманов. Только бек Абдула был очень жаден и не хотел расставаться с деньгами.

– Я этого бедняка скорее убью, чем отдам ему сто туманов, – сказал он своей жене. Потом позвал бедняка и говорит ему:

– Никогда не поверю, чтобы человек в такой мороз мог целую ночь пробыть в воде. Признавайся, как удалось тебе обмануть моих слуг? Если не расскажешь правду – голову тебе отрублю!

– Позови своих слуг, спроси у них! – воскликнул бедняк. – Они же глаз с меня не спускали!

Позвал бек Абдула своих слуг и спрашивает:

– Как он выжил? Рассказывайте! Обманул он вас?

Слуги рассказали беку всё, как было, но тот кричит:

– Он вас обманул!

Тогда один из слуг сказал:

– Уже под утро в окне дома Джавадова зажгли лампу, и свет от неё доходил до моря. И я видел, как бедняк протягивал руки к свету и приговаривал: «Охош, гатош!». Но из воды он не выходил. Этого наши глаза не видели.

И другой слуга сказал:

– Да, да, это я тоже видел.

Тогда бек Абдула закричал на бедняка:

– Значит, огнём грелся? И ещё денег хочешь? Ах ты, негодяй! Вон отсюда, обманщик! А не то я тебе голову отрублю!

Что оставалось делать бедняку? Он ушёл. Ведь ни договор, ни бог ничего не значат для беков. Власть в их руках, а удел бедняков – терпеть да молчать.

Из дома Абдулы бедняк пошёл к градоначальнику. Тот выслушал бедняка и говорит:

– Конечно, Абдула прав. Ведь вы же договорились, что ты ничем не будешь греться. А ты обманул его и грелся огнём от лампы. Ничем не могу тебе помочь.

Бедняк стал было доказывать свою правоту, но градоначальник вышвырнул его за дверь. Пошёл бедняк вниз к еврейскому кварталу, и по пути ему встретился сам Мардахай Овшолум. Этого человека все боялись: и беки, и богачи, и, даже, сам градоначальник. Не было человека, который бы осмелился вступить с ним в спор. Зато сам он никого не боялся. И ещё надо сказать, что Мардахай был всегда и во всём справедлив. И теперь, увидев разутого бедняка, он спросил:

– Что с тобой? На тебе лица нет, будто ты из могилы вышел!

И бедняк рассказал всё, как было. Тогда Мардахай Овшолум пригласил его к себе домой, дал ему сухую одежду, посадил к горячему очагу и велел жене накормить гостя, напоить крепким чаем, а сам тем временем послал ребятишек с записками к беку Абдуле и к градоначальнику. В записках было сказано: «Очень прошу пожаловать ко мне в гости, есть дело. Не придёте – обижусь». Градоначальник и бек Абдула прочли записки и собрались ехать к Мардахая.

– Какое опять у тебя дело, говори! – ещё с порога кричит градоначальник.

– Сначала садитесь, я угощу вас пловом, – отвечает Мардахай.

Градоначальник и бек Абдула сели и ждут. Хозяин молчит, молчат и они. Долго сидели молча.

– Где же твой плов? Не сварился, что ли? – в конце концов, возмутились проголодавшиеся гости.

А Мардахай-Овшолум и отвечает:

– Пусть бек Абдула пройдёт в ту комнату и посмотрит, не сварился ли плов.

Прошёл бек Абдула в другую комнату и видит: в очаге вместо дров стоит горящая керосиновая лампа, а горшок с рисом отставлен в угол. Удивился он и говорит:

– Эй, Мардахай, горшок с рисом в углу стоит! А в очаге вместо дров – лампа.

– Если так плов варить, он до нашей смерти не сварится! – воскликнул градоначальник.

А Мардахай-Овшолум и говорит:

– Мне кажется, он и после вашей смерти не сварится.

Переглянулись градоначальник и бек Абдула, а Мардахай продолжил:

– Но если рис в углу не сварится от лампы в печи, то как же бедняк в море мог согреться от лампы на окне?

Бек Абдула и градоначальник молчали. Что они могли сказать? Ко-

нечно, будь на месте Мардахая Овшолума кто другой, они бы нашли ответ. А тут...

– Отвечайте! – сурово сказал Мардахай.

И пришлось беку Абдуле и градоначальнику согласиться с тем, что бедняк не мог согреться от лампы. Тогда Мардахай Овшолум сказал:

– Пусть бек Абдула, согласно договору, отдаст бедняку сто туманов да ещё столько же штрафа за нечестность.

Абдула стал было возражать, но Мардахай пригрозил ему:

– Скажешь «нет» – пеняй на себя!

Очень не хотелось беку Абдуле отдавать бедняку двести туманов, но отдать всё же пришлось. Знал жадный бек, что Мардахай Овшолум не потерпит несправедливости.

Так бедняк получил деньги, поблагодарил справедливого Мардахая и поспешил к себе в аул. А жадный бек Абдула и его покровитель градоначальник тоже пошли по домам, злясь и проклиная Мардахая Овшолума. Пусть же все проклятия, которые они слали на его голову, падут на них и на наших врагов, а добрые пожелания пусть достанутся Мардахая Овшолуму и нам с вами.

БИБЛИОГРАФИЯ

- **А. Кудрявцев.** «Древний Дербент». Издательство «Наука», Москва, 1982 г.
- **Г. Мусаханова,** литературовед, к.ф.н. «Татская литература». Очерки истории (1917-1990). Махачкала, 1993 г.
- **Г. Мусаханова,** литературовед, к.ф.н. «Ихиллов Михаил Мататович: учёный, воин, гражданин». Сборник статей. Махачкала, 2004 г.
- **М.М. Ихиллов,** д.и.н. «Горские евреи» – Из неопубликованного. Стр.41
- **С.С. Агаширинова,** д.и.н. «М.М. Ихиллов – учёный, общественный деятель, гражданин». Стр. 9
- **Г.Г. Гамзатов,** д.ф.н., академик РАН, директор ИЯЛИ ДНЦ РАН. «Добрым словом вспоминаю я Михаила Мататовича». Стр.19
- **Г. Ш Каймаразов,** д.и.н. «Учёный и гражданин». Стр.28
- **И. Семёнов,** д.и.н. «О происхождении горских евреев». Махачкала, 1997 г.
- **И. Семёнов,** д.и.н. «Кавказские таты и горские евреи». Казань, 1992 г.
- **А. Кукуллу.** «Мардахай Овшолум: песни, стихи, хвалы, эпитафии». Москва, 1995 г.
- **А. Кукуллу.** «Золотой сундук». Издательство «Наука». Москва, 1974 г.
- **И.Ш. Анисимов.** «Кавказские евреи-горцы». Москва, 1883 г.
- **Х. Авшалумов.** «Поэт-бунтарь Мардахай Овшолум Сибири». Дербент, газета «Ватан», №№ 98-104, 1995 г.
- **Я. Мишиев.** «Дербент и мировая цивилизация». Ростов-на-Дону, 2005 г.
- **Р. Бадалов.** «Похищение Семендера или кавказские хроники». Тель-Авив, 2003 г.
- **Д. Атнилов.** «Шогьиргьой тати» («Татские поэты»). Махачкала, 1947 г.
- **Ш. Шалумов.** «Легендарный Мардахай Овшолум Сибири», Израиль, 2009 г.
- **Л.А. Микдаш-Шамаилова,** д-р, отзыв на книгу «Легендарный Мардахай Овшолум Сибири», опубликованный в марте 2012 года в «Кавказской газете».
- **М. Дадашев,** «Нет, я не умер, я – живой». Литературно-публицистический альманах «Мирвори» №3, Израиль.
 - «Строки горской лирики», Махачкала, 1972 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо – отзыв к.ф.н. Г.Б.Мусахановой	4
Отзыв д-ра Л.М.Микдаш-Шамаиловой	12
Вместо предисловия	18
Дербент XIX века. Историческая справка	38
Горские евреи	41
Легендарный Мардахай Овшолум Сибири	43
Городовой – возмутитель правопорядка	47
Мардахай Овшолум – узник Сибири	49
Дербентский Робин Гуд	53
Ссылки, побеги, русско-японская война	58
Мардахай Овшолум и Октябрьская революция	62
Если я забуду тебя, Иерусалим... ..	66
Смерть Мардахая	68
Его оружием были кинжал и перо	70
Стихи-песни Мардахая Овшолума.	
Записал Д. Атнилов. Перевод Ш. Шалумов	74
Стихи-песни, эпитафии, хвалы Мардахая Овшолума.	
Записал А. Кукулиев. Перевод Ш. Шалумов	92
Стихи-песни Мардахая Овшолума.	
Записал Б. Гаврилов. Перевод Ш. Шалумов	122
Стихи-песни Мардахая Овшолума.	
Записал С. Юсуфов. Перевод Ш. Шалумов	144
Мардахай Овшолум в поговорках и пословицах	
Записал А. Кукуллу	169
Справедливый Мардахай	
(горско-еврейская народная сказка)	171

Литературно-художественное издание

Шалумов Шалум Авшалумович

**ПОЭТ-БУНТАРЬ МАРДАХАЙ ОВШОЛУМ
СИБИРИ (СИБИРСКИЙ)
1860-1925**

Издание второе, дополненное

Стихи, песни, хвалы, эпитафии

Редактор – М. Козакова

Художник – Ш. Шалумов

Дизайн и компьютерная вёрстка – Э. Алиев

Перевод на английский язык и иврит – издательский дом «Мирвори»

Общая редакция издания – издательский дом «Мирвори»

Руководитель издательского проекта – Й. Мишиев

Подписано к печати 05.02.2013

Формат: 70 x 100/16

Гарнитура Times

Усл. печ. листов 21.29

Издательский дом «Мирвори»

Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10

Адрес для писем: Israel, 42441, Netanya, P.O.B. 359

По вопросам приобретения и заказов обращаться по тел.:

в Израиле – 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822,

международные – 972-9-8840855, 972-54-7766822

E-mail: mirvori@mail.ru

Shalum SHALUMOV

THE POET-REBEL
MORDECHAI AVSHALOM
SIBERIAN
1860-1925

JUSTICE SEEKER, PROTECTOR OF THE PEOPLE,
GREAT POET OF THE MOUNTAINS JEWS

SONGS, POETRY, PRAISES, EPITAPHS

ISRAEL – 2013

**Letter – Comments on the publication of the first edition and
congratulations on the second edition by
G.B. Musahanova Dr literature (summary).**

Dear Shalom!

I must admit that reading your book was hard for me, the unexpected difficulty came from the many emotional expressions you have used. First of all I'm sorry for your loss. Wishing you that God will watch over you and many more years of writing works that you dedicate to your son, God rest his soul.

And of your current book I give you countless thanks. For me it is a renewal in our culture. It is an interesting research that emphasizes the development of his life with all the difficulties and complications Mordechai Avshalom encountered, a poet, a hero, a rebel, fighting for his people's rights. I must say that I was pleasantly surprised about the depth of the investigation done on the subject. Your work differs from everything else I've read so far, it is very noticeable especially since it was free of deficiencies characteristic to our people. Your writing style was new to me because so far only standard biographical Descriptions were written of the lives of significant figures in the nation. Of all the works I have ever read that dealt with a great figure, I would only note the book of Amaldan Kukulu, published in 1995 in Moscow whose content intersects with your book. I remember my meeting with Amaldan Kukulu in Moscow, he told me about the trip he made to Derbent to conduct research and gather facts. With amazement he told me how even today in Derbent they remember and love their great poet. I believe that your acquaintance with Amaldan Kukulu in Moscow near the bookstore and the fact that in Israel Mordechai's original picture fell into your hands are the acts God. Not for nothing they say, he who looks always finds.

I liked your citations for Amaldan Kukulu's work, the profound research he conducted and gathering the works of the popular poet and cared to have them published. Your book, that was published 15 years later than his, is written in another level. From the beginning of your work until the end you hold the high standards you have set and proof of this is the argument you had with the two «Literature experts» as you call them (which by the way are very easy to identify). Although you were very restrained in what you said, you successfully conveyed the message that enriched your work a great deal.

Facts from the life of the poet specified, your compelling findings which refute the words of the «literature experts», the structure of the book, finding

other sources that were not discovered so far, the unique style of your writing not to mention the amazing design of the book entirety – all of which indicate that today there is not another person who knows the life history of the poet better considered the father of the literature of the Mountains Jews in the late 19th and early 20th centuries. You managed to tell, in a very moving way about the tragic fate of the poet the heroism and nobility while emphasizing the important subtleties. With great sorrow you tell of how there are unsaved works and that there are blank spots in his biography in the absence of documentation. But despite it all you successfully created the whole character, a true hero, a noble man whose works pass from generation to generation in our people for nearly 150 years. His mental and physical strength, his loyalty to his people and his love for his wife Nerguz, how he wrote her love letters, how they helped him survive the deportations to Siberia, to escape several times (hence the nickname Siberian) and in 1919 to take part in the struggle for the rule of the people (so we thought anyway). It's very difficult to digest the fact that it was in time he found his peace, he was murdered by a traitor.

Your unique writing style is noticeable in every part of the book. But I will refer to the highlight of it – the collection of Mordechai Avshalom's creations was collected in different periods by fans of his talent, our famous writers of different generations: Daniil Atnilov (1915-1968), Amaldan Kukulu (1937-2000), Boris Gavrilov (1908-1961) and Simon Yusufov (1914-1985). May their memory be blessed! And Hat's off to you! This part of the book again highlights the difference in the importance of the life and death of our famous poet for you, compared to the two «experts»!

You aspire to get to the bottom of it, exposing the truth about the life and death of the great poet, most importantly – try to collect and gather together as many of his creations in order to present his work in its entirety! And they wanted to leave their mark on the history by being the first researchers of the famous poet's life.

The question never crossed your mind, why did the eldest of the «experts» never published Mordechai's works that he managed to collect while working with us on the research, at least as Daniil Atnilov did it when he returned from the war?

An interesting position of him was discovered in his book «Tati Folklore» published in our research institute in 1940. 193 pages book. First, there is a very long introduction of Hizgil Avshalumov, then a large part of the folk tales, lullabies, idioms and proverbs and Azerbaijani blessings prevalent in our people. At the end of the book you can see 13 verses now known as the song «Before the trial» and then two more verses in the same subject. The piece was written without a name and without any information about the poet. Also in the very long introduction in which Hizgil presents the summary of the book and complete information of its content and of the writers mentioned in it, Mordechai is not mentioned at all. Only on page 193 (the last page) there is a vague sentence that goes like this: Legends, lullabies, songs and blessings by Mordechai, collected and recorded by M. Dadashev and H. Avshalumov.

There is a clear attempt to hide his connection to the poet even though he was familiar with his works and knew them by heart, it was revealed to me when I was at his house in the middle of the 70s and he recited his poems with enthusiasm the whole evening. At that time I was very close with him and his wife, but because he started to forge and distort historical facts of the people, I quarreled with him and our relationship was severed.

Not only your talent as a researcher who meets all the criteria of modern research methods was shown in your work, but also your Diversified and very creative personality. Which was a very pleasant surprise for me. You show yourself not only a serious researcher and a successful translator of the poet's songs, but also as an illustrator and a very talented artist. The photos attached to the end of the book show the variety that you have and the difference in styles of your works. There are classic style images and pictures of more modern style with a blend of colors that don't pass the limits of good taste, as opposed to some artists that their works seem like they lack common sense. Sometimes you cannot understand what the artist meant by mixing the colors in the image, but in yours it's all clear, even paintings that describe sophisticated plot some of which can be seen that done with a sense of humor. Your satiric works are very interesting, I am also impressed by your signs and works made on silk, which is new art for me, it probably requires a lot of concentration, skill and patience. Your biography at the end of the book really helps to know you, to know your course of life which helps in understanding your creations.

The book's cover is wonderfully decorated with greetings in Russian and Hebrew in the center of the Jewish symbol – Hamsa. I think it's very good that you use the term Juhuri when you tell the language in which Mordechai Avshalom wrote. The term Juhuri really entered modern science as the language of the Mountains Jews as Yiddish term that defines the language of the Jews of Europe and the term Ladino language of the Jews of Spain. All terms are different names for «Jewish language» in one country or another.

The alphabet of the ancient Hebrew language that was used by our first poets, Mordechai Avshalom and Shaul Simandu, remained without definition. The two poets wrote in Azerbaijani – Derbenti dialect, which is very different from the language of high literature in Azerbaijan itself, founded by another milestone in literature, the great Muhammad Fizuli (1494-1556). Another famous poet who represented south Azerbaijan «the elder brother» of our poets, Ghassan Elkadari the lezginian (1834-1910). Specialized in Arabic literary culture and also wrote in that language. He wrote his history book «Asari Dagestan» in Azerbaijani dialect, similar to the dialect of our poets. At that time even though the works of our poets were written in the Azerbaijani dialect, like the works of Suliman Stalsky, they were not included in the literature creations of Azerbaijan.

Our two poets wrote in the style of «Ashugy poetry», they lived in Derbent, but in their works you can see the events taking place in Caucasus in particular and Russia in general in the late 19th century and early 20th century.

I now understand why in your book when the issue of the language was raised, you didn't expand the discussion on it. Due to the lack of original manuscripts of Mordechai, you could not continue and deepen this topic.

Based on the writings of Shaul Simandu, it can be concluded that our two poets wrote their works in ancient Hebrew. They documented their work as opposed to the Lezginian poet, Suliman Stalsky who was an illiterate that became very famous nonetheless after the poet conference of the Soviet Union which took place in 1934 in Moscow, where he was highly regarded. He gained fame thanks to the support of the chairman of the Communist Party in Dagestan, Karkmasov. Our poets received no such support. Furthermore, in the collection «Tati Poets» published before the poets conference in 1934, the Mountains Jews community leader in his long preface referred to them in only one sentence. In that sentence he dismissed their importance as great poets in the nation and associated them to the field of folklore. By then Mordechai Avshalom was dead, and Shaul Simandu probably was not able to fight for justice against the position of the leader. Maybe this could be the explanation to the concerns that the editor of the book «Tati Folklor» that I mentioned earlier had.

Our first poets and other artists who have lived in their time, they are our national treasure! With variety of talents! Their names are sacred for me! Their era was a period of prosperity of the written culture. Later on, their names were erased from history and were replaced by poets of political – communist characteristic writing style who praised and glorified the authorities.

I agree with the comparison you made between our literature to the literature of all the other communities of Dagestan that retained and managed to include the names of their first poets. But your book is not known in Dagestan's scientific world, you should ensure that it is accessible to our science also. Our research institute conducts a large project currently researching all the languages in Dagestan, even those who have no written language. And our language which is included among the five first languages to be in writing, remained outside the study.

In order to understand the worldview of the leader who rejected Mordechai Avshalom and Shaul Simandu from the literature, as an example you can show his reaction to the love poems published in «Zachmetkesh» newspaper in 1933. In it he claimed that these poetics «distracting farmers from their agricultural work.» The leader of the Mountains Jews in Azerbaijan also responded like him, criticizing the young poets in Derbent, who published their work under an assumed name, said in his criticism that in his opinion they have no ideology.

Despite everything, even against the political persecution and lack of freedom of expression, songs full of emotions and freedom longings by Mordechai Avshalom still continued to live in the nation. This can be seen by the many listings of his poems edited by Amaldan Kukulu in 1965 in Derbent. These records reached my hands only in the 90s so I say again, everything that is being published in Israel, send here also, for Dagestan's scientists to be familiar with. Mountains Jews from Azerbaijan now living in Israel have more intensive cultural relations with their country than the Mountains Jews from Dagestan. This is understandable because the Azerbaijani government and the citizens also behave differently than us Dagestanies. Dagestan is still ruled by a group of people who made a career of falsifying history and recruits more collaborators. There is a feeling that the authorities have given this group a free hand to do whatever they want with the history of the people and shook all the responsibility off themselves.

I understand your anger about the words of the two «experts» that distort the truth about Mordechai and his creations.

Now, I want to point out that in my opinion a number of Mordechai's poems that you have translated to Russian were less successful, but it can be explained in that they were not made from the original poems, what sorrows us all.

Your work is very necessary especially now that the Mountains Jews are scattered in four continents of the world. I heard that Austria already has a small community of Mountains Jews who preserve their love and loyalty to their Caucasian roots.

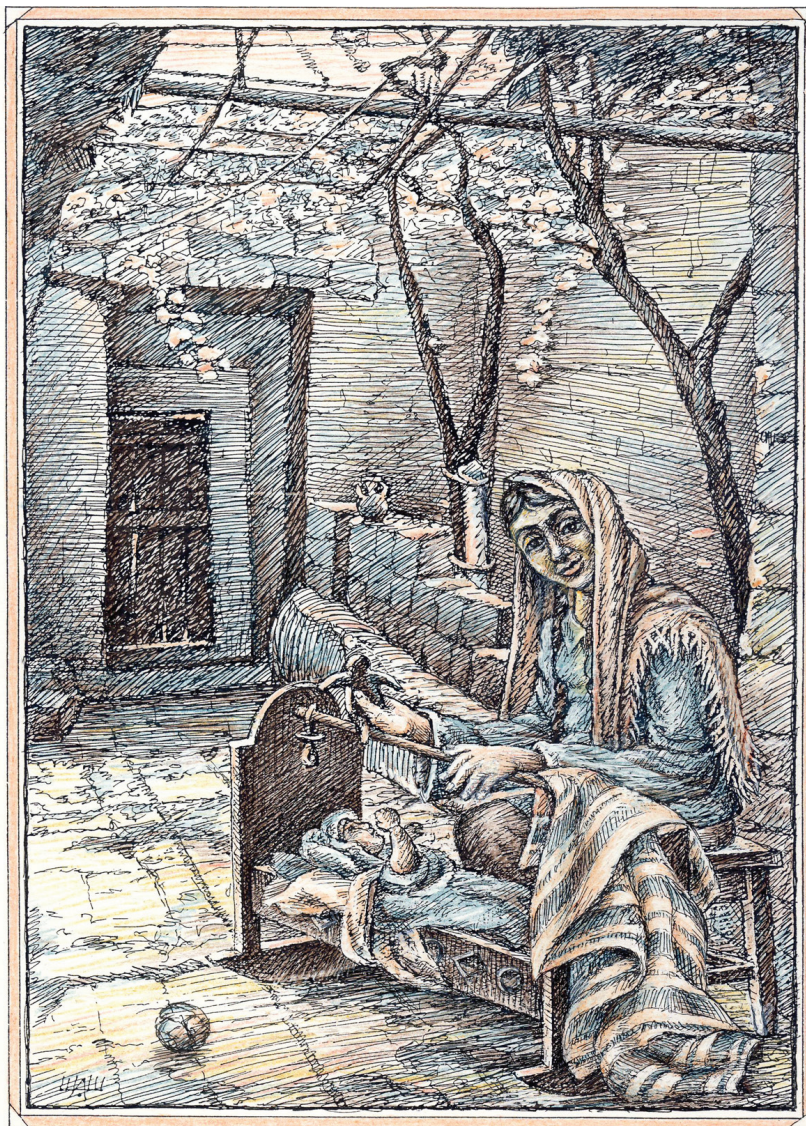
(Galina Musachanova shares her thoughts of how in her opinion the man's children can be found, who took Mordechai's journals).

Again I wish you health, longevity and actualization of your creative life!

«Chodo Komek» – May God help you in everything.

*Sincerely Yours, Galina Musachanova.
March 5, 2010, Makhachkala.*

INSTEAD OF PROLOGUE

Out of all the great representatives of the mountains Jews popular culture in the 19th and the 20th century the one who stood-out the most was Mordechai Avshalom, for his name has become a symbol of traditional national poetry.

Manashir Yakubov, «People of Dagestan» journal, first edition of 2002.

The history of the small and ancient mountains Jews nation, knows a lot of great names that were famous by their achievements in all fields. We don't intend to list all of the names, they are all familiar to the nation, who is grateful and gives them the respect they deserve without investing efforts. We will talk about our literature. The names of the mountains Jews literature founders were almost forgotten due to certain reasons which will be mentioned later. These are the names of the first poets who implanted popular literature: Mordechai Avshalom Siberian, Shaul Simandu, Ibolo of Tarki- who wrote their works from the middle of the 19th century to the early years of the 20th century.

The works of these poets were a foundation and the starting point of the popular literature of all their successors, but at some point this information became «meaningless» and the names of the great poets were pushed aside.

As a result of the devastating repression nowadays there is no trace of work by Ibolo of Tarki, and we can't say a thing about his poetry. Fortunately the poetry of Shaul Simandu was saved by his successors which published them at the beginning of the 21st century.

The original sketches of Mordechai Avshalom songs were lost, but they were passed from generation to generation and were rewritten various times by several famous mountains Jews poets and writers: B. Atnilov, A. Kukulu, S. Yusuf, B. Gavrilov etc. at the period of the soviet government the songs were not published and nothing was advertised about the poet. The poet was occasionally mentioned only in his heroism without reference to his poems. However during my youth (1950-1970) there wasn't a man in Derbent who didn't know the name of the great poet, folk hero and his tragic fate even though his death was many years ago (1925). In large families the elderly would tell grandchildren stories about Mordechai Avsha-

lom's life. At festivities and families dinners people talk about him and sing his songs. Information of Mordechai Avshalom Siberian biography published only after the soviet government rule has ended. In the largest and the most famous articles that were written by the most known authors- H. Avshalumov and M. Dadashev- there is a deliberate value reduction to the significance of his creations and distortion of his death circumstances. So I, Shalum Shalumov, that have been the closest person to him (his nephew) from all the family who lives today, decided to write everything I know. I want introduce to the readers the most reliable information that was kept in our family firsthand about this great man.

In the mountains Jews community, like in all other communities before the appearance of the written literature, the common culture had passed from mouth to ear. And the most popular thing in that culture was the poetry. After the poet first preformed his poem, it was then distributed to the people. The size of the audience and the duration it lasted in the community were directly affected by the beauty and the meaning the poem had to the people. Mordechai Avshalom remains until this very day. Back in those days the majority of the people were uneducated, even though he held records of his creations, his poetry still passed on from mouth to ear and was known not only in Derbent but also far beyond its borders.

For example, a while ago, I met an old woman from Hadera, and she asked me for the first edition of the book «The legendary Mordechai Avshalom». I was surprised by her request, because she wasn't born in Derbent. «What do you need it for? Do you even know Mordechai Avshalom?» – I was curious. Then suddenly she started to recite one of his poems and she knew it fully...

The people remember Mordechai Avshalom not only as a poet but also as a man who loved his community and courageously stood in defense of his people, against the rich and powerful. Eventually, he found his death by one of those elite people. As I mentioned before, Mordechai Avshalom's original creations were not preserved even though he did write all of them down in his «thick notebooks», of which I heard a lot of during my childhood. But in the year 1939 a guest from Moscow that presented himself as a poet. He took the notebooks with all the records from his family and promised to publish all of his poems and even make a movie about him. He took the notebooks and vanished.

The fact we can read those creations today is all due to the hard work made by the poet Amaldan Kukulu (Amal Kukuliev 1937-2000), which invested many years to rewrite his poems. In 1965 he took notes from the people of Dagestan and put them together to a collection of Mordechai Avshalom's poetry that was published in 1995 in honor of Mordechai Avshalom, marking 70 years since

he passed away, contains all of Kukulu's records and some records gathered by other poets in those same years: Daniel Atnilov (1915-1968), Simon Yusufov (1914-1985), Boris Gavrilov (1908-1990). The published book was named «Mordechai Avshalom- poems, praises, epitaphs». It's important to note that the rich contents of the book is inspiring a specially due to the fact that he did it all without help and with his own money even though he was poor in means and lived in financial distress.

It's hard to say today how Mordechai's original records looked like but we suspect that he wrote in Turkish – Azerbaijani dialect and Juhuri language (native tongue of the mountains Jews) and the writing itself was in Hebrew alphabet because up until the 1930's the people of Dagestan did not know any other form of writing than the traditional religious language.

It assumable that the best examples to Mordechai's original writing are the five poems that were published in 1947 in D. Atnilov's book «The tat authors»: «Imprisoned», «Before the trial», «Gratitude», «A letter from Siberia» and «Derbent». The records made by Simon Yusufov, relative of Mordechai and my father's good friend, are considered by me as the original or the most similar to them. The next three poems: «A letter home from the czar's army», «A letter for the sister's wedding», «A request for blessings». Rewrote by Simon Yusufov in the Turkish – Azerbaijani dialect and were translated by Boris Gavrilov to Russian in an independent manner. Comparing those two records you can see the similarity and in some cases it's even identical, which indicates that they are very close to the original.

Today we read Mordechai Avshalom's poems that were remade by many poets that are different from each other in class and writing style. The poems were rewritten from the memory of different people, most of which are uneducated. And yet we can see consistent characteristics of Mordechai Avshalom in all of the poems, because a poet's personality and finger print can be notices in any poem. Any culture has creations that the names of their creator were not saved in history, but these creations exist, alive and are considered as folk culture. So what is the reason that in Mordechai's case it didn't happened? Why are the poems that I introduce in my book survived and kept the identity of the poet even after over 100 years? The answer is that his writing was unique, he was rebellious and he fought the authorities and the injustice, it is felt and noticeable in his poems. None of the poets that have lived and who live today dared to write and express themselves the way Mordechai Avshalom so bravely did.

And now let me tell you about the translation of Mordechai's poetry. The way I see it regardless of quality of listings that the translators received, their task was to preserve the meaning of the contents, the structure of the po-

ems and the ambience of the period especially due to the fact that the poems have been reconstructed from the words of people who lived in that time period. Although most of them were uneducated but they knew what the ambience was at that time, knew the reality that people back then lived in, and therefore an effort must be made to try and preserve the poet's writing style and tone of speech, and not try to find matching rhymes only so it will sound well in the translation. As an example for that I will introduce the first verse of Mordechai Avshalom's poem «Derbent». If one should translate it word to word, it will sound like this:

You ask me,
Where my homeland is?
Listen and I shall tell you,
My trusted Siberian friend.

In the translation of the Russian poet V. Portnoi, this verse looks like this:

So, listen to me my Siberian friend
I will tell you about my homeland.
Where the grapes are filled with wine,
And the sun like an apple shining through the branches.

It sounds lovely, I won't deny, but due to the fact that the poem lost its meaning and the contents don't match, I personally see nothing in it. Where did the poet come up with «grapes are filled with wine» and «the sun like an apple», he made it up for a nice rhyme?

And here is the same verse in the translation of A. Senin from A. Kukulu's book, published in 1995:

Will you ask me my Siberian friend?
Whether my nationality is kumiki or lezgini?
And where in the distance lies my homeland?
Come my friend and I shall tell you.

What's the meaning of this invention? How did he come up with «kumiki and lezgini»?

Another example from A. Kukulus book, page 125, you can see the translation of the poem «Forgiveness before I leave» word to word by the poet B. Gavrilov. And in page 66 there is poetic translation of the same poem by A. Sanin. In this translation the poem called «Pondering while reading the cards». The name of

the poem causes confusion, what cards did Sanin mean? No to mention everything else he added to the poem. In other words it is not a translation but something else entirely and completely detached from the original. This is the way all of Sanin's translations look like.

A. Sanin may be a great poet, and I must complement his work that he faithfully did, same as A. Kukulu. But it's important to me to add, may he forgive me for my ungratefulness, but in my taste his translations are too freestyle on the verge of distortion of the contents of the poems, characterized in unnecessary additions that absolutely not passing the ambience of the period and Mordechai's personality. In this kind of translation the style in which the poem was written get's lost, goshma style (Azerbaijani writing style), and with it the lyrics, the musical and all that characterizes the eastern poetry. These are no longer poems of a poet who lived in the 19th century with eastern mentality, they are now poems that were written in a modern style by a European poet.

When I read in one of the poems that was translated by A. Sanin, it said that Mordechai Avshalom, a firmly religious Jew «took pride» in eating a lot of pork at weddings, which was only written because it suited Sanin for a rhyme. I came to a conclusion that there is a need of new translation to Mordechai Avshalom's poems. The most important thing to me is that the poet who translate the poems will be close in spirit to the mountains Jews or even be one himself.

For a long time I was searching for a translator, I asked people, I advertised in newspapers but still I could not find a suitable one. There was some that focused more on rhyming much like Sanin, others extended the poems too much, from a three verses poem they wrote seven and then claimed that I know nothing about translating to a foreign language. True, I never wrote poems and never tried translate. I understand that in order to do it best, knowledge and experience are required. And yet today I come to realize that no-one else will do it better than. That is why I took it upon myself. I have tried not to harm contents in favor of beautiful rhymes, I tried to maintain the written style, the meaning of the poem and the tone of speech in which it was originally written. I also kept its musical and the simplicity of the eastern poetry. I know, and I have always thought that a person should do what he does best. However I had no choice and I did what I did. Have I succeeded? The readers will judge. If it's one of the cases in which it's preferable to have it like this or to have nothing at all, then my efforts were not in vain. The testimonies about Mordechai Avshalom that I bring in my book, I received from the memories of his brother – my father Avshalom, Mordechai Avshalom's daughter – Zulpo and his many friends. I also used written records from the memories of the known mountains Jew poet H. Avshalumov (1913-2001) that appeared in his article that has been dedicated to Mordechai Avshalom in the event that marked 70 years to Mordechai's passing.

Many thanks to all that helped in writing this book, blessings of long life to those who still live and God rest the souls of those who are no longer with us.

«The good name of the mountains Jew poet, the rebellious and justice seeker, remained in the people's memory to this day. His moving poems are being recited with tears. To my regret, most of the people who know

his poems are the elders, it will be most tragic if the memory of this great poet will be lost over the generations». – That was written by Amaldan Kukulu in 1995.

It sorrows me to know that due to the fact that an attempt to erase Mordechai Avshalom's name and personality from history, no one composed his poems to music and no play that tells the story of his life ever came-up.

In Derbent, his hometown, that he loved so much there isn't even a monument in his memory. To this day his grave was not properly established because his burial place wasn't found. In my youth the memory of Mordechai Avshalom was still fresh, his poems were recited and people spoke of him. Today on the other hand, the young are less interested in their roots. Possibly because our little community is scattered, or because life changed and the reality is different. Some of them never heard the name of the poet, and many of them don't speak juhuri – the language of our fathers.

But I believe that with the passing of the years the young generation will too go back to his roots, it's a recurring reality. That why it's very important to do everything in order to preserve his creations, poems, life story and heroic deeds in the most reliable and accurate way, so that Mordechai Avshalom's name will not perish in the next generations.

Speaking of reliability, in every article I have ever read about Mordechai Avshalom, I always had doubts about his birth date which appeared in them, 1850. And now after I worked on my book and deeply studied the course of his life, I came to the conclusion that my doubts were justified. 1925 the year of Mordechai Avshalom's passing didn't raise any doubts for me (I met people who remember his funeral). But his birth date that is known by the majority sometimes doesn't fit his raging life course. Not to mention other people that were involved in certain events in his life, that this birth date makes acquaintanceship with them illogical. For example: there is no argument over the fact that Mordechai fought in the Russia-Japan war in 1905, which indicates that he was drafted at the age of 55, what seems very unrealistic especial to that time period. The age difference between Mordechai and his brother (my father) that was born in 1906 is too large, even though they had different mothers. There are also proofs that Mordechai's visit to Elkono the rich, in ordered to «blackmail» him into giving 300 rubles to the poor and the sick for Passover holiday, could not have taken place in time it is mentioned. Eye witnesses claim that when this incident took place Mordechai Avshalom was 40-45 years old. As H. Avshalumov wrote in his article Mordechai Avshalom went to the rich man not alone but with the young cantor Asail Binayev (1882-1952), which a short time beforehand was appointed

to be the cantor of the great synagogue. If we do a simple calculation: $1850 + 40 (45) = 1890$ (1895) which means that the «young cantor» A. Binayev was 8-13 years old at the time! As you can probably understand, it doesn't make sense that at this age he could already be a cantor.

But if we assume that Mordechai was born 10 years later than everybody thinks, then it's still possible to find chronological order in the above events. If he was born in 1860, then it's much more logical that he was 45 years old when he was drafted to the Russia-Japan war, the age difference between him and his brother seems more reasonable and the young cantor was 18-23 years old. Therefore after I examined mathematical calculations, and have decided in my book that 1860 is the most logical year that Mordechai Avshalom could have been born in. of course I cannot know for sure, it could be 1859 or 1861 but it was certainly around the year 1860.

When I came to a publishing house with the draft of my first book, I saw an Almanac book vol-3 (a collection of creations by different artists) by Mirvori publishing house. On page 70 in that book there is an article by Michael Dadashev about Mordechai Avshalom: «no, I'm not dead, I'm alive». A great article with interesting descriptions of Mordechai Avshalom's heroic and full of suffering life. But the criticism of the writer about his poems and the explanations that were introduced by him regarding Mordechai's cause of death were not reasonable to me, and woke up the baggage of emotions that I have accumulated over the years. In the soviet period Mordechai was hardly even mentioned, and in the few times he was, it was mostly lies. For example: in my youth I read somewhere that he died in 1925 while he was in exile in Siberia. Which means that already then an attempt was made to deceive the young generation and show Mordechai as a traitor who died while he was imprisoned for his crimes. The truth was not told, that he was murdered by his enemy. Dadashev's article is modern and it too has a false fact, that's why I could not stay indifferent and had to react.

I suppose there are a number of reasons for the distortion of the facts and the confusion in the biography of one of the first poets of the Mountains Jews people. The prevailing view is that one of the reasons was that the alphabet was changed, but I don't think it's true.

Indeed in 1929 the Hebrew alphabet that was used by educated Mountains Jews was changed into Latin and in 1938 it was changed again into kirili. It certainly created a lot of problems, imagine changing written language twice in less than a decade! In order for it to be possible to publish the poet's creations,

first they had to be rewritten in the new alphabet language. Of course, if there was a will it could be done, just like other nations did. We know that in those years many nations in the U.S.S.R. went through the phase of alphabet language change. The Muslim nations until then wrote in Arabic and they too changed their writing to Kiril. Despite of everything the other Dagestan nations kept publishing their artists' creations and preserved their culture, and our leaders did not succeed in doing so, as if they did not know the names of our artists nor heard the wonderful songs that people sang in the streets.

For this reason, great singers and poets such as: Batirai Omrub the Dergini (1831-1910), Irchi Kazak the Kumiki (1830-1879), Avarz Machmud of Kachabruso (1873-1910), Lachke Shaza of Kurkaly (1875-1939), Suliman Stalski (1869-1937), Atim Amin (1838-1898) the Lezginians and many others were crowned as the fathers of the classic literature of Dagestan and as the pioneers of the poetic culture in their nations. While the names of Mountains Jews poet, not less talented have fallen between the lines and disappeared. In conclusion the real problem was not the changing of the alphabet language.

In the years 1920-1930 the ethnic literature and the journalism began to develop in all the nations of Dagestan. It's important to commend the Soviet government that made a lot of efforts to eliminate the existence of illiteracy, to raise the education and maximize the percentage of students. In 1928 the newspaper «Zachmetkesh» (the worker) and also books started being published in the Mountains Jews language. But Mordechai Avshalom, Shaul Simandu and Aibolo of Tarki, were not mentioned neither on the pages of this newspaper or in the first edition of the Mountains Jews ethnology «Tati Poets» which was published in 1934. What is the reason for that? Undoubtedly in the word «Tats». Only the «Tats» poets were published in those editions. But for the sake of accuracy, Mordechai Avshalom wasn't a «Tat» but the other poets that were published also weren't «Tats». Mordechai was Jewish and it was felt in every line of his poems. Perhaps the names of the Jewish poets were erased and their works were not approved to be published even though they were popular, because of the first leader of the Mountains Jews during the Soviet government, Yechiil Matatov, which was the one that everything went through.

This was all made so that in the future of modern literature, there will be no trace to the ancient Hebrew language that the poets used, and so that nothing will remain that can show the Jewish roots of Matatov. It all took place in times of anti-Semitism, persecution of our people and the alleged «scientific» fact that falsely states that we are not Jewish but «Tats» who converted to Judaism. Matatov and his associates did not continue developing the culture that the first poets, the pioneers of the Mountains Jews culture started. But instead they started a new culture. As Galina Musachanova said in her letter «started from zero». As if we had no literature, poetry or culture before them at all!

Yechiil Matatov's son, Michael Matatov in association with Hizgil Avsh-

alumov carried on his father's way in destroying the Jewish history in order to eliminate all traces of Judaism. «Avshalumovs – Matatovs», is what they were called by Dr. M. Yachilov who claimed that they distorted the history of our nation. In the article «Mountains Jews» M. Yachilov wrote: «Our distorters, which had Jewish roots, adapted the concept «Tat» for themselves and the entire nation in order to avoid anti-Semitism».

They managed to do it thanks to a covert agreement of Russia and Dagestan authorities, and the hostility of the government towards our religion and its institution allegedly justified their actions. Suppose that the distortion of the history was the demand of the government from our leaders and not their own doing, but it's hard to believe that they demanded to erase artist's names from our history. The conclusion is that the leaders themselves needed it, it was easier for them to exist under the authorities this way.

Excuses can be made in saying that these were very difficult years of anti-Semitism, but it is known that anti-Semitism wasn't less harsh in the years that the poets lived in. It's important to notice the difference between the two periods, the leaders allowed themselves to be subjected to the anti-Semitic government, made the people life miserable and kept them in fear. It was all made in self-interests and promotion of their own careers. On the other hand, Mordechai lived in an anti-Semitic period just like them, but he fought bravely against the authorities and injustice, protected the weak and the poor, recited his encouraging poems for a better future in town squares and rebelled against all the conventions. For these actions he was arrested and deported to Siberia for hard labor. Although the authorities have been anti-Semitic in all of these periods, they never denied the fact that the Mountains Jews or other Jewish communities had Jewish roots. In order to explain the government's attitude towards Jews in general and our community in particular more clearly, there is a quote from Stalin's book «Marxism and the national question» (Moscow, 1946, page 12-19): «In light of the historical changes that Jewish people went through, Jewish communities are now scattered around the world, living in different places and speak different languages. For example: Russia, German, America, Georgia, Mountains Jews etc...

All the Jewish communities mentioned live among the Georgians, Dagestans, Americans, Russians and more. And they are an integral part of economics, politics and culture of those countries. Of course, the nature of the Jewish communities are affected by this, the only thing they have left in common is the religion, their roots and the remaining part of their national mentality».

It is not incidental that already in the period of Stalin's rule the Mountains Jews were under the threat of deportation. The threat was directed to them not as «Tats» but as Jews. Fortunately the death of the cruel ruler saved them from deportation and from being sent to the ghettos in Khabarovsk (Siberia) (M. Yachilov «mountains Jews)

Taken from the article of Dr.I. Simonov, «The history of the mountains Jews in Dagestan»: By the way, in Azerbaijan the concept «Tat» was never attached to Jews. It happened mainly in Dagestan, and to this day Dagestan is the only place in the world where the Mountains Jews are called «Tats».

Did they do it with their own will? Or did the government of Russia and Dagestan force them to call themselves «Tats»? For some reason there is a preference not to talk about these distortions and especially not about their implications. Maybe it's not necessary anymore? It took place a long time ago. What's done is done, and will not happen in our history again. So maybe it's no necessary to publish the antisemitic actions of our leaders in the past and there is no need to taint the minds of the young generation with negative facts from the history of his nation.

Nevertheless the truth must not be hushed, it's important to talk about it, because nothing is over, the distorting actions that were made in the past still have serious consequences today.

On November 5, 2002. In the evening which was dedicated to the memory of M. Yachilov, in honor of his 85th birthday. A member of the Russian academy of science, Dr. of literature and professor, Gamzat Gamzatov said: «By my initiative, there was a meeting in my office with the representatives of the two most common perceptions. M. Yachilov and G. Musachanova were attached to the position that the Mountains Jews have Jewish roots. And on the other hand, H. Avshalumov who represented the other position claimed that the Mountains Jews are «Tats». There were also other people who took part in the meeting. After many debates which occasionally turned into fighting, M. Yachilov turned to H. Avshalumov:

Answer me one question, if you are really a «Tat» and you don't want to admit that you have Jewish roots, why are you and the «Tats» respond in such a sensitive manner to all the Jewish troubles and are so sympathetic with the Israelis? Why are your «Tats» such in a hurry to get to the holy land?

It's very easy to explain! – said H. Avshalumov without any shame. –not only Jewish people sympathize with Israel but also other nations, for example the Dagestanians which are very humane in nature.»

So what did H. Avshalumov achieve by this? A talented author who wrote about the tales of Shimi Derbendi, the compiler and editor of the Almanac «Mountains Jews – Tati Folklore» which was published in Makhachkala in 1940? Apparently due to the Almanac's title, he considered himself as a Mountain Jew but only later on. Gathering all his talents, abilities, connections and also his stubbornness, he did everything to convince the academy of science and the institute

of ethnographic research about the correctness of the «Tats» perception. Although the rector of the institute U. Bromlei had already found evidence that prove we are Jewish based on thorough research, still H. Avshalumov managed to convince him with his stubbornness and self-confidence that we are not Jewish, but Tats who converted: «we are not Jewish, we are Tats» – wrote H. Avshalumov. – «The religion does not define nationality. The nationality change came with the free will of most of the people». Probably because all his life as a soviet active, and his reluctance to leave his position in the writers association, he wanted in this way to solve all the problems: on the one hand to stop the immigration of Mountains Jews to Israel so he won't be left there alone, and on the other hand to be useful to the government and insure green light to all his actions. Else what was the real reason he started dealing with historical and ethnographic questions if he was not an expert in these areas.

As a result of distortion, there are inaccuracies and falsifications in the data about the Mountains Jews in the population registry of all the people who lived in the territory of the Soviet Union from 1989 to 2010 included. Not the love to the people nor the persuasions that immigration to Israel will mean the extinction of the community (the language will disappear, the mentality will change and the tradition will be forgotten), justify the actions of the distorters, despite the reality which exist today in Israel.

Returning to Mordechai Avshalom, or rather, back to more reasons why his name was not mentioned in the soviet press. The superior roles in the writers association in Derbent, which determined the development of literature, were Hizgil Avshalumov (1913-2001) and Mishi Bachshiyev (1910-1972) who served in different years and did their job sometimes together and sometimes separately.

Mordechai's poems were very popular in the community. During the inception and development of the modern culture, the superiors didn't find it necessary to include the works of the folk poet. Though Hizgil received many requests from Mordechai's family and fans to publish his creations, he always declined. He allegedly feared the government, which saw Mordechai Avshalom as a criminal. How can his fear from the government be explained? If the chief editor of the newspaper «Zachmetkesh» (Mountains Jew's newspaper) was none other than Asail Binayev himself. The same Asail Binayev of whom Hizgil wrote in his article, that he was Mordechai's friend and the cantor of the big synagogue in Derbent.

Maybe he didn't want the public to know that they were relatives? Perhaps H. Avshalumov, Asail's son-in-law, wanted to hide the fact that his father-in-law was a cantor in the great synagogue of Derbent and all of his connections to the religion. Apparently he wanted to hide the fact that the person who

helped Asail get the cantor position was his father-in-law, that did this while planning that in the future Asail will become the chief rabbi of all south Dagestan. Asail's father-in-law was Shmuel Avshalom Hanukayev, one of the richest men in the city, which was known as one of the greatest enemies of the soviet government.

Only after the dissolution of the soviet government, Hizgil Avshalumov allowed himself to write an article in which he talked about Asail Binayev's appreciation and respect for Mordechai Avshalom and about the complicated relationship between Mordechai and the Millionaire Hanukayev. Mordechai who spent all his life fighting for his people against the injustice and inequality towards the poor, was not considered a criminal or an enemy according to the criteria of the soviet government. A man who wrote poems full of love to his people and his relatives, encouraged a life of peace, friendship and harmony, and who blamed the czar for his injustice against the people, this man could not be a criminal. Those who considered him a criminal were the rich and their successors, which were close to the government. They tried to denounce him as a criminal and to smirch his honor, and after his murder they did everything in order to make his name and his works forgotten.

The government was not involved in it. Otherwise how can we explain the fact that in the 60's of the last century, Kazy Kaziyeu, chief editor of the newspaper «Communist», who wrote about Kiri Bura's actions, «The lezginian robin hood» warmly mentioned the hero of the Mountains Jews, the lezginian's good friend, Mordechai Avshalom Siberian. Also how can we explain that in 1947, Daniil Atnilov published five of Mordechai's creations in his book and didn't encounter any resistance from the government. It's important to note that he did so in the absence of our leaders, which were recruited for war in 1941 (M. Bachshiyev returned to Derbent in 1953, H. Avshalumov returned in 1955). Apparently for the lezginian newspaper and for Daniil Atnilov, that by the way lived all his life in Moscow, Mordechai's name was guiltless, and Hizgil «had the authority» from the government to define him as a criminal but only among Mountains Jews, and only in Derbent.

These days, in 2009 Michael Dadashev decided to remind us of Hizgil's conclusions and to legalize everything Hizgil claimed in the past. But Dadashev rose above his teacher, he expanded and deepened the discussion about Hizgil's conclusions and in purpose misled the readers with false facts about the death circumstances of the hero.

And probably not in vain, concealing the fact that a murder was done, they basically eliminated existence of the killer. Not by accident in the «Conspirators» articles, when they allegedly told about Mordechai's «natural» death and at the same time write admirations of Hanukayev's personality and all the other rich. What was actually the connection between Hanukayev and Mordechai

Avshalom? Both writers in their «For justice» articles present him and the others as «angels on earth». It makes an impression as if they worked all their lives and tried to save money to «invest in the need of the people».

Of course, in order to maintain and increase their wealth, first of all the rich had to be very unified and support each other. Besides, they were required to contribute to all kinds of urban institutions and in return they were rewarded with benefits from the city authority. The greater their fortunes became, the larger the contributions became, but this had nothing to do with their nature nor Mordechai's life story. In light of the situation, why are we debating about this for so long? To highlight the truth once more: there is a first intent for every action. After the dissolution of the soviet government, the two writers published wonderful articles about Mordechai's life. They talked about him as a person who deserved to remain in the memory of the people. But nonetheless they distorted the facts and deliberately misled the readers by hiding the circumstances of the poet's death. They described his death in such a tone as if they were present when he took his last breath, and not his relatives or the guests in the Mountain Jews wedding. Where Mordechai as usual amused and entertained the audience, and in the end found his death by poisoning.

These poets ignore the fact that is known to all, and thus denied the possibility of putting someone to blame. What's the meaning of this? Everyone knew and they didn't? It doesn't make sense! The community at that period, Mordechai's family and even I, since childhood knew the name of the killer, for some reason only to these poets it was a mystery.

My complaints to their works are not over with that. For some unclear reason against the common sense, both poets misled the readers by writing with one voice, that Mordechai Avshalom wrote his poems only when he was in exile in Siberia. It means that he never wrote before and when he came back he didn't continue his work.

According to their arguments, Mordechai actually didn't write the poem that I mentioned earlier «A letter home from the czar's army», which was written as the previous poems in Goshma style – Azerbaijani writing style. From Michael Dadashev's article we can understand that Simon Yusufov and Boris Gavrilov without planning it in advance, considered this poem as one of Mordechai's works on their own, In order to emphasize more strongly the importance of the great poet in Dagestan literature. In comparison, Dadashev doesn't see Mordechai's spirit, strength and his writing style in this poem. So, I should probably forget how my father (many times) was used to show his fist and recite one of Mordechai's poems: «I have five fingers in my hand, five strong fingers». I heard this poem a lot of times also from his friends in family celebrations.

If to rely on Dadashev's arguments, in all his life Mordechai wrote 90

four lined verses that some of them were put together into poems. Does it mean that he didn't write a single whole creation? Only random verses? It looks like the writer stained too much. What made him disqualify himself this way? Being a poet himself, he should know that a poem is composed of several verses joint together under the same subject. We know that all of Mordechai's poems were recalled from people's memories, it's logical that mistakes have been made and some verses were attached to poems that they did not belong to. But it can't be a proof that all of Mordechai's poems were joint together by separate verses that were not connected beforehand.

Which reading audience did Dadashev direct this article to? What did he want to say? That also a perfect creation like «Imprisoned» was joint together from separate verses? And why 90, how did he manage to count them? Maybe it's the amount of Mordechai's poems that he had in his collection.

Not by accident, in his article in Almanac «Mirvori» on page 73 he thanks S. Yusufov for holding records and for gathering Mordechai Avshalom's poems for over 30 years. From page 76: «H. Avshalumov told me that he along with my uncle, Menuvach Dadashev held records of Mordechai Avshalom's poems».

Where are all these poems? Why were they not published to the reading audience yet? I often recall how in one of my meetings with Amaldan Kukulu in 1987 he said with excitement: «with god's help we will work with Dadashev, he has a lot of poems, and we will publish one big book about Mordechai». These kinds of memories bring me sad thoughts. Of course it's important to mention the names of others who also compiled Mordechai's poems: Yono Simonov, Sergei Izgiyaev, Mishi Bachshiyev and many others. G. Musachanova that in some point was in a good relationship with Hizgil and his wife. Noted in one of her letters to me that in the mid- 70s, one evening in his home he recited by heart all the creations of our poet. So he had them! Where did they go?

In 1995 H. Avshalumov «was set free» from the soviet government pressure that «allegedly» considered Mordechai a criminal. The government didn't exist anymore and towards the end of his life, Hizgil decided to publish a great article about our hero poet. The chief activist of Mountains Jews literature, the man who single-handedly controlled it's development, wrote a wonderful article about Mordechai Avshalom's life. If he already did this, then why didn't he publish Mordechai's poems in the same opportunity? After all he must have realized that Mordechai's creations were under the

threat of extinction simply because the people's memory weakens from generation to generation. In an article about the poet that is so rich in descriptions of heroism, what stopped him from including his poems? Especially due to the fact that these stories have already been published in the past, but the poems almost never. Surely he knew that his collection of Mordechai's creations was one of a kind and that it was impossible to be found anywhere else. But still he

didn't publish the poems, maybe he didn't see it as his duty to show the greatness of Mordechai as a poet.

As G. Musachanova said in her letter:» Hizgil wrote the article not for the memory of Mordechai but in self interest. Another great achievement in that area, no-one before him wrote an article this big about Mordechai Avshalom.

If anyone asks me: what do you need this for, do you want to bring back Mordechai Avshalom's popularity or to avenge his haters? It is no longer relevant especially now that the young generation of the Mountain Jews loses the foundation which distinguished us from the rest, our language.

I wouldn't want my attempt to restore historic facts, to be considered as a banal vengeance. The truth is, there is no-one to avenge anymore, most of the people I talk about in my book are not among the living and their families have nothing to do with their parent's or grandparent's actions. Therefore I ask of everybody not to get offended by me. I see it as my duty to talk about these actions which had devastating implications not only to the fate of the first poets but also to the fate of our entire community. Is it possible to succeed in the future without taking into consideration the mistakes of the past? I am utterly convinced that our community has a future. Nowadays it is accumulating strength in Israel, Russia and in other countries. It seems to me that it will keep on existing, distinguished on one hand, and on the other hand inseparable from the world Jewry.

Our community exists, its tradition is alive and its language is spoken. Maybe nowadays it's not really necessary to the young generation, but it will happen again. Years will pass and the young generation just like we were, will feel a strong need to know the history of their family and their community, it called returning to the roots or getting close to the foundations. Mordechai Avshalom himself is our roots and foundations. He represents a significant period in the history of the people, thus it was very important for me to tell the truth about him in my book, about his creations, his period and about the people who lived next to him at that time.

Mordechai's heroic deeds became legends even before he died, it emphasizes the greatness of his personality, and therefore we won't start picking which of these legends are true and which are the imaginations of the tellers. If people make up legends about their hero while adding things that he didn't necessarily do, it means that even if it didn't happen, it fits his character and certainly could have happened... legends are told about legendary people, it says everything.

I endlessly thank the older generation – all my family, associates, friends and acquaintances, who remember Mordechai and shared their memories and facts about his life with me. There are no limits to the thanks I send to our

hard-working people – the writers and collectors, which wrote, compiled and preserved Mordechai's creations, despite the attempt to stain Mordechai's name and eliminate his work by the people who hated him. Thanks to these people the poems survived to this day and they will remain as a national treasure for future generations. And that's what really matters!

DERBENT 19TH CENTURY. HISTORICAL CHRONOLOGY

*The greatest courage is the ability to forgive.
There is no better word than a true word.
There is nothing more precious than homeland.
I hope to return to you my darlings.*

«A letter from Siberia»

Derbent, 19th century. History testimony our story about the life of the legendary Mordechai Avshalom Siberian, we will start with the Chronological sequence of Derbent city history. That reflects its reciprocity (and all Azerbaijan) with the Russian empire, which affected the lives of the generations who lived back at that period of time.

July 22nd 1722 – the Russian czar Piotor the great docked in the port of a place where later a city was built in the name of port- petrovsk, nowadays called Mach-achkala.

August 23rd 1722 – Piotor conquered Derbent without fighting.

1806 – Derbent officially belongs to Russia.

1813 – By the golistan agreement that was signed by the Russian and Persian empires, Derbent is now legally included among Russians cities.

1834-1859 – Shamil becomes the imam of Dagestan and Chechnya.

Ausust 29th 1859 – the eastern area of Caucasus returned to Russian ruling after Shamil was taken in to captivity.

1840 – An area was created, including Derbent and its surroundings and it was ruled by the Russian authorities which did not attach importance to the mentality of the local community.

1846 – Derbent becomes the main city, in it was the home of the Russian government commissioner and from it he ruled all of Dagestan.

1860 – Derbent's municipality was founded. A prison was built in port-petrovsk. Mordechai Avshalom was born.

1861 – Serfdom was canceled (a nickname that was given to the legal and economic status of some farmers under the feudal system. The farmer had

the lowest status similar to that of a slave). It didn't have much effect on the politics and the economy of Caucasus due to the local mentality. It will take a long time until the poor people will feel free and not inferior to the rich and powerful.

1875 – A flour mill was established in Derbent.

1877 – Derbent was under siege because of a rebellion in Dagestan against the beks and the kumiks. The rebellion lasted 5 years without special results in favor of the rebels.

1879 – A factory to create spirit (alcohol), produced from grapes was founded.

1895 – Local autonomy was established in Derbent.

1900 – Derbent railway was built and opened for use.

1905 – Bourgeois – democratic revolution in Russia. Protests in Derbent. Japan – Russia war.

1917 – February revolution. Double authorities. Leadership of the soviet government.

1918-1920 – Civil war and war intervention from foreign countries.

1920 – Restoration of soviet government in Derbent.

1921 – Soviet autonomous and socialist republic was established.

1925 – Mordechai Avshalom's death.

In the second half of the 19th century Derbent had a difficult period of poverty, lack of basic means of existence, illness and severe epidemic and suppression of the weak by the capitalists, same as all the Russian empire in that period. The gap between the classes had grown, poor became poorer and the rich became richer even more. The situation worsened due to the absence of government's steady policies and the unceasing war of Imam Shamil against the Russian empire. A solution had to be found to the harsh suppression of the people which brought them to a state of despair. The common people protested against the beks and the kumiks. The rebellion lasted 5 years, Derbent was under siege. But the common people could not surpass the government which was supported by Russia. The rebellion did not produce results and people's living conditions had not improved.

How did the mountains Jews live in this period – Jewish community in Caucasus?

You can describe the life of a persecuted people as an island in a cruel ocean of Antisemitism by Muslim nations. Small Jewish neighborhood surrounded by Muslim called «Tange Mahale» which means narrow alleys.

Kozovski (1851-1911), historian and researcher from Dagestan wrote about that period: «...the beks who controlled the Jews treated them with cruelty because they didn't consider them as human beings but beasts of prey, that killing and brutalizing them is not consider a sin...»

The people suffer in their wretched homes, looking for consolation in sad songs, dreaming of knights and heroes, who will come and save them.

MOUNTAINS JEWS

Until recently, not many people knew that of the 36 nations who inhabited Dagestan, the little community of the mountains Jews or tats, as we were called in recent times, associating us to Muslim tats, was also included. From ancient times the mountains Jews lived in many settlements in the Caucasus Mountains. The mountains Jews themselves, many of the historians and researcher from the past centuries: Vilam Rubruk (1215/1220-1293), Adam Olarei (1603-1671), Yan Streiz (1630-1694), Samil Gotliv Gamlin (1745-1774), Judah Chorni (1835-1880) and even the modern researchers considered the mountains Jews descendants of the tribes of Judah and Benjamin. In their study, the researchers see a significant connection between the arrival of the Jews to the Caucasus Mountains and the Assyrian and Babylonia's exile.

In 722bc, the Assyrians conquered and exiled ten tribes of Israel, the other two, Judah and Benjamin lived a long time under Judah's ruling. In 586bc, they were exiled to Babylon by the Babylonian ruler, Nebuchadnezzar after the destruction of the first temple.

It is said that the ten northern tribes which disappeared without a trace in the history, are considered the lost tribes. However it's known that parts of the tribes Judah and Benjamin – the ancestors of the mountains Jews, after undergoing difficult times of suffering and migrations have settled in the mountain areas of Caucasus.

The history of the mountain Jews – a unique chapter in the history of the world civilization. They were surrounded by Muslim nations, conducted interaction with them but never mingled with them and remained loyal and kept the commandments of the torah. They celebrated Israeli holidays, honored days of mourning and kept the Sabbath. Thus maintained their ethnic uniqueness. Although, history has a lot of evidence that an attempts were made to force them to convert to Islam against their will. Like all other Jewish communities in Russia and in the world, they have experienced brutal pogroms and antisemitic behavior against them.

The term «Mountains Jews» first appeared in the 19th century after Derbent was included under ruling of the Russian empire. Historians reached Derbent with the Russian army and were shocked to discover tight believers in torah who lived there and kept its commandments, which looked nothing like the Jews who lived in the territory of Russia. Caucasus Jews like other mountain peoples had a temperament, they could gallop on horseback and were able to protect themselves and their homes with weapons. As much as the fate of this small nation was tragic it was also great. It's long since great nations which

once stirred the world disappeared, whole countries which have failed to overcome the difficulties that fate put them through, while the little community called «Mountains Jews» thanks to its skill and tremendous ability to overcome the obstacles and difficulties along the way, managed to survive. The nation living with god in heart. They passed their belief from generation to generation and at all times mentally strong people were born, heroes who sacrificed themselves for others. But unfortunately the names of many of them were not recorded in history which made them «lost» but luckily for us some of the names were not, and saved till our time and kept in the memory of their descendants and pass on from generation to generation.

THE LEGENDARY MORDECHAI AVSHALOM SIBERIAN

Mordechai Avshalom Siberian or according to czars police records Mordechai Avshalom – ogli- was a man of valor, a rebel, justice pursuer, protector of the weak and one of the poetry fathers of the mountains Jews. God gave him an equal measure of knightly power and of talent for writing poems. Thanks to this he was and remains a unique personality in the history of the mountains Jews.

Mordechai was born in 1860 in Derbent to a poor family. People said that the baby was born heavier than usual, and in his childhood he was tall for his age. His mother died before he was seven years old. At age nine he started to work for a Bak (rich, capitalist). With his salary from working

In the fields he paid his lessons at the great synagogue in Derbent with rabbi Isruil. First, the rabbi taught Mordechai the torah, but since he was very educated, he also taught him about many other cultures such as Turkish- Azerbaijani culture, ancient Jewish and Persian. Concisely we can say that Mordechai studied not only the torah, he was also exposed to the wonderful world of eastern poetry. Over the years the child grew up and became a man, robust and strong. Soft childish voice was replaced by a low bass voice. After he learned to play on Saz and Kumiz (eastern authentic instruments) he loved to sing folk songs while playing for himself. Soon he became the guest of honor at all the festivities and weddings of mountains Jews. At first he sang folk songs but without noticing he began to improvise, adding things of his own and eventually began writing his own songs. It was a beginning of a new chapter in his life, his poems were spreading among the people and he was invited to all the events, celebrations, weddings etc.

Merciful Mordechai could not ignore the troubles of others and thus he was seen also in cemeteries where he also sang, this time only sad songs. It's accurate to call them songs, it was more like ritual poems of prayers, as a cantor.

In very early age Mordechai discovered the poverty, the suppression that people lived in, the injustice of the government against the people and the supremacy of the rich Baks. Like most poor people in Derbent Mordechai had nothing, no home of his own, no land and no steady profession. All he had was the power in his hands and a strong spirit. His community lived in «Tange Mahala» (narrow alleys) neighborhood, mostly in rented huts. The huts were built of bricks made from a mixture of straw and clay or from complex of bits of stone. Therefore they were dark without windows and with low ceilings. Because of constant hunger, dirt and lack of sanitary means, there were common serious diseases such as tuberculosis. In order to provide for their families, the mountains Jews worked as employees in the vineyards, fishing and agriculture, but these jobs were usually seasonal and temporary.

Mordechai was poor as everyone else but what sets him apart from others is that he was always walking with his head held high, no-one could make him give up his self-respect. People were told many stories about his strong character, his pride and his independence. Here is one of them:

One of the ancient springs in Derbent was “ Han-Bulach». This spring no longer exists, but at that time it was active and considered the most famous tourist site in the city. One day Mordechai came to the spring and settled on a stone. At the same time the city commissioner, Galamis also arrived, a fat man and very proud. He was accustomed to preferential treatment and responded with over sensitivity to lack of attention to his respected personality. Everyone knew that, so as soon as they saw him they immediately stood up and bowed for the upcoming commissioner. Everyone did that except for Mordechai, he sat down as if he didn't notice the commissioner is coming. When the commissioner saw him sitting on the stone he turned red with anger. He came up to Mordechai and shouted:

– How dare you bustard, not to stand up in honor of me and not bow down?!

– Who do you think you are that I must bow to you? – said Mordechai and continued to sit in his place...

To this day one of Mordechai avshalom's poems is known in the community, unfortunately it wasn't preserved, but the general content is known. This poem he wrote as a message to a Persian Sheikh. At the time the Sheikh of Persia was Nasridin, in order to show off his country's wealth and power he had a harem with 1200 wives.

But Mordechai that didn't have any property except a dagger on his belt and a goat, wrote in his poem to the Sheikh that he, Mordechai, match his strength and in certain situations he even surpasses him.

According to testimonies Mordechai was a tall man (over two meters), with broad shoulders and big cheekbones that gave him a noble looks. Especially amazing were his big arms with broad and heavy palms as if they

were molded from lead. He had a black mustache and beard. And he always made sure they were neat and well kept.

Mordechai was blessed with tremendous physical strength, you couldn't find a stronger man in all of Derbent. It was told that once after torrential rain, on the way back from the vineyards, a transportation cart got stuck in mud. The cart owner did all he could to get it out, he hit his horse very hard but the horse was not able to move the cart from its place. Mordechai that passed by saw the man in distress and decided to help him. He took off his shoes, tied a rope around the cart and the other end around his body, and then he pulled hard until the cart was free. Aside from all that, with his knightly strength he «aided» the rich to fulfill their obligations and to keep the torah. Because according to the laws the rich had to donate to the synagogue in order to help and support the poor. But they didn't seem to hurry up and do that. In these situations Mordechai would go visit them and extract «donation», occasionally without even using his force but only with his mere threatening looks. The donations were divided among the sick, the orphaned and the poor in order to try and ease their lives and save them from hunger. Of course along the way he made enemies no less than friends.

ORDER VIOLATING POLICEMAN

Derbent, as the entire Caucasus region and all of Russia entered a very vague period, the period is characterized by the continuous struggle between the nations and by extreme anti-Semitic outbursts. Sometimes the rage outbursts against the Jews started without any justified reason. There was no-one to help in the matter. Mordechai wanted to help his people very much, at first he tried to do so with his talents as a poet and a singer by writing songs to rally the people and unite them for mutual aid, for example:

Let's abolish the evil and live in peace»
Acceptance and friendship are the pillars of the world».

He performed his songs in public places, squares and markets but couldn't achieve the desired result. Therefore Mordechai who was full of faith in the czar and god, saw the suffering of his people and decided to write a letter to local authorities. But again he didn't get the expected effect. After realizing that writing is meaningless, he decides to join the city police naively believing that law-abiding police uniform will be much more beneficial and will affect the situation. The police received him willingly because they thought such a high police offi-

cer with so strong physical force will be very effective for the local government office. They were wrong! Even in the cop uniform he continued to appear in all the public places, calling to agreement, friendship and mutual aid. This kind of cop did not fit the conventions and worldview of the local government and so, he was ousted very fast.

I saw facial expressions similar to fossils
Like stones that have no life
I would have done my duty like the rest of the officers
If not for those faces.

Epitaph «Stone Face»

MORDECHAI AVSHALOM – SIBERIAN CAPTIVE

Life became even more difficult and the anti-Semitism continued to spread. Mordechai who always wrote in his poems:

«I wish not to hear more groans of suffering», «we are all brothers», «I call you to live in peace».

Begins to realize that the solution to the aggression and cruelty which were directed against them is just by attacking back. It was a start of a new period in his life, characterized by a different worldview, thinking and actions that changed his clothes to prisoner's uniform. According to Mordechai Avshalom's poem, 15 times he was sentenced to hard labor in Siberia, of which 12 times he managed to escape.

It's unknown today if it was Mordechai's imagination or if it's a fact, because this information wasn't kept in the community, just some evidence about his arrests, including his first arrest in which he was first sent to hard labor in Siberia.

It was 70s of the 19th century. Mordechai worked as a guard in a labor camp in Derbent. At the same street where the camp was located were also a number of convenience stores, stalls and three synagogues. Mordechai cared to protect them too so no thief or criminal dared to harm the stores, houses or synagogues in that street. One night when he did his regular tour, he was thinking about his people and his fate, when suddenly he heard a woman screaming and crying for help. It turned out to be a drunken policeman that was trying to rape a young Jewish girl who lived nearby.

The policeman took the opportunity because he knew that the girl lives alone, he was sure that it was an easy prey, who would even come to the rescue of a lonely girl and better yet dare to resist an armed policeman. Although he didn't expect it, there was a person who came to protect the girl. While

Mordechai defended the young girl he didn't realize that he put his own life on the hands of fate. When the policeman saw that he disturbed his actions and disrupts his needs from being fulfilled, he attacked him dazed and angry under the influence of alcohol, and during the fight he found his death on Mordechai's knife. Mordechai hid the body in a warehouse and disappeared from the place. The body was found shortly after and the police began an investigation and searched for the killer in every house, shelter and possible hiding places in the area. They were even in Mordechai's house several times but every time his wife and daughter told them that Mordechai is not present. At that time a new proverb appeared among the people: «gal-git, Mordechai avda uchtur» – «come-go, Mordechai is not at home» this proverb is used when you want to indicate something meaningless or a useless action. Although Mordechai's friends hid him for a long time, the police managed to find him and arrest him because he had many enemies also. Hundreds of people were coming to his temporary detention place in order to encourage him and support him. After that there was a trial. Mordechai admitted that he killed the policeman and tried to prove his innocence and the guilt of the policeman, saying that he tried to rape the girl and tarnish her honor. But the judge ignored Mordechai's words and gave preferential treatment to the words of local rich men who claimed that he is a criminal and a danger to the public. They also said that he used his power in order to take their money and food, kept them in constant fear and came to the defense of the rag wearing people who wander the streets. Of those volunteers witnesses Mordechai wrote:

Rich volunteers, I wish you will be cursed forever
The court didn't accept the truth because they called me a criminal
The prosecutor, the judge and the jury determined that I am a threat
They sentenced me with severe punishment and I was sent to hard labor.

Mordechai was indeed sentenced with extremely severe punishment, he was sent to 15 years of hard labor in Siberia, at that time such punishment was equivalent to death penalty. Despite his courage and bravery he was still afraid of this punishment. He was expected to reach the distant, cold and cruel Siberia, where he will probably have to live the rest of his life without family, relatives and friends. He will live in agony and die far from his homeland Derbent. In one of his poems he wrote:

As soon as my sentencing prescribed, my knees started to shake
There are no words that can describe this horror
This sad letter I send you from the abyss
And you my dear, became miserable.

Mordechai was sent to Siberia on a steamer, the ship was undergoing a regular route which was called «ujnaya- vladimirka»: Baku-Astrakhan-Siberia. This route was used to collect all the south Russia prisoners which were sentenced to hard labor in Siberia. We don't have exact information about the years of his life in Siberia. Only from his poems that he sent we can understand all the suffering he went through and the longing he felt for all he left behind in Derbent. But you can also see from these poems that many years of hard labor didn't break him, the opposites is true, he grew stronger and his passion even more. It's important to note that being far away from his homeland he wrote his best and most successful poems.

Mordechai returned to Derbent in the early 20th century around the year 1903 toward the first revolutionary attempts in Russia. Upon his return the common people met him with glee and cries of joy. The Siberian nickname now became an integral part of his name. When he returned, he limped with his right leg, which was hurt by a fallen log when he worked in chopping wood. In order to facilitate his walking he used a thick metal rod which he used for the rest of his life. People told that the rod was so heavy that a normal person could not even lift it, but for Mordechai it was like an extension of his hand. This rod became a kind of pillar in a border which separates the people he loved from the cruel world around him.

With heartache Mordechai realized that the poverty and the anti-Semitism intensified in the years he was in custody. He could not ignore the fact that a free hand was given to the rich to do as they wish, due to their cooperation with local authorities and their contributions to urban institutions. The rich became richer even more by exploitation and oppression of the lower class. Therefore his rod which he used for walking also became a dangerous weapon. In case he could not be found nearby, he would stuck his rod in the ground as a pointer to the border between Jewish and Muslim regions. People with bad intentions were afraid to approach the rod and cross the border. No-one dared to touch Mordechai's rod until he himself came and took it. To the anti-Semitic rioters the rod symbolized the presence of Mordechai in Derbent and the mountains Jews neighborhood was protected from dangers.

It is told that once when Mordechai returned to Derbent he was furious in sight of the destruction caused by the anti-Semitic vandalism in his neighborhood. He gathered all the young men, ordered them to get armed and led them to the Muslim neighborhood from which the vandals came. When the Jewish group entered to the neighborhood the Muslims began to yell and make fun of them. But when they saw Mordechai walking behind, they all dispersed to their homes, locked the gates and doors, and no-one dared to accept his call to fight him one on one.

DERBENT'S ROBIN HOOD

Mordechai's name became public. The town's poor people were very proud of him and loved him. But most rich people hated him and considered him their enemy. They had reasons for that: many of them were charged with a «fixed penalty». Similar to the famous figure in the Middle Ages in England, Robin Hood, of which Mordechai did not know about. He was taking money and food from the rich and gives to the synagogue to donate to people of modest means, the sick, orphans and all those who needed help. Around the same time, when Mordechai returned from detention, the cantor, Asail Binayev (1882-1958) came to the great synagogue, young and very educated for his age. Despite the age differences and the fact that the rabbi was appointed to his position thanks to his father-in-law, Hanukayev, which was a millionaire at that time. Mordechai and the cantor bonded very quickly. Apparently the young cantor was very interested in Mordechai's unique character which in his eyes was an example of a person who serves his people without expecting anything in return. Some say that the young cantor also went with Mordechai to the rich in order to collect donations from them, and at one point he even appointed Mordechai in charge of the funds of the synagogue. These were the relations between the two according to the version of Hizgil Avshalumov. An event which he described in his articles was saved in the memory of the people. In this event Mordechai levied a tax on a rich man named Elkono, who was particularly mean toward the common people. This incident took place in the courtyard of the synagogue. Mordechai came with a dagger hanging from his belt and his famous pole. After greeting everyone he came to sit down next to Elkono. Everybody was talking when suddenly Elkono jumped up and shouted. No-one could imagine that it was the work of Mordechai who pinched his butt.

– Shut up and listen to me! – Mordechai said menacingly. – Go home and tell your wife to prepare salmon buklame (ethnic food like fish soup) and rice, cut vegetables and bring your best barrel from your wine cellar. The cantor and I will come visit you today.

– My pleasure! – Elkono murmured with concern. – Guests sent to me by god.

– See you talking about the pleasure after the visit. – Continued Mordechai. – You know that Nisono (Passover) is approaching and many families do not have money to buy themselves a loaf of bread not to mention the Matzah, wine and meat. So aside from all the food prepare 300 rubles as a donation to the synagogue which will be divided among all the needy (300 rubles at that time was a lot of money, with such amount you could organize a big wedding).

Often people came to Mordechai for help, since many rich people who hired the common people didn't want to pay them their wages or paid less. There is a story about one of these rich people who owned the orchards,

and was constantly paying less to his workers and not only that but he was also holding their salary, forcing them to humiliate themselves and ask for the money several times. Each time there was a different excuse, he is not at home, he sleeps, he is busy come back later etc.

One of his employees who reached a state of despair turned to Mordechai and asked for help. Mordechai came with him to the rich man's house and in his yard in front of his two wives, children, employees and anyone who was around, slapped him so hard that he flipped over several times in the air. Mordechai forced the rich man to give the employee all he deserves, plus the same amount as compensations for cruelty towards him.

The writer Michael Dadashev described another case in his article, documented in the words of Simon Yusuf. One day when Mordechai was on his way to the famous spring «Mikri bulag» from which the townspeople were drawing water. On the way he met a Jewish girl crying, she answered his questions saying Jewish women are not allowed to draw water from the spring. «No way! Mordechai said angrily – come with me, my daughter». Despite his limp he went up to the spring with the girl. Stuck his pole in the ground, hung his hat and said in a loud voice so everyone can hear: «I want to see the son of a bitch that would interfere with our women drawing water from the spring». Even long after Mordechai's pole wasn't there, no-one dared to prevent Jewish women from drawing water.

It is told that Mordechai helped not only the poor but all Townsfolk. I remember during my youth how from a casual conversation with old Azerbaijani Shoemaker, that his lower limbs were amputated, which worked near theater «Rodina», I discovered how Mordechai helped an Azerbaijani lonely woman and saved her from harassment of offenders. According to the words of the shoemaker he taught them «a lesson» that they didn't soon forget. No doubt that Mordechai had many enemies, but he had also many friends, Jewish, Dargini and Azerbaijani. For example the Lezginian poet, Kazi Kaziev in his story «Kiri Bura» described Mordechai Avshalom – the closest friend of the Lezgins.

One of Mordechai's best friends was Karim Alkafer – Oglu, He also was a strong and brave man who didn't know fear. They had a lot of difficulties together and they were inseparable like two drops of water. Until one day someone «with good intentions» trying to sow discord between them told lies to Karim about Mordechai. The mad Azerbaijani called Mordechai to a duel of daggers. A circle with chalk was drawn. Where the duel was about to take place, they were not allowed to come out from it until one of them would fall dead. In order to determine who will be the first to attack, a coin was tossed, which determined that the first will be Mordechai. After they revealed their daggers they stood and looked at

each other. People from all over came to watch the duel, but it did not start: Mordechai refused to attack first he just stood proudly and waited.

- Strike already, Mordechai! I'm waiting! – Karim Shouted.
- No, you strike first! – Mordechai answered.
- Why me? According to the toss you have to be the first.
- In the name of our friendship and all we went through together I give you the right to strike first. Do not worry, no matter how hard you hit me and even if you wound me, I will manage to protect myself and strike back.

After hearing these words which could have only come from a mouth of a truly brave, strong and noble man, Karim forgot all the insults and anger and threw his dagger, Mordechai did the same. The two shook hands embraced like brothers and remained close friends for the rest of their lives.

EXILE, ESCAPES AND A WAR BETWEEN RUSSIA AND JAPAN

From the moment Mordechai returned from the exile in Siberia the Police received unceasing complaints about him from the city's wealthy accusing him of crimes such as blackmail and threats.

In the spring the trees are filled with flowers.
Their magical smell wraps the city.
In vain the Baks condemn me a criminal.
I'm not a criminal, my soul is clean in God's eyes.

«After the trial»

Even though his life went from one arrest to another and from one exile to another, Mordechai doesn't change. As always he was a guest of honor in all the events and popular festivals, many gathered around to hear him, and he was still a very admirable person to the young generation. He sang his wonderful songs, in his speeches he used many idioms and proverbs, and in the evenings he would tell his tales. Everywhere he becomes the soul of the party. Because he was a child to a poor family he was always pursuing justice, protects and helps the weak.

There is another known case, that once on the way from Derbent to

Baldeji, Mordechai robbed a wagon carrying all the taxes that were collected from the poor. Mordecai took the money and returned it to the people. In his homeland, Derbent, which he did not visit much, people always waited for him and met him with open arms. He was the protector of all but unfortunately he couldn't protect his own family. Disaster strikes him when he discovered that his darling wife, Nerguz, died during a difficult birth. It was very hard for him to overcome this loss and the most difficult for him was the thought that when it happened he was in jail, waiting for his verdict. It is important to note that in his life, Mordechai was married three times, but love songs he wrote only to his first wife, Nerguz.

1905, in an attempt to distract the people from the desire for revolution, the Czar, Nicholas the 2nd started the war with Japan. There was a slaughter on the battle field, every day thousands of people were killed. The Government of Derbent Like other cities, willingly sent all the Rioters into the «grinder», and of course Mordechai was also in that list.

In the cursed day of my recruitment
There were terrible sounds of drums
It is not God that sent us to a death war
The war started by the blood-thirsty ruler

«A letter home from the czar's army»

Mordechai was fortunate, he survived this hell and returned home with the czar's cross (medal of honor for bravery). That cross was kept for many years by his daughter, Zulpo and in our childhood we heard a lot of stories from our parents about this gallantry award.

After he returned from the war, Mordechai married a second time, to a young girl from Guba city. But the peaceful family life did not last long, because he was arrested again and he was expecting judgment, to be deported to Siberia and escape from there yet again. Mordechai was like a bone in the throat of the local authorities, because any time after he was arrested, dozens of people came to the place where he was being held, protested and demanded to set him free. Once in one of the factories Mordechai defended one of the workers who was very brutally beaten, a serious fight developed between him and the police in which Mordecai was wounded 15 times. But the hero

did not give up «are you done?! So, now I will start!» with these words he attacked the officers, killing one policeman and ripping off an arm to another.

Despite being wounded, He was sentenced to exile and hard labor and was sent handcuffed to port-petrovsk. About midway near Izberbash area Mordechai breaks the shackles, wounds the guard and tries to escape, but the escape attempt failed.

Following this offense he was sent from port-petrovsk to Tiflis city, (where the

governor of Caucasus resides) for further investigation. From there he was sent to Irkutsk city (Siberia) through the city Nikolayev.

In another incident, Mordecai killed the two sons of a wealthy Bak for abusing and being cruel to the common people. After the trial and sentencing Mordechai was tied to the pole of the ship that was taking him to the ferry which will pass the familiar track «Baku-Astrakhan-Siberia». During the entire cruise, many boats with people escorted the ship. Mordechai who was strong in spirit as always, improvised songs and recited them to his chaperons. These songs became the most famous and well-known in the community.

Five fingers in my hand, strong fingers,
If I close my hand they become a fist.
This fist to my enemies is like heavy rock,
But for you, my poor friend, it is a shield.

«Praises to my fist»

Being a man of great physical strength and very intelligent, in the exile to Siberia, he was always getting senior positions such as foreman, responsible for the storage and the like. It also gave him the opportunity to survive and help his friends weaker than himself. Therefore in exile he was always surrounded by many friends. Special respect he was getting from prisoners who were exiled for political reasons, thanks to them he was able to overcome serious diseases, scurvy and Typhus.

Both my brother and my sister can't help me.
My friends, the scientists from Russia are taking care of me.
Taking shifts all day and all night.
Spending the night at my bedside without sleep.

«A poem during the illness»

Mordechai Avshalom is a wonderful person. The many stories about him -they are plots prepared for adventure novels or detective stories.

And here's one of them: In one of the times that he was tried and sent to Siberia, His hand and legs were cuffed while being brought to the ship which led all the prisoners. They put him in one of the cells inside the ship. Suddenly after a short time the ship began to sink from an unknown reason. Mordechai was probably the only one who didn't lose his temper and control of the

situation. Even while he was handcuffed he managed to break a window and jump out. He survived for two days by holding on to a barrel that fell off the boat when the rest of the people, prisoners, guards and sailors drowned with the ship. But unfortunately he did not get a taste of freedom because in the beaches of the Caspian Sea the police were already waiting.

In exile Mordechai develops a relationship with a Russian woman who also was sent to Siberia because of certain offenses. But as soon as he discovered that the woman was unfaithful to him, he did not tolerate cheating, especially from a close person, he hit her hard and makes another escape...

MORDECHAI ABSALOM AND THE OCTOBER REVOLUTION

Since his first arrest and until the years 1917-1918, Mordechai had rarely been able to return to live in his home town, Derbent. The war between Russia and Japan, arrests, deportations... And if he did manage to reach Derbent, often he was being chased by the law after another escape. The way he wrote in one of his poems: «The peaceful days seem only as imagination.» This situation continued until the establishment of Soviet rule in Derbent.

He reached his city again in 1919 during the civil war and coup attempts, Mordechai actually get all this in a very optimistic way. His town is at war again but this is a good war, a fight for the establishment of a new government, the rule of the people, it was his constant war. And he was no longer young, tired of hard labor in exile and hounded by the police, feels young again and joins the struggle against the enemy, to yet again mark his name in the history of his people. It can't be said that Mordechai is a revolutionist in every sense of the word, but he would not stand aside inactive in the fight that was occurring. Mesmerized by the hope and faith for a better life he becomes very active, speaking in town squares, calling the people to unite and fight to form the new government. It's hard to recognize him, so full of energy and optimism just as he was when he was younger.

Turn your faces to the fight, the great fight
Be brave and trample the enemy
We the Caucasians will bring the victory closer
In the struggle for the rule of the people.
«From a speech to the Red Army before the war»

But the new regime smashed all of his wishes and even worsened the situation of the people. The best example of this was the starvation in the years 1920-1930. From the memories of the poet Mishi Bachshiyev it shows that in 1922 Derbent was in hunger and poverty. Mordechai's family, like most families was very poor and needy. At the end of the summer when all the crop fields have been collected, Yusuf Bachshiyev, who was Mordechai's friend and father to Mishi Bachshiyev, offered to go to Moshgiyor (village) to collect all the leftovers from the fields. In those years many single women, orphans and people in need were used in doing that. The two Friends set off with Mishi who was a teenager at the time. When the people of Moshgiyor saw that among the people who arrived was the legendary Mordechai himself they didn't allow them to work under the scorching sun. They put Mordechai under a shade to rest and invited him and his friends to stay with them, and thus they moved from house to house. In meals, the hosts wanted to please Mordechai and get his spirit up so they recited his poems and in every way showed him how happy and proud they are that a respectable person like him came to visit. Mordechai was very happy and endlessly thanked the hosts. Of course they did not send him home empty-handed, the Moshgiyor people gave him and all his friends sacks of excellent wheat flour.

It was not the only case, it is told that once, in order to support his family, Mordechai and his friends traveled to Chodot city (now the territory of Azerbaijan) to work as employees in agriculture for an Azerbaijani landowner. Everyone started work in the field but Mordechai was forbidden to work, the hirer put him under shade and honored him as a guest of honor. When his friends finished working, the hirer has paid them generously and gave them a cart full of wheat, and even added a meaty lamb.

Get this dear! It's from the heart!

- Why do I deserve all this? – Mordechai asked surprisingly
- What, did you not recognize me? It is me, Abbas! Have you forgotten how you saved me from death in Siberia?
- Excuse me my friend, I did not recognize you, Mordechai answered uncomfortably.
- Now my home is your home, said the owner and hugged Mordechai, you are always welcome here, come whenever you like.

IF I FORGET THEE O JERUSALEM...

Mordechai Avshalom's life history was saturated with tales, but the fact that he visited Jerusalem is not a tale but the gospel truth. The image displayed here was kept for many years and has maintained from generation to generation

in a family of Mountains Jews who lived in Israel since the 19th century. Descendants of this family now live in a kibbutz not far from Kfar Saba, and they are the ones who handed me this picture 16 years ago. The most logical explanation is that the picture was made in Israel, because it is very difficult to imagine that Mordechai who was exiled to Siberia, escaped from there, made the long and arduous journey to Israel, has managed to keep the picture and leave it to someone as a souvenir. And besides, this picture was never seen in Derbent. Mordechai was in Israel even twice. The first time, he fled to Israel when he fled the Czar's police. We have no way of knowing in what ways he was able to come to Israel but there are evidence to his visit, he made contacts with Mountains Jews families, which at that time were already living in Jerusalem.

B. B Manoach in his book «Prisoners of Salmanasar» (published in Israel in 1984), on page 141 based on reliable sources writes: «We know that Mordechai son of Avshalom Derbendi and Yedidya son of Reuven Z'argskyi were exiled to Siberia. In Israel we learned that these brave men escaped from Siberia and came to Israel. In February after the revolution, Mordechai returned Derbent».

On the second time, he came to Israel for a specific purpose – he brings the mountains Jews donations from their brothers in Derbent. But as the first time, the second time Mordechai could not dwell in the Holy Land. He misses his hometown, his family and close friends. It's Stronger than him, so every time he goes back home.

In the ancient country of our ancestors.
I filled my lungs with air and came to life.
But the high mountains and my birthplace Derbent,
Come to mind constantly.

MORDECHAI'S DEATH

*Our hero Mordechai was poisoned by an enemy «during» a Jewish wedding.
The folk hero was murdered deceitfully and to this prison he will not return.
Cursed be the killer eternally and may the glory of the hero will be saved in our
memories forever.
S. Shalumov*

One evening in August 1925 at the wedding of a mountains Jews family Mordechai was poisoned. Sad news of the death of the popular protector immediately spread among the people. Also the name of the murderer quickly reached their ears.

Now, these days, it's unlikely to re-articulate the name of the villain... It's no difference...

Mordechai Avshalom was buried on a bright day. The entire city accompanied him on his last path. The stretcher with his body were carried by his closest friends – the cooper and and poet, Shaul Simando, the storyteller and singer Hizgeo Amin Dadashiev, Yusuf Bachshiyev and the Azerbaijani Karim Oglu.

In those years, Imrom Nachshunov was considered the best reciter of Mordechai's songs. When the funeral procession left the city and went through the fields, Imrom, which went along with all the mourners suddenly began to sing against all laws of Jewish tradition:

On top of the city the white castle is carried
Its walls go down to the heart of the city
Iron gates and magnificent minaret –
Send me a blessing, my hometown Derbent

Mountains covered with spring flowers
Hills painted in rainbow colors
But those without spring at heart are colorblind to this beauty
Send me a blessing, dear mountains.

Sunset sun lit the valley
Covered the vineyards with a blanket of shadows
Now our souls are also separated
Send me a blessing, my beloved dear.

Mountains covered with morning dew
Flowers decorated with rain drops
Now that my soul left my body
Send me a blessing, my mother

I, Mordechai open my heart to you
Many troubles and difficulties surrounded me
Together with you I overcame the obstacles of life
So send me a blessing, my close friends.

Some say that when he was buried, out of clear sky and white clouds it suddenly started to rain. His good friend Shaul Simandu lifted his head up

looking at the bright sky wiped his tears and said: «even the sky mourn Mordechai».

Thus came the end of the life of one of our heroes – the son of our people. He is buried in the old Jewish cemetery in Derbent and his name has become a symbol of love for his people, honesty, self-sacrifice and love of justice.

HIS WEAPONS WERE A PEN AND A KNIFE

Mordechai Avshalom Siberian's creations were a milestone in the entire written culture of the Caucasus Jews. He played a very important role in the literature development of the Mountains Jews. The combinations he made in his songs between the ethnic tradition and the general lines in the Caucasus culture created examples of works of high culture for that period.

G.B. Musachanova Dr literature, a very famous Philologist in Dagestan wrote in her records: «Mordechai Avshalom's poems were written in the traditional Azerbaijani style named «Goshma» where in all the verses the three first lines rhymes and fourth line repeats itself and never rhymes with the other lines in the verse. All his songs combined describe his bitter fate, his concerns as a prisoner, longing for his relatives and to his homeland and mourning the sorrowful state. His songs were full of psychological and lyrical content».

In Mordechai's works you can specify a number of constant issues: Social injustice, his love for his first wife Nerguz, his love to his hometown Derbent and another issue which appeared after the period of the revolution. He began writing songs with political content in which he even exceeded from his typical writing style «Goshma» and each song like that seemed more like a manifest. Here you can see the transformation of Mordechai, he was devising a clear world view and his credo. In these Creations you can see the influence of Russian political prisoners whom Mordechai came in contact with when he was in detention in Siberia.

«From a speech to the Red Army before the war»

We will lift our spirits and go into battle
And fiercely fight the enemy
We have made a brothers pact and fight with the force of our spirits
Jews, Abratzies, Lezginies, Gadg'aries.

THE POET-REBEL MORDECHAI AVSHALOM SIBERIAN 1860-1925

Without exaggeration we can say that Mordecai was a phenomenon, a social, a cultural and a political one. He is one of the founders of the Mountains Jews culture. Because of lack of education and apathy on the one hand and jealousy and greed on the other hand, the great poet's name was erased from history many decades. But as M. Bulgakov said in his book. «Journals do not burn.» And that's the truth. Mordechai's Journals «didn't burn,» his name is not forgotten, he is recognized and adored not only by his own people. His name is mentioned in many encyclopedias such as short Jewish Encyclopedia written in Russian, published in 1982 and distributed in Israel and the USA. The Russian Jewish Encyclopedia, published in 1995 and many other books. They are still writing about Mordechai Avshalom, will continue writing about him and this has been inevitable.

HIS WEAPONS WERE A PEN AND A KNIFE

225

MORDECHAI THE DECENT

FOLK LEGEND

Once upon a time there was a poor man and he had three boys. The children were small and he didn't have means to raise them. One day when the family was left without food except some bran, the poor man said to his wife:

I am going to seek employment. If I will survive, I will come back home and hug you. But if I won't then this is my fate. In the meantime you Bake bran pancakes and feed the children.

So she did, she baked bran pancakes, some gave to her husband and with the rest fed her children. The poor man hugged his wife, kissed the boys and went off. Shortly he was on his way to Derbent city. The days were cold and he had no shoes nor a hat, the only thing he was wearing was a torn robe. A while later he finally reached the city walls. He tried to open the gate but it froze because of the cold. So he decided to go to the nearby neighborhood.

At that time in Derbent lived a rich man, Bak (title) Abdullah, and the poor man found himself standing in front of his house. He looked at the Bak's porch and he witnessed the following scene: Abdullah is sitting at the porch with his wife, on the table a steaming hot stew of rice and meat, bottles of wine and also arak. Everything the lord wanted was brought by his servants. The poor man was very hungry so he took out his bran pancake and began eating it like it was one of the delicacies from the Bak's table. Suddenly the rich lord noticed the poor man and he said to his wife:

Do you see this barefooted man? If I want, I can kill him. We should watch out from those who wear rags.

Abdullah ordered his servants to bring the poor man to the house.

Why aren't you wearing shoes in such a cold day? Abdullah asked.

I have three hungry children at home, so I came to seek help from respectable people like you. – The Poor man replied and bowed.

Stay away from me, you stink, said Abdullah. I have a suggestion for you. You will go to the sea and enter the water up to your neck, should you survive until the morning, I will give you 100 coins. And if you die, you die. Do you accept?

The poor man thought a little bit and agreed.

O.k. I am ready, but first let's sign a contract.

They drafted a contract, both signed it and the Bak's servants led him to the sea. The cold was unbearable, his feet stuck to the snow but the poor man continued to walk barefooted and without a hat. He walks and thinks: «if I will sur-

vive, I'll take the 100 coins, go back home and buy everything for my children». Eventually they reached the shore.

Enter the water! – The servants said to the poor man.

The poor man took off his clothes and entered the water up to his neck.

The Bak's servants were running on the shore while pushing each other in order to get warmer. Abdullah forbade them to light a fire, lest the poor man in the water might get warmer too. The servants drank arak but it didn't help. If they were cold, can you imagine the poor man's condition in the freezing water?

He bounced from one foot to the other, rubbed his body and whispered: «fire! Fire!» the time went slowly and felt like eternity. Before sunrise, he was so cold that he almost gave his soul back to god. Not far from the shore was a fisher man's house. Before sunrise his wife got up and lit an oil-lamp. Their house was visible from the sea, and the poor man could see the light of the oil-lamp through the window. He reached out his hand towards the light and shouted:

«Fire!»

The Bak's servants saw it and asked: «what are you doing?»

Warming up! – The poor man replied.

The servants wanted to laugh on the poor man's nonsense but couldn't due to the fact that the cold glued their lips together. Meanwhile the first light was seen. The poor man asked the servants in joy:

Can I come out?

No, stay a bit longer. You can come out only after the sun rises, otherwise the Bak will be angry.

Finally when the morning arrived and there was day light. The servants let the poor man out of the water. The poor man got out from the water and his body immediately was covered with ice. He wrapped himself with his torn robe and ran quickly to Abdullah's house. He knocked on the window and waited for a reply. At the same time Abdullah was eating his breakfast. When he heard the knocks, he called one of his servants and said:

Go see who is there, if he is well dressed you are allowed to let him in, if not, banish him. He commanded.

The servant faced the gate and asked:

Who is there?

Me, the poor man whom the Bak sent to the sea for the night. I stayed in the water until the morning and now I am here to collect the 100 coins that I was promised.

The servant reports it to Abdullah.

How the hell did he manage to survive in this cold! – shouted Abdullah.

But they signed a contract, and the Bak was obligated to give the 100 coins. But he was very cheap and didn't want to part from his money.

I would rather kill him, than give him the money. – Abdullah said to his wife.

He called the poor man and said:

I can't believe that you managed to stay in the water all night in this cold. Admit to how you succeeded in deceiving my servants. If you won't tell me the truth – I will decapitate you.

– call your servants, ask them! – shouted the poor man.

They didn't take their eyes off of me!

Bak Abdullah called his servants and asked them:

How did he manage to survive? Tell me! Did he deceive you?

The servants told the Bak everything as it was, but he continued to yell:

He deceived you!

Then one of the servants said:

In the morning, an oil-lamp was lit in one of the houses, the light from it came to the sea. And I saw how the poor man reached his arms to the light and whispered: «fire! Fire!» but he didn't get out of the water, that's for sure, we saw that with our own eyes.

The other servant also said:

Yes, yes I saw that too.

Then Bak Abdullah shouted at the poor man:

Apparently you have been warmed from the fire! And you ask for money? What a fraud you are! Get out liar. Otherwise I will decapitate you!

What could the poor man do? He had no choice but to leave. For no contract nor god have meaning for people like Bak Abdullah. They rule and the poor suffer in silence.

From Abdullah's house the poor man went to the mayor. The mayor listened to his story and said:

Abdullah is absolutely right. After all you have agreed that you are not allowed to get warmed by anything. You lied to him, and got warmed up by the oil-lamp. and so I can't help you in this case.

The poor man tried to justify himself but the mayor threw him out.

The poor man walked down to the Jewish neighborhood and ran into Mordechai Avshalom. This man was feared by all, the rich, Bak and even the mayor. No-one dared to start an argument with him. And he wasn't afraid of anybody. It's important to say that Mordechai was decent in everything and always. And so when he saw the poor barefooted man, he asked him:

What happened to you? You are so pale, you look like a dead man walking.

The poor man told him everything that had happened to him. After hearing the man Mordechai Avshalom invited him to his home, gave him dry clothes, sat him by the fire and asked his wife to feed the guest and bring him a cup of hot tea. Meanwhile, he sent children with letters to the Bak and the mayor.

And the letters read: «I invite you to my home, there is a matter to attend to. If you will not accept, I will be very much offended». The Bak and the mayor received the letters and after reading them they went to Mordechai's house at once.

So, what is the matter now?! Well?? The mayor shouted before he even entered the door.

First of all sit down and enjoy some pilaf (stew of rice and meat) – answered Mordechai.

The mayor and the Bak sat down and waited. The host and the guests sat there in silence for a long time.

So, where is your pilaf, is it still not ready? – said the hungry guests.

Mordechai said:

Let's send the Bak to the other room to check if the pilaf is ready.

When the Bak went to the other room he saw that instead of firewood in the oven, there was a lit oil-lamp and the cooking pot with the pilaf was resting in the corner of the room. He went back to Mordechai and said with amazement:

Hey Mordechai, the cooking pot is on one side the room and in the oven there is an oil-lamp instead of firewood.

If this is the way you cook the pilaf, it will not be ready until the day we die! – shouted the mayor. Then Mordechai said:

I believe that even after your dying day it will not be ready.

The Bak and the mayor looked at each other while Mordechai continued speaking.

If the rice in the corner cannot be cooked by the oil-lamp that is in the oven, then how could the poor man be warmed by the oil-lamp that he saw in the window?

The Bak and the mayor were silent, what could they possibly have to say? Of course if it was someone else, they would find something to say, but in this case...

Answer me! Said Mordechai in anger.

They had no choice but to agree with him.

And so Mordechai said:

Therefore by the contract Bak Abdullah owes the poor man 100 coins and 100 more coins as a compensation for the lie.

The Bak objected but Mordechai warned him:

Dare to say no, and you will regret it.

The Bak didn't want to give the poor man 200 coins but he had no way to avoid it. The cheap Bak knew that Mordechai will not tolerate injustice.

That's how the poor man got his money, said thanks to Mordechai and hurried back home. The cheap Bak and the mayor who supported him, they also went home, angry and cursing Mordechai. May all the curses they spoke will find their way to the cursers themselves and all our enemies, and may Mordechai and us be surrounded by blessings and happiness forever.

CONTENTS

Letter – Comments on the publication of the first edition and congratulations on the second edition by G.B. Musahanova Dr literature (summary)	182
Instead of prologue	188
Derbent 19th century. Historical Chronology	205
Mountains Jews	207
The legendary Mordechai Avshalom Siberian	208
Order violating policeman	210
Mordechai Avshalom – Siberian captive	211
Derbent's Robin Hood	214
Exile, escapes and a war between Russia and Japan	216
Mordechai Absalom and the October Revolution	219
If I forget thee O Jerusalem... ..	220
Mordechai's death.....	221
His weapons were a pen and a knife	224
Mordechai the Decent (folk legend)	226

שלום שלומוב

מרדכי אבשלום סיבירי 1860-1925

רודף צדק, מרדן, מגן על העם,
משורר דגול של היהדות ההררית

שירים, דקלומים, שבחים ואפיטפים

ישראל - 2013

שלומוב שלום

מרדכי אובשולום סיבירי משורר מרדן 1860-1925

מהדורה שנייה, מעודכנת

שירה, שירים, תהילות

עורכת – קוזאקוב מרגריטה

צייר – שלומוב שלום

עיצוב ועימוד – אלדר אלייב

עריכה כללית – בית ההוצאה לאור «מירוורי»

מנהל פרויקט – יהונתן מישייב

אושר להדפסה ב- 05.02.2013

פורמט חצי שמינית

הדפסת אופסט 70x100/16

גופן Times

גיליונות בספר – 21.29

בית ההוצאה לאור «מירוורי»

מארכת: רח. ברנר 10, נתניה, ישראל

כתובת למכתבים: נתניה, 42102, ת.ד. 359

טל: 8870811-09, 8840855-09 ; פל: 7766822-054

דואר אלקטרוני: joni-m@013.net

© בית ההוצאה לאור «מירוורי», 2013

© שלומוב שלום, 2013

תוכן העניינים

מכתב – תגובה על ההוצאה לאור של המהדורה הראשונה ואיחולים	
למהדורה השנייה של ג.ב. מוסחנובה ד"ר לספרות (תקציר)	4
במקום פרולוג...	8
דרבנט המאה ה-19. כרונולוגיה היסטורית	21
יהודים הרריים	22
מרדכי אבשלום סיבירי האגדי	23
שוטר- מפר הסדר	25
מרדכי אבשלום שבוי סיבירי	26
רובין הוד מדרבנט	28
הגליות, בריחות ומלחמה בין רוסיה ליפן	31
מרדכי אבשלום ומהפכת אוקטובר	33
אם אשכחך ירושלים...	34
מותו של מרדכי	35
כלי הנשק שלו היו הפגיון והעט	36
מרדכי ההגון- אגדה עממית	37

מכתב – תגובה על ההוצאה לאור של המהדורה הראשונה ואיחולים למהדורה השנייה של ג.ב. מוסחנובה ד"ר לספרות (תקציר)

שלום היקר!

חייבת להודות, היה לי קשה לקרוא את ספרך. הקושי הלא צפוי נבע מהביטויים האמוציונאליים הרבים בהם השתמשת. קודם כל אני משתתפת בצערך על האובדן הקשה. מאחלת לך שישמור אותך האל ועוד שנים ארוכות של כתיבת יצירות שתקדיש לזכרך בנך ז"ל.

ועל ספרך הקיים אני מוסרת לך אין ספור תודות. מבחינתי הוא מהווה חידוש בתרבות שלנו. זהו תחקיר מעניין המדגיש את כל השתלשלות חייו עם כל הקשיים והסיבוכים אליהם נקלע מרדכי אבשלום, משורר, גיבור, מרדן, שנאבק על זכויות עמו. חייבת לציין כי הופתעתי לטובה מהתחקיר המעמיק שעשית בנושא. עבודתך נבדלת מכל מה שקראתי עד כה, היא מאוד בולטת במיוחד לאור העובדה שהיא הייתה משוחררת מחסכים האופייניים לעמנו. סגנון הכתיבה שלך היה חדש לי, שעד כה נכתבו רק תיאורים ביוגרפיים סטנדרטים על חייהם של אישים בעלי משמעות בעם.

מכל העבודות שאי פעם קראתי שעסקו באישיות דגולה, הייתי מציינת רק את ספרו של אמלדן קוקולו, שיצא לאור בשנת 1995 במוסקבה אשר תוכנו מצטלב עם ספרך. זכור לי שבפגישתי עם אמלדן קוקולו במוסקבה הוא סיפר לי על הנסיעה שלו לדרבנט על מנת לערוך שם מחקר ולאסוף עובדות. הוא סיפר לי בהתפלאות על כך שבדרבנט גם היום זוכרים ואוהבים את המשורר הדגול שלהם. אני מאמינה שהכרות שלך עם אמלדן קוקולו במוסקבה ליד חנות הספרים, וזה שבארץ ישראל הגיע לידך תמונתו המקורית של מרדכי זה מעשה ידי אלוהים. לא לשווא אומרים המחפש תמיד מוצא.

מאוד מצא חן בעיני שצינת לשבח את עבודתו של אמלדן קוקולו, תחקירו המעמיק שערך ורישום יצירותיו של המשורר האהוד ודאג להוציאם לאור. ספרך אשר ראה אור 15 שנה מאוחר יותר מספרו, כתוב ברמה אחרת. מתחילת עבודתך ועד סופה אתה מחזיק את הרף שהצבת וההוכחה לכך היא הויכוח שניהלת עם שתי «מומחי ספרות» כפי שקראת להם (שדרך אגב מאוד קלים לזיהוי). למרות שהיית מאוד מאופק בדברך הצלחת להעביר את המסר שמאוד העשיר את עבודתך.

עובדות החיים שצינת מחיי המשורר, הממצאים המשכנעים שלך אשר מפריכים את דבריהם של «מומחי הספרות», מבנה הספר, מציאת מקורות נוספים שלא התגלו עד כה, הסגנון הייחודי של הכתיבה שלך שלא לדבר על העיצוב המדהים של הספר בשלמותו – כל אלו מצביעים על כך שכיום לא קיים אדם נוסף המכיר טוב יותר את היסטוריית חייו של המשורר שנחשב לאבי

הספרות של היהודים ההרריים בסוף המאה ה-19 ותחילת המאה ה-20. אתה הצלחת לספר בצורה מאוד מרגשת על גורלו הטרגי של המשורר ויחד עם זאת על גבורתו ואצילותו תוך הדגשת דקויות חשובות. בצער רב אתה מספר על כך שלא נשמרו כל כתבי העט שלו ושקיימים חוסרים בביוגרפיה שלו בהעדר תיעוד. אך למרות כל זאת הצלחת ליצור את

הדמות בשלמותה, גיבור אמיתי, בן אדם אצילי שיצירותיו עוברות מדור לדור בעמנו כבר כמעט 150 שנה. כוחו הנפשי והפיזי, נאמנותו לעמו ואהבתו לאשתו נירגז, לה הוא כתב מכתבי אהבה, עזרו לו לשרוד את ההגלות לסיביר, לברוח משם מספר פעמים (מכאן כינויו סיבירי) ובשנת 1919 לקחת חלק במאבק לשלטון העם (כך בכל מקרה חשבנו). קשה מאוד לעכל את העובדה שדווקא בתקופה שהוא מצא את שלוותו הוא נרצח בידי בוגד.

בכל חלקיו של הספר מורגש הסגנון הייחודי שלך. אך אציין את פנינת הספר – אוסף היצירות של מרדכי אבשלום נאספו בתקופות שונות ע"י מעריצים של כישרונו, הכותבים המפורסמים שלנו בדורות שונים: דניאל אטנילוב (1915-1968), אמלדן קוקולו (1937-2000), בוריס גברילוב (1908-1961), סימון יוסופוב (1914-1985). זיכרונם לברכה! ובפניך אני מורידה את הכובע! החלק הזה של הספר שוב חיזק את השוני בחשיבות החיים והמוות של המשורר המפורסם שלנו בשבילך לעומת שני «המומחים»! אתה שואף להגיע ליסוד, לחשוף את האמת על חייו ומותו של המשורר הדגול, הכי חשוב – תשתדל לאסוף וללקט יחד כמה שיותר יצירות שלו על מנת להציג את עבודתו במלואה! והם שאפו להשאיר את חותמם בהיסטוריה כחוקרים ראשונים של חייו של המשורר המפורסם שעד היום העם לא איבד בו עניין.

לא עלתה לך אף פעם השאלה למה המבוגר שבין «המומחים» מעולם לא פרסם את יצירותיו של מרדכי שהצליח לאסוף בתקופה שעבד אצלנו במכון למחקר? כמו שעשה זאת דניאל אטנילוב כאשר חזר מהמלחמה.

התגלתה עמדה מעניינת שלו בספרו «פולקלור טאטי» שיצא לאור במכון המחקר שלנו בשנת 1940. בספר 193 עמודים. תחילה יש הקדמה מאוד ארוכה של חיזגיל אבשלומוב, לאחר מכן חלק גדול של אגדות עממיות, שירי ערס, ניבים ופתגמים וגם ברכות אזרבייג'ניות הרווחות בעמנו. בסוף הספר ניתן לראות 13 בתים שכיום ידועים בתור השיר «לפני המשפט» ואחרי זה עוד שני בתים באותו הנושא. היצירה נכתבה ללא שם וללא כל מידע על המשורר. גם בהקדמה הרחבה בה חיזגיל מציג את התקציר של הספר ומידע מלא על התוכן שלו ועל הסופרים והמשוררים המוזכרים בו, מרדכי אינו מוזכר כלל. רק בעמוד 193 (העמוד האחרון) יש משפט סתמי שנשמע כך: אגדות, שירי ערס, שירים של מרדכי וברכות שנאספו ונרשמו ע"י מ. דאדאשב וח. אבשלומוב.

יש פה ניסיון ברור להסתיר את הקשר שלו למשורר למרות שהוא הכיר את יצירותיו וידע אותם בעל פה, זה התגלה לי כאשר הייתי אצלו בבית באמצע שנות ה-70 והוא כל הערב דקלם את שיריו בהתלהבות. באותה תקופה הייתי ביחסי חברות מאוד קרובים איתו ועם אשתו, אך בגלל שהוא התחיל לזייף ולעוות עובדות היסטוריות של עמו הסתכסכתי איתו והקשר שלנו נותק.

בעבודה שלך התגלה לא רק כישרונך כחוקר העומד בכל הקריטריונים של שיטות מחקר מודרניות, אלא גם אישיותך הרב גווני ומאוד יצירתי. מה שהיה בשבילי הפתעה מאוד נעימה. אתה מראה את עצמך לא רק כחוקר רציני וכמתרגם מוצלח של שירי המשורר, אלא גם כמאייר וצייר מאוד כישרוני. התצלומים המצורפים בסוף הספר מראים את רב גוניות שיש בך ואת השוני בסגנונות של העבודות שלך. יש תמונות בסגנון הקלאסי ותמונות בסגנון יותר מודרני עם תערובת צבעים שלא עוברת את גבולות הטעם הטוב, לעומת אמנים מסוימים שהיצירות שלהם נראות חסרות הגיון בריא. לעיתים לא ניתן להבין למה התכוון האומן בערבוב הצבעים בתמונה, אבל אצלך הכול ברור אפילו בציורים המתארים עלילה מתחכמת שבחלקם ניתן לראות כי נעשו עם חוש הומור. היצירות הסאטיריות שלך מאוד מעניינות,

התרשמתי לטובה גם מהשלטים שלך והעבודות שנעשו על בד משי שזו אומנות חדשה בשבילי שבטח דורשת המון ריכוז, מומחיות וסבלנות. הביוגרפיה שלך המצורפת בסוף הספר מאוד עוזרת להכיר אותך, לדעת את השתלשלות חיך אשר מסייעת להבנת היצירות שלך. עמוד השער מעוצב נהדר, עם ברכות ברוסית ועברית הנמצאים במרכזה של סמל יהודי-חמסה. בעיני זה טוב מאוד שאתה משתמש במונח ג'והורי כאשר אתה מספר על השפה בה כתב מרדכי אבשלום. המונח ג'והורי באמת נכנס למדע המודרני כהגדרת השפה של היהודים ההרריים, כמו המונח אידיש המגדיר את השפה של היהודי אירופה והמונח לדינו המגדיר את השפה של יהודי ספרד. כל המונחים מהווים שמות שונים «לשפה היהודית» בה מדברים במדינה זו או אחרת. האלף-בית של השפה העברית העתיקה בו השתמשו המשוררים הראשונים שלנו, מרדכי אבשלום ושאל סימנדו, נשאר ללא הגדרה. שני המשוררים כתבו בדיאלקט אזרבייג'אני-דרבנטי, אשר מאוד שונה מהשפה של הספרות הגבוהה באזרבייג'אן עצמה, שייסד אותה מתחיל דרך נוסף בספרות, מוחמד פיזולי הדגול (1494-1556). משורר מפורסם נוסף שייצג את דרום אזרבייג'אן «אחיהם הבכור» של המשוררים שלנו, גאסאן אלקדרי הלסגיני (1834-1910). שהיה מומחה בתרבות הכתובה בשפה הערבית וכתב יצירות בשפה זו. את ספר ההיסטוריה שלו «אסארי דגאסטון» כתב בדיאלקט אזרבייג'אני, הדומה לדיאלקט של המשוררים שלנו. באותה תקופה למרות שהיצירות של המשוררים שלנו נכתבו בדיאלקט אזרבייג'אני, בדומה ליצירותיו של סולימן סטאלסקי, הם אינם נכללו בין יצירות הספרות של אזרבייג'אן.

שני המשוררים שלנו כתבו בסגנון «שירה אשוגית», הם חיו בדרבנט אבל ביצירות שלהם ניתן לראות את המאורעות שהתחוללו בקווקז בפרט ורוסיה בכלל בסוף המאה ה-19 ותחילת המאה ה-20. עכשיו הבנתי למה בספרך כאשר העלית את הסוגיה של השפה, לא הרחבת את הדיון עליה. עקב העדרם של כתבי יד מקוריים של מרדכי, לא יכולת להמשיך ולהעמיק בנושא זה.

בהסתמך על כתבי העט של שאל סימנדו ניתן להסיק כי שני המשוררים שלנו כתבו את היצירות שלהם בכתב עברי עתיק. הם תיעדו את היצירות שלהם להבדיל מהמשורר הלסגיני, סולימן סטאלסקי שהיה אנאלפביתי, שבכל זאת נהיה מאוד מפורסם בעקבות כנס המשוררים של כל ברית המועצות שנערך בשנת 1934 במוסקבה, בו הוא זכה להערכה רבה. הוא זכה לתהילה הרבה בזכות תמיכתו של יור מפלגה קומוניסטית בדאגסטון, קרמסוב. המשוררים שלנו לא קיבלו תמיכה כזאת. יותר מזה באסופה «משוררים טאטים» שיצא לאור לקראת הכנס של המשוררים ב-1934, מנהיג קהילת היהודים ההרריים בהקדמה הארוכה שלו התייחס אליהם רק במשפט אחד. במשפט זה הוא ביטל את חשיבותם כמשוררים גדולים בעם ושייך אותם לתחום הפולקלור. באותו זמן מרדכי אבשלום לא היה בחיים ושאל סימנדו כנראה לא הצליח להיאבק למען הצדק, עם עמדתו של המנהיג. אולי זה יכול להיות ההסבר לחששות שהיו לעורך של הספר «פלקלור טאטי» שהזכרתי קודם.

המשוררים הראשונים שלנו והאמנים האחרים שחיו בתקופתם, הם האוצר הלאומי שלנו! בעלי כישרונות רבים ומגוונים! שמותיהם קדושים עבורי! תקופתם הייתה תקופת פריחה ושגשוג של התרבות הכתובה. מאוחר יותר שמותיהם נמחקו מהיסטוריה ואת מקומם תפסו משוררים בעלי אופי כתיבה פוליטי-קומוניסטי אשר שיבחו ורוממו את השלטונות.

אני מסכימה עם ההשוואה שעשית בין הספרות שלנו לספרות של שאר עמי דאגסטון ששימרו והצליחו למנות את שמותיהם של המשוררים הראשונים שלהם. אבל ספרך איננו מוכר בעולם המדע של דאגסטון, אתה צריך לדאוג לכך שהוא יהיה נגיש גם למדע

שלנו. במכון למחקר שלנו כיום נערך פרויקט גדול בחקר כל השפות בדאגסטן, גם אלו שאין להם שפה כתובה. השפה שלנו שנכללת בין חמשת השפות הראשונות שהועלו בכתב, נשארה מחוץ למחקר. על מנת להבין את השקפת עולמו של המנהיג אשר פסל את מרדכי אבשלום ושאל סימנודו מהספרות, ניתן להציג כדוגמא את תגובתו לשירי האהבה שפורסמו בעיתון «זחמתכש» בשנת 1933. בה הוא טען כי הפואטיקה הזאת «מסיחה את דעתם של האיכרים מעבודת החקלאות שלהם». בדומה אליו, כך גם הגיב מנהיג היהודים ההרריים באזרבייג'ן. אשר ביקר את המשוררים הצעירים מדרבנט, שפרסמו את היצירות שלהם תחת שם בדוי, בביקורת טען שלדעתו הם חסרי אידיאולוגיה.

למרות הכול, גם על רקע רדיפות פוליטיות והעדר חופש הביטוי השירים מלאי רגשות ושוחרי החירות של מרדכי אבשלום עדיין המשיכו לחיות בעם. על כך מעידים הרישומים הרבים של השירים שלו שערך אמלדן קולוקו ב-1965 בדרבנט. הרישומים הגיעו לידי רק בשנות ה-90 לכן אני אומרת וחוזרת, כל מה שיוצא לאור אצלכם (בישראל), תשלחו לכאן כדי שהיו מוכרים גם לאנשי מדע בדגסטן. היהודים ההרריים מאזרבייג'ן שכיום חיים בישראל מקיימים יחסי תרבות אינטנסיביים יותר עם ארצם מאשר היהודים ההרריים יוצאי דאגסטן. זה מובן מכיוון שבאזרבייג'ן גם השלטון וגם האזרחים מתנהגים אחרת מאשר אצלנו בדאגסטן. אצלנו בדאגסטן עדיין שולטת קבוצת אנשים שעשו קריירה בסילוף ההיסטוריה ומגייסת אליה משתפי פעולה. ישנה הרגשה שהרשויות נתנו לקבוצה זו יד חופשית לעשות עם ההיסטוריה של עמו מה שעולה ברוחה והורידו מעצמם כל אחריות בנושא.

אני מבינה את כעס שלך על דבריהם של שני «המומחים» שסילפו את האמת על מרדכי והיצירות שלו. וכעת אני רציתי לציין כי לטעמי מספר תרגומים שעשית לשפה הרוסית משיריו של מרדכי, היו פחות מוצלחים אבל ניתן להסביר זאת בכך שהם נעשו לא מכתבי העת המקוריים, מה שמצער את כולנו.

העבודה שלך מאוד נחוצה במיוחד לאור העובדה שהיהודים ההרריים מפוזרים בארבעה יבשות בעולם. שמעתי שגם באוסטריה כבר יש קהילה קטנה של יהודים הרריים שמשמרת את אהבתם ונאמנותם לשורשים הקווקזים שלהם.

(גלינה מוסחנובה חולקת במחשבות שלה איך לפי דעתה ניתן למצוא את ילדיו של האדם, שלקח את כתבי העט של מרדכי)

שוב מאחלת לך בריאות, אריכות חיים ומימוש החיים היצירתיים שלך!

«חודו קומק» – שאלוהים יעזור לך בכל.

בכבוד רב, שלך גלינה מוסחנובה.

5 במרץ, 2010, מחצ'קאלה.

במקום פרולוג...

מבין כל הנציגים הנהדרים בתרבות העממית של היהודים ההרריים במאות ה-19 וה-20 מרדכי אבשלום מאוד בלט כי שמו הפך לסמל של השירה הלאומית המסורתית. מנשיר יקובוב, ג'ורנל «עמי דאגסטן» מהדורה 1 שנת 2002.

ההיסטוריה של העם הקטן והעתיק של היהודים ההרריים כמו בעבר גם היום מכירה הרבה שמות גדולים שהתפרסמו בזכות ההישגים שלהם בכל התחומים. אין בכוונתנו למנות את כל השמות הללו. כולם מוכרים בעם ובני העם אסירי תודה נותנים להם את הכבוד הראוי גם בלי שנשקיע מאמצים. אנחנו נדבר על הספרות שלנו. שמותיהם של אבות הספרות העממית של היהודים ההרריים כמעט נשכחו עקב סיבות מסוימות שעליהם נדבר בהמשך. מדובר בשמותיהם של המשוררים הראשונים אשר השרישו את הספרות העממית: מרדכי אבשלום סיבירי, שאול סימנדו, איבולו מטרקי – אשר כתבו את יצירותיהם מאמצע המאה ה-19 עד תחילת המאה ה-20.

יצירותיהם של המשוררים האלו היו בסיס, עמוד תווך ונקודת התחלה לספרות העממית של כל ממשכי דרכם אך בשלב מסוים מידע זה «איבד ממשמעותו» ושמותיהם של הגדולים נדחקו הצידה. כתוצאה מההדחקה ההרסנית הזאת כיום אין זכר ליצירותיו של איבולו מטרקי, ואנו לא יכולים להגיד דבר על השירה שלו. לשמחתנו שיריו של שאול סימנדו נשמרו ע"י יורשיו והם אלה שדאגו להוציא אותם לאור בתחילת המאה ה-21.

לא נשמרו הרישומים המקוריים של השירים של מרדכי אבשלום, אך הם עברו בדורות מפה לאוזן ובתקופות שונות נרשמו ע"י כמה משוררים וכותבים יהודים הרריים מפורסמים כגון: ב. אטנילוב, א. קוקולו, סיוסופוב, ב. גברילוב וכו'. בתקופה של השלטון הסובייטי השירים לא ראו אור וכמעט ולא פורסמו דבר על המשורר עצמו. הוא הוזכר מידי פעם רק בהקשר למעשי גבורה שלו אבל השירים שלו לא עלו בכתב. אך יחד עם זאת בתקופת הנעורים שלי (שנות ה-50-70) בדרבנט לא היה אדם שלא הכיר את שמו של המשורר הדגול, הגיבור העממי וגורלו הטרגי, למרות שמפטירתו (1925) עברו כבר הרבה שנים. במשפחות הגדולות הזקנים היו מספרים לנכדים מעשיות מחייו של מרדכי אבשלום, במהלך אירועים חגיגיים וארוחות משפחיות דיברו עליו ושרו את השירים שלו.

מידע על קורות חייו של מרדכי אבשלום סיבירי התחיל להתפרסם רק אחרי תקופת השלטון הסובייטי. במאמרים הגדולים והכי מפורסמים, שנכתבו ע"י הכותבים הידועים ביותר בעם – ח. אבש' לומוב ומ. דאדשב, נראה לעין גימוד מכוון של משמעות יצירותיו של מרדכי ועיוות נסיבות מותו. לכן אני, שלום שלומוב בהיותי האדם הכי קרוב אליו (בנו של אחיו אבשלום-פחח) מבין בני המשפחה החיים כיום, החלטתי לעלות לכתב את כל מה שידוע לי, על מנת להציג לקוראים את המידע המהימן ביותר, שנשמר במשפחתנו ממקור ראשון על הבן אדם הדגול הזה.

בעם של היהודים ההרריים כמו בכל העמים לפני הופעתה של הספרות הכתובה, הייתה נפוצה התרבות שבעל-פה אשר עברה מפה לאוזן בעם, והפופולארית ביותר בתרבות הזאת הייתה השירה. אחרי שהמשורר ביצע לראשונה את שירו, השיר הופץ בעם. גודל קהל

היעד אליו השיר הגיע ומשך קיומו בעם, הושפעו ישירות מיופיו של השיר ומשמעותו לקהל המאזינים. שיריו של המשורר מרדכי אבשלום נשמרים בעם עד עצם היום הזה. באותם שנים בהם חיי מרדכי אבשלום רוב העם לא היה משכיל, למרות שהוא כן ערך רישומים של היצירות שלו, הן בכל זאת הופצו בעם באופן מילולי והיו מוכרות לא רק בדרבנט וסביבתה אלא גם הרבה מעבר לגבולותיה. למשל, לא מזמן פגשתי אישה זקנה, תושבת חדרה, והיא ביקשה ממני את המהדורה הראשונה של הספר «מרדכי אבשלום האגדי». הופתעתי מבקשתה כי היא הרי לא ילידת דרבנט. «בשביל מה את צריכה אותו? את מכירה בכלל את מרדכי אבשלום?» – התעניינתי. לפתע האישה החלה לדקלם את אחד משיריו באזרבייג'ני וידעה אותו עד סופו...

העם זוכר את מרדכי אבשלום לא רק כהיותו משורר ומבצע של שיריו אלא גם בתור בן אדם שאהב את עמו ובגבורה עמד להגנתו מול המעמד העליון והאליטה העשירה, שבסופו של דבר מצא את מותו מידי אחד מאנשי אותה האליטה. כמו שכבר הזכרתי קודם יצירותיו המקוריות של מרדכי אבשלום לא נשמרו למרות שהוא כן כתב את כולן «במחברות עבות» שלו, עליהן שמעתי רבות בילדותי. בשנת 1939 אורח ממוסקבה אשר הציג את עצמו כמשורר, לקח מבני משפחתו את המחברות עם כל הרישומים והבטיח להוציא לאור את כל שיריו ואפילו לעשות עליו סרט. לקח את המחברות ונעלם בלי זכר. העובדה שכיום אנו יכולים לקרוא את יצירותיו של מרדכי אבשלום היא פרי המאמצים הרבים שעשה המשורר אמלדן קוקולו (אמל קוקולייב 1937-2000). אשר השקיע שנים רבות לרישום מחדש של שיריו, בשנת 1965 ערך תיעודים בקרב תושבי דרבנט, ריכז אותם יחד לאוסף השירים של מרדכי שיצא לאור בשנת 1995 לכבוד 70 שנה למותו. האוסף הזה כלל את כל הרישומים שלו ושל כמה משוררים אחרים שגם כתבו את שיריו של מרדכי בשנים האלה: דניאל אטנילוב (1915-1968), סימון יוסופוב (1914-1985), בוריס גברילוב (1908-1990). הספר שיצא לאור נקרא «מרדכי אבשלום- שירים, שבחים, אפיטפים». חשוב לציין שהתוכן העשיר של הספר מעורר השראה במיוחד לאור העובדה שאת כל זה עשה ללא תמיכה כלכלית אלא בכספו האישי, למרות שהיה דל אמצעים וחיי במצוקה.

כמובן שכיום קשה לומר כיצד נראו הרישומים המקוריים של מרדכי, אך אנו משערים שהוא כתב בשפה טורקי-אזרבייג'ני ובג'ואורי (שפת אם של היהודים ההרריים) והכתיבה עצמה הייתה באמצעות האלף-בית העברי, מכיוון שעד שנות ה-30 עמי דאגסטן לא הכירו כתיבה אחרת מהשפה הדתית מסורתית. ניתן להניח כי הדוגמא הטובה ביותר לכתיבה המקורית של מרדכי הם חמשת שיריו אשר פורסמו בשנת 1947 בספרו של דניאל אטנילוב «הסופרים הטאטים»: «במעצר», «לפני המשפט», «הוקרת תודה», «מכתב מסיביר», ו«דרבנט». יחד עם זאת הרישומים שעשה סימון יוסופוב, קרוב משפחה של מרדכי וחבר טוב של אבי, נחשבים מבחינתי כמקור או הכי זהים למקור. שלושת השירים הבאים: «מכתב מצבא הצאר הביתה», «מכתב לחתונתה של האחות», «בקשה לברכת הדרך». שוכתבו ע"י סימון יוסופוב בטורקי-אזרבייג'ני ותורגמו ע"י בוריס גברילוב לרוסית באופן בלתי תלוי זה מזה. ומה שניתן לראות כאשר משווים בין שני הרישומים, שהם מאוד דומים במשמעותם ולעיתים אף זהים, מה שמצביע על כך שהם מאוד קרובים למקור.

כיום אנו קוראים את שיריו של מרדכי אבשלום אשר נרשמו ושוחזרו ע"י הרבה משוררים שונים הנבדלים זה מזה ברמה ובסגנון הכתיבה שלהם. השירים שוכתבו מזיכרונם של אנשים שונים, אשר רובם לא משכילים. אבל יחד עם זאת בכל השירים ניתן למצוא קווי אופי זהים ועקביים של מרדכי אבשלום, מכיוון שבכל השירים ניתן להבחין בתביעת אצבעו ואישיותו של המ"שורר. בתרבות של כל עם קיימות יצירות ששמותיהם של היוצרים לא נשמרו בהיסטוריה,

מרדכי אבשלום סיבירי משורר מרדן 1860-1925

אך היצירות הללו קיימות וחיות בעם ונחשבות לתרבות עממית. אז מה הסיבה שבמקרה של מרדכי אבשלום זה לא קרה? למה השירים שאני מציג בספר שלי נשמרו ושמרו על זהותו של המשורר למרות שהם קיימים בעמנו כבר מעל 100 שנה? התשובה לכך היא שסגנון הכתיבה שלו היה ייחודי רק לו, הוא היה מרדן ונלחם נגד השלטון והחוסר צדק וזה הורגש ונראה לעין בשיריו. אף אחד מבין המשוררים שחיו וחיים עד היום לא העז לכתוב ולבטא את עצמו כמו שנהג לעשות זאת מרדכי באומץ רב.

כעת נדבר על תרגום שיריו של מרדכי. כפי שאני רואה את זה, לא משנה מה היה איכות הרישומים שקיבלו המתרגמים לתרגום, משימתם הייתה לעשות את התרגום הכי קרוב למקור מבחינת משמעות התוכן, בניית המשפטים והעברת האווירה של התקופה. במיוחד לאור העובדה שהשירים שוחזרו ממילותיהם של האנשים שחיו באותה תקופה. אמנם רובם היו לא משכילים אך הם יודעים מה הייתה האווירה ששררה באותו זמן, מכירים את המציאות בה חיו אז האנשים, ולכן צריך לנסות להיצמד לסגנון הכתיבה והטון דיבור של המשורר ולא לנסות למצוא חרוזים מתאימים רק כדי שזה ישמע יפה בתרגום. כדוגמא לכך אני אציג בית ראשון מתוך השיר של מרדכי אבשלום «דרבנט». אם נתרגם מילה במילה זה ישמע כך:

אתה שואל אותי,
היכן נמצאת מולדתי?
תקשיב, אספר לך,
חברי הסיבירי הנאמן.

בתרגום של המשורר הרוסי ו. פורטנויי הבית הזה נשמע כך:

אז ככה, תקשיב לי חברי הסיבירי,
אני אספר על מולדתי, על עירי
שם מלאו ביין הענבים
והשמש כמו תפוח זורחת בין הענפים.

נשמע יפה, אני לא מכחיש, אבל בגלל אי התאמה במשמעות ובתוכן, אני אישית לא רואה בזה כלום. מאיפה המשורר הביא את «הענבים שמלאו ביין» ו«השמש כמו תפוח», המציא את זה בשביל חרוז יפה? והנה אותו בית בתרגומו של א. סנין מספרו של א. קוקולו 1995:

אם תשאל אותי חברי הסיבירי
מהו לאומי קאמקי או לסגיני?
ובאילו מרחקים נמצאת מולדתי?
בוא ואספר לך חברי.

מה פשר ההמצאה? מאיפה הגיעו «קאמקים ולסגינים»?

דוגמא נוספת מספרו של א. קוקולו, בעמוד 125 ניתן לראות תרגום מילה במילה של השיר «סליחה לפני שאלך» ע"י המשורר ב. גברילוב, ובעמוד 66 יש תרגום פיוטי של אותו שיר ע"י א. סנין. תרגום זה נקרא «הרהורים בעת פתיחת קלפים». שמו של השיר כבר גורם לבלבול, לאיזה קלפים סנין התכוון? שלא נדבר על כל מה שהוא המציא והוסיף בתוכן השיר. במילים אחרות זהו לא תרגום אלא משהו אחר לחלוטין ומנותק מהמקור, וכך נראים גם כל שאר התרגומים של סנין.

יתכן שא. סנין הוא משורר דגול, ועלי לציין לטובה את עבודתו, שהוא עשה נאמנה בדומה לא. קוקולו. אבל חשוב לי להגיד, ושיסלח לי על הכפיות טובה שלי אבל לטעמי התרגומים שלו חופשיים מידי על סף עיוות תוכן השירים, מאופיינים בתוספות מיותרות אשר לחלוטין לא מעבירים את האווירה של התקופה ואישיותו של מרדכי. בתרגום כזה נעלם הסגנון בו היה כתוב השיר, סגנון גושמה (סגנון כתיבה אזרבייג'ני) ויחד עם זה נעלמה הליריות, המוזיקליות וכל מה שמאפיין את השירה המזרחית. אלה כבר לא שיריו של משורר שחי במאה ה-19 עם מנטילות מזרחית, אלו שירים שנכתבו בשפה מודרנית ע"י משורר אירופאי.

כאשר באחד השירים שמתורגמים ע"י א. סנין קראתי שמרדכי אבשלום, יהודי ומאמין הדוק «מת גאה» בכך שבחתונות הוא אוכל הרבה חזיר, שזה נכתב כמובן רק בגלל שזה התאים לסנין בחרו. הגעתי למסקנה שיש צורך בתרגום מחודש לשיריו של מרדכי. הכי חשוב בשבילי שהמשורר שיתרגם את השירים יהיה קרוב ברוחו ליהודים ההרריים או אפילו שיהיה בעצמו משורר יהודי הררי.

תקופה ארוכה חיפשתי מתרגם, שאלתי אנשים, פרסמתי בעיתון אך בכל זאת לא הצלחתי למצוא מתרגם מתאים. היו כאלה שהתרכזו יותר בחרוזים בדומה לסנין, האחרים ניפחו את השירים יתר על המידה, משיר של שלושה בתים היו כותבים שבעה וטענו שאני לא מבין שום דבר בתרגום לשפה זרה. נכון, אני לעולם לא עסקתי בכתיבת שירים ובמיוחד לא בתרגומם. אני מבין שעל מנת לעשות את זה בצורה הטובה ביותר נדרש ידע וניסיון. ובכל זאת כיום אני נוכחתי לגלות כי אף אחד חוץ ממני לא יעשה את זה טוב יותר לכן לקחתי על עצמי את העבודה הזאת. ניסיתי לא לפגוע בתוכן לטובת חרוזים יפים, השתדלתי לשמור על הסגנון הכתיבה ומשמעות השיר, שמרתי על טון הדיבור בו נכתב השיר, המוזיקליות שלו ופשטותה של השירה המזרחית. אני יודע וכך גם אני תמיד חשבת, שבן אדם צריך לעסוק במה שהוא מומחה בו. אך לא הייתה ברירה אחרת ועשיתי את מה שעשיתי. האם הצ' לחתי בזה? ישפטו הקוראים. אם זה אחד המקרים, שעדיף שיהיה כך מאשר שלא יהיה בכלל, אז מאמצי לא היו לשווא. העדויות על מרדכי אבשלום שאני מציג בספרי, תיעדתי מזיכרונות אחיו-אבי אבשלום, בתו של מרדכי-זולפו וחבריו הרבים. כמו כן השתמשתי ברישומים מזיכרונותיו של משורר יהודי הררי מפורסם ח. אבשלומוב (1913-2001) שהופיעו במאמר שלו שהוקדשה ל-70 שנים ממותו של מרדכי. המון תודות לכל מי שעזר לי בכתיבת הספר הזה, חיים ארוכים למי שעדיין חיי וזיכרונם לברכה של אלו שכבר לא עימנו.

«שמו הטוב של המשורר היהודי הררי, המרדן ורודף הצדק עד היום זכור בעמו - כך כתב אמלדן קוקולו בשנת 1995. - את שיריו המרגשים מדקלמים בעם עם דמעות בעיניים. לצערי הרב מרבית האנשים שמכירים את שיריו הם זקני העם, יהיה טרגי מאוד אם הזכר על המשורר הדגול יעלם עם הדורות.»

מצער אותי לדעת שבגלל הניסיון להעלים את שמו של מרדכי ולמחוק את קיום אישיותו מהיסטוריה, אף מלחין לא הלחין מוזיקה לשירים שלו ולא עלה מחזה המספר על חייו.

מרדכי אבשלום סיבירי משורר מרדן 1860-1925

בדרבנט, עיר מולדתו שהוא כל כך אהב אין אפילו אנדרטה לזכרו. עד היום לא הוקם קברו כראוי מכיוון שלא נמצא המקום בו הוא נקבר. בתקופת נעורי הזיכרון על מרדכי אבשלום סיבירי עדיין היה טרי, דקלמו את השירים שלו ודיברו עליו. כיום לעומת זאת, הנוער פחות מתעניין בשורשים שלו. יכול להיות בגלל שהעם הקטן שלנו מפוזר או בגלל שהחיים השתנו והמציאות היא אחרת. חלקם אפילו לא שמעו ולא מכירים את שמו של המשורר, ורבים מהם לא דוברים ג'והורי – שפה של אבותינו. אך אני מאמין שיעברו שנים וגם הדור הצעיר יחזור לשורשים שלו, זו חוקיות חוזרת. לכן מאוד חשוב לעשות הכול על מנת לשמר את יצירותיו, שיריו, סיפור חייו ומעשי הגבורה של מרדכי אבשלום באופן הכי מהימן ומדויק על מנת ששמו של מרדכי לא יעלם גם בדורות הבאים.

אם כבר מדברים על מהימנות, אז בכל המאמרים שאי פעם קראתי על מרדכי, עלה אצלי הספק בקשר לשנת לידה שלו המופיעה בהם, שנת 1850. בזמן שעבדתי על הספר וחקרתי לעומק את כל מהלך חייו הגעתי למסקנה כי הספק שלי היה מוצדק. 1925 שנת מותו של מרדכי לא העלתה אצלי ספקות כלל (יצא לי לפגוש אנשים שזכרו את ההלוויה שלו), אבל שנת הלידה שלו המקובלת ע"י הרוב לעיתים אינה תואמת את מהלך חייו הסוערים של מרדכי. שלא נדבר על אנשים אחרים שהיו מעוררים בים באירועים מסוימים בחיים שלו, ששנת לידה זו הופכת את ההכרות איתם ללא הגיונית. למשל: אין ויכוח על העובדה שמרדכי לחם במלחמת רוסיה-יפן בשנת 1905, מה שמצביע על כך שגייסו את מרדכי כאשר היה בן 55 מה שנראה מאוד לא מציאותי במיוחד לאותה תקופה. הפרש הגילאים בין מרדכי ואחיו (אבלי) שנולד ב-1906 הוא גדול מידי, גם לאור העובדה שהיו להם אימהות שונות. כמו כן קיימות הוכחות לכך שביקורו של מרדכי אצל העשיר אילקונו, שהגיע אליו כדי «לסחוט» אותו שיתרום 300 רובל לעניים וחולים לחג הפסח לא יכול היה להתקיים במועד בו הוא מוזכר. עדי ראיה טוענים כי בתקופה בו התרחש המקרה מרדכי היה בן 40-45. בהסתמך על מה שכתב במאמרו ח. אבשלומוב, מרדכי הלך לעשיר לא לבדו אלא עם החזן הצעיר, אסאיל בינייב (1882-1952), שזמן קצר לפני כן מונה להיות החזן של בית הכנסת הגדול. אם לעשות חישוב פשוט:

$1890 = 1850 + 40 (45)$ זה אומר «שהחזן הצעיר» א. בינייב היה באותו זמן מינימום בן 8 ומקסימום בן 13! בטח כבר הבנתם, לא הגיוני שבגיל כזה הוא כבר היה חזן.

אבל אם לשער כי מרדכי נולד עשר שנים מאוחר יותר ממה שכולם חושבים, אז עוד אפשר למצוא סדר כרונולוגי במקרים הנ"ל. אם מרדכי נולד בשנת 1860, אז זה הרבה יותר הגיוני שהוא היה בן 45 כאשר גויס למלחמת רוסיה-יפן, הפרש הגילאים בינו לבין אחיו נראה יותר מתקבל על הדעת והחזן הצעיר היה מינימום בן 18, מקסימום בן 23.

לכן לאחר שבחנתי וניתחתי את כל הנתונים, עשיתי חישובים מתמטיים מאוד פשוטים, החלטתי בספר שלי לקבוע ש-1860 היא השנה הכי הגיונית שבה יכול היה להיוולד מרדכי. כמובן שאני לא יכול לדעת במאה אחוז, זה יכול היה לקרות גם ב-1859 וגם ב-1861 אבל מה שבטוח שזה היה בסביבות שנת 1860.

כאשר הגעתי עם הטייטה של הספר הראשון שלי לבית הוצאה לאור, להפתעתי נתקלתי בספר אלמנך מס' 3 (אוסף יצירות של אמנים שונים) של בית הוצאה לאור מרוורי. בספר בעמוד 70 מופיעה כתבה של מיכאל דאדאשב על מרדכי אבשלום «לא, לא מתתי, אני חי». כתבה מעולה עם תיאורים מעניינים של חייו מלאי הסבל וגבורה של מרדכי. אבל הציון שהכותב נתן על השירים של מרדכי וההסברים שהוא הציג לסיבת המוות שלו לא התקבלו אצלי על

הדעת, ועוררו את כל המטען שהצטבר אצלי במהלך השנים. בתקופה הסובייטית כמעט ולא כתבו על מרדכי, ואם כן כתבו אז לרוב זה היה דברי שקר. למשל: בתקופת נעורי קראתי באיזושהי כתבה שמרדכי מת בשנת 1925 כאשר היה בגלות בסיביר. מה שמצביע על כך שכבר אז ניסו להטעות את הדור הצעיר ולהציג את מרדכי כבוגד שנפטר כאשר היה עצור בגלל פשעיו. לא סיפרו את האמת, שהוא נרצח ע"י אויבו. הכתבה של דאדאשב היא מודרנית וגם בה יש עיוות של העובדות לכן לא יכולתי להישאר אדיש והייתי חייב להגיב.

אני מניח שיש כמה סיבות לכך שיש עיוות עובדות ובלבול בביוגרפיה של אחד המשוררים הראשונים של העם היהודי הררי. הדעה הרווחת שאחת הסיבות היא שהשתנה האלף-בית, אבל אני לא חושב שזה נכון.

אכן בשנת 1929 האלף- בית העברי בו השתמשו יהודים הרריים משכילים שונה לכתב לטיני ובשנת 1938 הוא שונה שוב לכתב קירילי. כמובן שזה יצר המון בעיות, תחשבו להחליף פעמיים כתב בפחות מעשור! בכדי שיהיה אפשר להוציא לאור יצירות של משוררים תחילה היה צריך לכתב אותם בכתב החדש. כמובן שאם היה רצון אפשר היה לעשות זאת, כמו שעשו עמים אחרים. אנחנו יודעים שבשנים האלו הרבה עמים בברית המועצות עברו את שלב שינוי הכתב. העמים המוסלמים עד אז כתבו בכתב ערבי וגם הם החליפו את הכתב שלהם לקירילי. למרות הכול, עמי דאגסטן האחרים המשיכו להוציא לאור את היצירות של האמנים שלהם ושימרו את התרבות. והמנהיגים שלנו לא הצליחו לעשות זאת, כאילו לא הכירו את השמות של האמנים שלנו ולא שמעו בכלל את השירים הנפלאים ששרו ברחובות. בעקבות זאת זמרים ומשוררים מדהימים כגון: באטיראי אומרוב הדרגיני (1831-1910), אירצ'י קאזאק הקומיקי (1830-1879) אוורץ מחמוד מקאחאברוסו (1873-1910), לאצ'קה שאזה מקורקלי (-1875) (1939), סולימן סטאלסקי (1869-1937), אטים אמין (1838-1898) הלסגינים ורבים אחרים, הוכתרו כאבות הספרות הקלאסית של דאגסטן וכמתחילי דרך של תרבות הפואטיקה בעמים שלהם. ושם של משוררים יהודים הרריים לא פחות מוכשרים מהם נפלו בין השורות ונעלמו. מכך מוסקת המסקנה כי הבעיה האמיתית היא לא בשינוי הכתב.

בשנות 20-30 בכל עמי דאגסטן התחילה להתפתח ספרות אתנית ועיתונאות. חשוב לציין לטובה את השלטון הסובייטי אשר עשה מאמצים רבים על מנת להכחיד את קיום האנאלפביתיות, לעלות את רמת ההשכלה ולהגדיל את אחוז הלומדים. ב-1928 החל לצאת לאור עיתון «זחמתכש» (עמלן) בשפה של היהודים ההרריים וספרים. אך לא בעמודי העיתון הזה, ולא במהדורה הראשונה של האנתולוגיה של יהודים הרריים «המשוררים הטאטים» שיצאה ב-1934, לא היה זכר למרדכי אבשלום סיבירי, שאול סימננדו ואיבולו מטרקי. מה הסיבה לכך? ללא ספק במילה «טאטים». במהדורות פורסמו רק משוררים «טאטים». אבל למען הדיוק, מרדכי אבשלום אמנם לא היה «טאט» אך כול שאר המשוררים שכן פורסמו גם הם לא היו «טאטים». מרדכי היה יהודי וזה הורגש בכל שורה שהוא כתב בשיריו. יתכן שבגלל שכל ההוצאות לאור היו חייבות לעבור אישור של יחיאיל מתאטוב, שהיה המנהיג ראשון של היהודים ההרריים בתקופת השלטון הסובייטי, שמותיהם של המשוררים היהודים נמחקו ויצירותיהם לא אושרו לפרסום למרות שהיו מאוד ידועים בעם.

כל זה נעשה על מנת שבעתיד בספרות המודרנית לא יהיה זכר לשפה העברית העתיקה בה השתמשו המשוררים, וכדי שלא יישאר דבר שיסגיר את שורשי היהודים של

מתאטוב. זה נעשה על רקע האנטישמיות שרדפה את עמנו לאורך כל התקופות והעובדה ה"מדעית" שקובעת באופן שקרי כי אנחנו לא יהודים אלא טאטים שהתגירו.

מתאטוב ושותפיו לא המשיכו את פיתוח התרבות, שהחלו המשוררים הראשונים, מתחילי הדרך של התרבות היהודית ההררית. אלא התחילו לייסד את התרבות מחדש. וכמו שאומרת גלינה מוסחנובה במכתבה «התחילו מאפס». כאילו לפנייהם לא הייתה לנו ספרות, שירה ותרבות בכלל!

בנו של יחיאיל מתאטוב, מיכאל מתאטוב בשותפות עם חיזגיל אבשלומוב המשיכו את דרכו של יחיאיל בעיוות והרס ההיסטוריה היהודית על מנת להשמיד כל זכר ליהדות. «אבשלומביים-מתאטוב ביים», כך קרא להם דוקטור מ. יחילוב שטען שהם סילפו את ההיסטוריה של עמנו. בכתבה «יהודים הרריים» מ.יחילוב כתב: «המסלפים שלנו, בהיותם בעלי שורשים יהודיים, סיגלו לעצמם ולכל העם את המושג טאט על מנת להימנע מאנטישמיות».

הם הצליחו לעשות זאת בזכות הסכמה סמויה של שלטונות רוסיה ודאגסטן, והעוינות של השלטון כלפי הדת ומוסדותיה כביכול הצדיקה את מעשיהם. נניח שסילוף ההיסטוריה הייתה דרישה של השלטונות מהמנהיגים שלנו ולא יוזמתם האישית, אך קשה להאמין שהם דרשו למחוק שמות של אמנים מההיסטוריה של העם. המסקנה היא שהמנהיגים עצמם היו זקוקים לזה, כך היה להם יותר קל להתקיים תחת השלטון האנטישמי.

יכולים לתרץ את זה באמרות שאלו היו שנים של אנטישמיות מאוד קשה, אך ידוע כי גם התקופה בה חיו המשוררים שררה אנטישמיות לא פחות חריפה. חשוב לשים לב לשוני בין שתי התקופות, המנהיגים הרשו לעצמם להיות כפופים לשלטון האנטישמי, מיררו לעם את החיים והחזיקו אותו בפחד. וכל זאת לטובת תועלת עצמית ופיתוח הקריירה האישית שלהם. לעומת זאת מרדכי אשר חי בתקופה אנטישמית בדיוק כמוהם נלחם בגבורה בשלטונות ובאי צדק, הגן על החלשים שבחברה, דקלם את שיריו המעודדים לעתיד טוב יותר בכירות העיר, מרד נגד כל המוסכמות ועל כל זה סבל ממעצרים והגלות לעבודות פרך. למרות שהאנטישמיות של השלטון הייתה קיימת בכל התקופות, מעולם השלטונות לא הכחישו את העובדה כי ליהודים הרריים או לכל קהילה יהודית אחרת היו שורשים יהודיים. להבהרת התמונה על היחס של השלטון ליהודים בכלל ולקהילה שלנו בפרט להלן ציטוט מספרו של סטלין «מרקסיזם והשאלה הלאומית» (מוסקבה שנת 1946 עמ' 12-19): «לאור השינויים ההיסטוריים שעבר העם היהודי, הקהילות היהודיות מפוזרות בעולם, חיות במקומות שונים ודוברות שפות שונות. כך למשל: רוסים, גרמנים, אמריקנים, גרוזינים, יהודים הרריים וכו... היהודים שהוזכרו חיים בסמיכות עם גרוזינים, דאגסטנים, אמריקאים, רוסים ועוד. ומהווים חלק בלתי נפרד מחיי הכלכלה, הפוליטיקה והתרבות שלהם. כמובן שזה משפיע על האופי של הקהילות. ומה שנשאר להם משותף זה רק הדת, השורשים שלהם וחלקה הנותר של המנטאליות הלאומית שלהם».

לא במקרה עוד בשלטון של סטלין היהודים ההרריים היו מאוימים בגירוש. איומי הגירוש היו מכ"ו וונים אליהם לא כמו אל טאטים אלא כאל יהודים. למרבה המזל מותו של השליט האכזר הצילה אותם מהגירוש והשלחה לגטאות לחברובסק (סיביר) (מ.יחילוב «יהודים הרריים»).

מכתבתו של ד"ר י. סימונוב «היסטוריה של היהודים ההרריים בדאגסטן»: «דרך אגב באזרבייג'אן המונח «טאט» מעולם לא הוצמד ליהודים. זה קרה בעיקר בדאגסטן, וגם בימינו דאגסטן המקום היחיד בעולם איפה שקוראים ליהודים הרריים «טאטים».

האם מרצונם החופשי הם עושים זאת? האם השלטונות של רוסיה ודאגסטן מכריחים אותם לקראו לעצמם «טאטים»? משום מה על הסילופים האלה ובמיוחד על ההשלכות

שלחם מעדיפים לא לדבר. אולי זה באמת כבר לא נחוץ? עבר זמן, מה שהיה, היה ולא יחזור שוב בהיסטוריה שלנו. לכן אולי לא נחוץ לפרסם ברבים את הפעילות האנטישמית של מנהיגי העם בעבר ואין צורך לזהם את התודעה של הדור הצעיר בעובדות שליליות מההיסטוריה של עמו. ובכל זאת אסור להשתיק את האמת, צריך לדבר עליה, מכיוון ששום דבר לא נגמר ופעולות הסילוף מהעבר גורמות עד היום להשלכות חמורות.

ב 5 בנובמבר 2002 בערב שמוקדש לזכרו של מ. יחילוב, לכבוד יום הולדתו ה-85. חבר אקדמיה למדעים של רוסיה, ד"ר לספרות ופרופסור, גמזט גמזטוב אמר: «מיוזמתי האישית במשרדי התקיימה פגישה עם הנציגים הבכירים של שתי התפיסות הרווחות. מ.יחילוב וג. מוסוחנובה דבקו בעמדה שהעם היהודי הררי שורשיו ביהדות. לעומת זאת חיזגיל אבשלומוב שייצג את הצד השני דבק בעמדתו שהיהודים ההרריים הם «טאטים». בפגישה השתתפו גם אנשים נוספים. אחרי ויכוחים רבים אשר לעיתים הפכו לריבים, מ. יחילוב פנה אל ח. אבשלומוב:

תענה לי על שאלה אחת. אם אתה באמת טאט ולא מודה בכך שיש לך שורשים יהודיים, אז למה אתה ו«הטאטים» מגיבים בכזאת רגישות לכל הצרות של היהודים וכל כך מזדהים עם הישראלים? ולמה «הטאטים» שלכם כל כך נמהרים להגיע לארץ הקודש?

זה קל מאוד להסבר! – אמר חיזגיל אבשלומוב בלי כל בושה. – לא רק יהודים מזדהים עם ישראל אלא גם עמים אחרים, למשל דאגסטנים אשר מאוד הומנים מטבעם.

אז מה השיג בזה ח. אבשלומוב? סופר מוכשר שכתב סיפורי מעשיות של שימי דרבנדקי, מלקט ועורך של אלמנך (אוסף יצירות) «פולקלור טאטי-יהודים הרריים» שיצא לאור במחצ'קלה בשנת 1940? ככל הנראה לפי שמו של האלמנך הוא כן החשיב את עצמו ליהודי הררי אך מאוחר יותר אחרי שהתחמש בכל הכישורונות שלו, היכולות שלו, הקשרים והעקשנות, הוא עשה הכול בשביל לשכנע את האקדמיה המדעית והמכללה האתנוגרפית בנכונות התפיסה הטאטית. הרקטור של המכללה יו. ברומליי בזמנו על סמך מחקר מעמיק ביותר מצא ההוכחות לכך שאנחנו יהודים. אך למרות זאת אבשלומוב הצליח לשכנע אותו בזכות העקשנות והביטחון שלו שאנחנו לא יהודים אלא טאטים שהתגירו: «אנחנו לא יהודים, אנחנו טאטים – כתב ח. אבשלומוב. – הדת לא מגדירה את השייכות הלאומית. שינוי הלאום נבע מרצונו החופשי של רוב העם».

ככל הנראה בגלל היותו כל החיים פעיל סובייטי ואי הרצון שלו להיפרד ממעמדו בארגון הסופרים, הוא רצה באופן זה לפתור את כל הבעיות: מצד אחד לעצור את ההגירה של יהודים ההרריים ליש"ר ראל בשביל לא להישאר שם לבדו, ומצד שני להועיל לשלטון שהבטיח לו אור ירוק בכל מעשיו. אחרת מה הייתה באמת הסיבה שהוא החל לעסוק בשאלות היסטוריות ואתנוגרפיות אם הוא בכלל לא מומחה בתחום הזה.

כתוצאה מפעולות הסילוף קיימים אי דיוקים ועיוותים בנתונים לגבי היהודים ההרריים ברישום האוכלוסין בעמים שחיו בשטחה של ברית המועצות מ 1989 ועד 2010 כולל. לא האהבה לעם ולא השכנועים שהעלייה לארץ ישראל תגרום להכחדת הקהילה (השפה תעלם), המנטאליות תשתנה, תשכח המסורת). לא מהווים הצדקה לפעולות של המסלפים, למרות המציאות הקיימת קיום בארץ ישראל.

נחזור למרדכי אבשלום, יותר נכון לסיבות נוספות שבגללן שמו לא הוזכר בתקשורת הסובייטית. את התפקידים הבכירים בארגון הסופרים בדרבנט, שקבע את התפתחותה של הספרות, מילאו חיזגיל אבשלומוב (1913-2001) ומישי בחשייב (1910-1972) אשר כהנו בשנים שונות ובצעו את תפקידם לעיתים ביחד ולעיתים בנפרד.

שיריו של מרדכי אבשלום היו מאוד ידועים בעם, במהלך היווסדה ופיתוחה של התרבות המודרנית. הבכירים לא מצאו לנכון לכלול את יצירותיו של המשורר העממי. למרות הפעמים הרבות שחיזגיל קיבל פניות ממשפחתו של מרדכי וממעריציו לפרסם את יצירותיו, הוא תמיד ענה בסירוב. הוא כביכול פחד מהשלטון, שראה את מרדכי כפושע.

איך ניתן להסביר את הפחד של חיזגיל מהשלטון הסובייטי? אם העורך הראשי של העיתון «זחמת» כש» (עיתון של יהודים הרריים) היה לא אחר אלא אסאיל בינייב בכבודו ובעצמו. אותו אסאיל בינייב שעליו חיזגיל כתב במאמר שלו שהוא היה חברו של מרדכי וחזן לשעבר בבית הכנסת הגדול בדרבנט. יכול להיות שהוא לא רצה שידעו בציבור על הקשר שלהם? אולי חיזגיל אבשלומוב, חתנו של אסאיל בינייב, רצה להסתיר את העובדה שחותנו היה בעבר חזן בבית הכנסת הגדול בדרבנט ובכלל את כל הקשר שלו לדת. וחזן מזה, ככל הנראה הוא רצה להסתיר את זה שמי שסייע לאסאיל בקבלת תפקיד החזן היה חותנו, שעשה זאת בתכנון שבעתיד אסאיל יהפוך לרב הראשי של כל דרום דאגסטן. חותנו של אסאיל היה שמואל אבשלום חנוכייב, אחד האנשים העשירים בעיר, מיליונר וכידוע אחד האויבים הגדולים של השלטון הסובייטי.

רק אחרי ההתפרקות של השלטון הסובייטי, חיזגיל אבשלומוב מרשה לעצמו לכתוב כתבה בה הוא סיפר על הערכה והכבוד של אסאיל בינייב למרדכי אבשלום ועל היחסים המאוד מסובכים של מרדכי עם המיליונר חנוכייב.

מרדכי אשר כל חייו נלחם למען עמו נגד החוסר צדק וחוסר השוויון כלפי העניים, לא היה נחשב לפושע או אויב מדינה ע"פ הקריטריונים של השלטון הסובייטי. בן אדם אשר כתב שירים העשירים במילות אהבה לעמו ולמקורבים שלו, קרא לחיות בשלום, בחברות והסכמה, זה שהאשים את הצאר בחוסר צדק כלפי העם, לא יכול היה להיות בעל לב של פושע. מי שהחשיב אותו לפושע היו בעלי החזן. הם והיורשים שלהם אשר היו מקורבים לשלטון גם בתקופת השלטון הסובייטי ניסו להוקיע את שמו כפושע להכתים את כבודו, ואחרי הרצח שלו עשו הכול על מנת ששמו ויצירותיו ישכחו.

לשלטון הסובייטי לא היה בזה דבר. אחרת לא ניתן לתת הסבר לזה שבשנות ה-60 של המאה הקודמת קזי קזיב, עורך ראשי של העיתון «קומוניסט» אשר כתב על מעשיו של קירי בורה, «רובין הוד לסגיני», הזכיר גם בחום רב את הגיבור של היהודים ההרריים, חברם הטוב של הלסגינים, מרדכי אבשלום סיבירי. בנוסף איך ניתן להסביר את הדבר שבשנת 1947 דניאל אטנילוב פרסם בספרו חמש מיצירותיו של מרדכי ולא נתקל בשום התנגדות מצד השלטון. חשוב לשים לב שהוא עשה זאת בהעדרם של המנהיגים שלנו, הם גויסו למלחמה ב-1941 (מ. בחשייב חזר לדרבנט 1953, ח. אבשלומוב חזר ב-1955).

מסתבר שבשביל העיתון הלסגיני ובשביל דניאל אטנילוב, שדרך אגב כל חייו חי במוסקבה שמו של מרדכי נקי מאשמה, ולחיזגיל אבשלומוב «ניתנה הסמכות» מהשלטון להגדירו כפושע אבל רק בקרב היהודים ההרריים ורק בדרבנט.

הנה בימינו בשנת 2009 מיכאל דאדאשב החליט להזכיר לנו את מסקנותיו של חיזגיל אבשלומוב ולתת תוקף חוקי לכל מה שטען בעבר. אבל דאדאשב התעלה על המורה שלו, הוא הרחיב והעמיק את הדיון על מסקנותיו של חיזגיל ובכוונה הוליך שולל את הקוראים בעובדות שקריות על נסיבות מותו של הגיבור וככל הנראה לא לשווא, בהעלמת העובדה שנעשה רצח הם בעצם מבטלים את קיומו של הרוצח. לא במקרה בכתבות של «הקונספירטורים» האלה, כאשר הם מספרים על מותו «הטבעי» של מרדכי, באותה נשימה כותבים דברי הערצה לאישיותו של חנוכייב ולכל שאר בעלי ההון.

מה בעצם הקשר של המיליונר חנוכייב למרדכי אבשלום? שני הכותבים בדבריהם «למען הצדק» מציגים לנו אותו ואת האחרים «כמלאכים עלי האדמות». אפשר לחשוב שכל חייהם הם עשו מאמץ צים לחסוך כסף בכדי «להשקיעו לטובת צורכי עמם».

כמובן שבכדי לשמר ולהגדיל את ההון שלהם, העשירים היו צריכים קודם כל להיות מאוד מגובשים ולתמוך זה בזה. וחוף מזה הם נדרשו לתרום לכל מיני מוסדות עירוניים שבתמורה לזה הם תוגמלו וניתנו להם הטבות מרשות העיר. ככל שגדל ההון שלהם כך גדלה כמות התרומות, אך אין לזה קשר לאופי שלהם או לסיפור חייו של מרדכי אבשלום.

לאור המצב הנתון, מדוע אנחנו מתדיינים על זה כל כך הרבה זמן? על מנת להדגיש פעם נוספת את האמת: שבכל מעשה ישנה כוונה תחילה. אחרי ההתפרקות של השלטון הסובייטי, שני הכותבים מפ' רסמים כתבות נהדרות על חייו של מרדכי אבשלום, סיפרו עליו כעל בן אדם הראוי להישאר בזיכרוננו של העם, אך יחד עם זאת עיוותו את העובדות ובכוונה הטעו את הקורא בכך שהסתירו את נסיבות מותו האמיתיות של המשורר. הם מתארים את מותו בנימה כזאת כאילו הם עצמם נכחו כאשר עשה את נשימתו האחרונה יחד עם קרובי משפחתו והאורחים שהוזמנו לאותה לחתונה יהודית הררית, בה מרדכי שעשע ובידר את הקהל כהרגלו ולבסוף מצא את מותו בהרעלה.

המשוררים האלה מתעלמים מהעובדה שידועה לכול, ובכך מכחישים את האפשרות שקיימת אשמה של משהו בכך. מה פשר הדבר? כולם ידעו והם לא! זה לא הגיוני! לקהילה באותה תקופה, למשפ' חתנו של מרדכי ואפילו לי מילדותי היה ידוע שמו של הרוצח, משום מה רק לשני המשוררים האלו זו הייתה תעלומה.

בזה טענותיי לעבודותיהם לא נגמרים. מסיבה לא ברורה נגד ההיגיון הפשוט, שני המשוררים מטעים את הקורא בכך שכותבים פה אחד, שמרדכי אבשלום כתב את שירי רק כאשר היה בגלות בסיביר, הוא לא כתב אף פעם לפני וכאשר חזר מהגלות לא המשיך לעבוד על יצירותיו.

אם להסתמך על הטיעונים שלהם, מרדכי בעצם לא כתב את השיר שהזכרתי קודם «מכתב מצבא הצאר הביתה» שהיה כתוב כמו השירים שקדמו לו בסגנון גושמה אורבייג'נית. ומה שניתן להבין מהכתבה של מ. דאדאשב, שסימון יוסופוב ובוריס גברילוב מבלי שתכננו זאת מראש, על דעת עצמם החשיבו את השיר הזה לאחד מיצירותיו של מרדכי, על מנת להדגיש את חשיבותו של המשורר הדגול בספרות הדאגסטנית. לעומתם דאדאשב לא רואה בשיר הזה קווים המאפיינים את רוחו, עוצמתו וסגנונו של מרדכי. לכן אני צריך כנראה לשכוח איך אבי (לא פעם) היה מראה את אגרופו ומ' דקלם את אחד משיריו של מרדכי: «בידי חמש אצבעות, אצבעות חזקות». את השיר הזה שמעתי פעמים רבות גם מחבריו בחגיגות משפחתיות.

אם להסתמך על הטיעונים של דאדאשב, בכל חייו מרדכי כתב כ-90 בתים בני ארבע

שורות שחלקם חוברו יחדיו לשירים. זה אומר שבכל חייו מרדכי לא כתב יצירה אחד שלמה? רק אוסף של בתים? נראה לעין שהכותב התאמץ יתר על המידה. אז מה גרם לו לפסול את עצמו ככה? הוא בהיותו כותב אמור לדעת ששיר מורכב מכמה בתים המחוברים בנושא משותף. אנחנו יודעים שכל שיריו של מרדכי שוחזרו מזיכרונם של אנשים, הגיוני שבטעות התבלבלו בבתים וצירפו לשיר בית שהוא לא שייך. אבל זה לא יכול להיות הוכחה לכך שכל השירים של מרדכי מחוברים מבתים נפרדים שלא היו קשורים זה לזה קודם.

לאיזה קהל קוראים דאדאש הפנה את הכתבה? מה הוא רצה לומר? שגם היצירה המושלמת כמו «במעצר» זה גם שיר שחובר מכמה בתים נפרדים? ולמה דווקא 90, איך הוא הצליח לספור אותם? אולי זה כמות השירים של מרדכי שכיום קיימים אצלו באסופה. לא במקרה בכתבה שלו באלמנך «מרוורי» בעמוד 73 הוא מודה לס. יוסופוב אשר ערך רישומים ובמהלך 30 שנה אסף את שיריו של מרדכי. בעמוד 76: «ח. אבשלומוב סיפר לי שהוא יחד עם דודי, מנובך דאדאש ערכו רישומים של השירים של מרדכי».

היכן כל השירים הללו? למה עדיין לא פורסמו לקהל הקוראים? לעיתים קרובות אני נזכר איך באחת הפגישות ב-1987 אמלדן קוקולו אמר לי בהתרגשות: «בעזרת השם אנחנו נתאחד עם דאדאש, יש לו הרבה שירים, ונוציא לאור ספר אחד גדול על מרדכי». כאלו זיכרונות מעלים מחשבות עצובות. כמוכן שחשוב להזכיר גם את שמותיהם של כל האחרים שליקטו את שיריו של מרדכי: יונו סימונוב, סרגיי זגייב, מישי בחשייב ועוד הרבה אחרים. ג. מוסחונובה שבתקופה מסוימת הייתה ביחסי חברות טובים עם חיזגיל אבשלומוב ואשתו, במכתב אלי מציינת כי באמצע שנות ה-70 באחד מהערבים אצלו בבית הוא דקלם בעל פה את כל היצירות של המשורר שלנו. אז הם היו אצלו? לאן נעלמו? בשנת 1995 ח. אבשלומוב «השתחרר» מהלחץ של השלטון הסובייטי, «שהחשיב» את מרדכי לפושע. השלטון כבר לא היה קיים וחיזגיל לקראת סוף חייו החליט לפרסם מאמר גדול על המשורר הגיבור שלנו. הפעיל הראשי של הספרות היהודית הררית, אשר במו ידיו שלט בהתפתחותה, כתב מאמר מדהים על חייו של מרדכי. אם כבר עשה זאת אז למה באותה הזדמנות הוא לא פרסם את השירים שלו? הוא הרי הבין שהיצירות של מרדכי נמצאות תחת איום של אובדן בגלל שמדור לדור הזיכרון של העם נחלש. אז מה בעצם הפריע לו במאמר העשיר בתיאורים על מעשי הגבורה של המשורר סופסוף לפרסם גם את השירים שלו? במיוחד שסיפורי הגבורה שלו כבר פורסמו בעבר, אבל השירים כמעט ולא. ללא ספק הוא גם היה מודע לזה שאוסף היצירות של מרדכי שקיים אצלו לא ניתן למצוא אותו אצל אף אחד אחר. אבל בכל זאת הוא לא פרסם את השירים, כנראה הוא לא ראה מתפקידו להראות את גדולתו של מרדכי אבשלום כמשורר. כפי שאמרה במכתבה ג. מוסחונובה: «חיזגיל כתב את המאמר לא לזכרו של מרדכי אלא לטובת תועלת עצמית. עוד הישג גדול בתחום, אף אחד לפניו לא כתב מאמר כזה גדול על מרדכי».

אם מישהו ישאל אותי: בשביל מה אתה צריך את זה, אתה רוצה להחזיר את הפופולאריות של מרדכי או לנקום בשונאים שלו? זה כבר לא רלוונטי, במיוחד עכשיו כשהדור הצעיר של היהודים ההרריים מאבד את יסוד היסודות שמייחד אותנו, את השפה שלנו. מאוד לא הייתי רוצה שאת הניסיון שלי לשחזר עובדות היסטוריות, יחשיבו כנקמה בנא־לית. האמת כבר אין במי לנקום, רוב האנשים שעליהם אני מספר בספרי כבר לא חיים

כיום ולמשפחותיהם אין כל קשר למעשים של האבות והסבים שלהם. לכן אני מבקש מכולם לא להיפגע ממני. אני רואה זאת בתור תפקידי לספר על כל המעשים האלו אשר גרמו להשלכות הרסניות לא רק לגורלם של המשוררים הראשונים אלא גם לגורלה של כל הקהילה שלנו. האם ניתן להצליח בעתיד ולא לקחת בחשבון את טעויות העבר? אני לחלוטין משוכנע שלקהילה שלנו יש עתיד. כיום היא צוברת כוחות בישראל, ברוסיה ובארצות אחרות. נראה לי עוד הרבה זמן תמשיך להתקיים בין הקהילות היהודיות האחרות ותישאר מצד אחד ייחודית ומצד שני בלתי נפרדת מהיהדות העולמית. הקהילה שלנו קיימת, המסורת שלה חיה והשפה שלה מדוברת. יכול להיות שבימינו זה לא ממש נחוץ לדור הצעיר, אבל זו חוקיות חוזרת. יעברו שנים והדור הצעיר כמו שאנחנו היינו פעם, ירגישו צורך עז הכיר את ההיסטוריה של משפחתם ושל עמם, מה שנקרא לחזור לשורשים או להתקרב ליסודות. מרדכי אבשלום הוא השורשים והיסודות שלנו. הוא מייצג תקופה משמעותית בהיסטוריה של העם, לכן היה לי כל כך חשוב לספר בספרי את האמת עליו. על יצירותיו, על התקופה שלו ועל האנשים שחיו לצידו באותה תקופה.

מעשי הגבורה של מרדכי הפכו לאגדות עוד בעודו בחיים, מה שמעצים את גדולת אישיותו, לכן אנחנו לא נתחיל לברור מה באגדות אלו זה אמת לאמיתה ומה דמיונם של המספרים. אם העם ממציא על הגיבור שלו אגדות תוך הוספה של מעשים שהוא לא בהכרח עשה, זה אומר שגם אם זה לא באמת קרה, זה מאוד מתאים לאופי שלו ובהחלט יכול היה לקרות... אגדות מסופרות על אנשים אגדיים, בזה הכול נאמר.

אני מודה בלי סוף לאנשים של הדור המבוגר- כל משפחתי, מקורבים, חברים ומכרים, אשר זוכרים את מרדכי וחלקו אייתי בזיכרונותיהם ובעובדות הידועות להם על חייו. אין גבולות לתודה שאני שולח לאנשים החרוצים שלנו- הכותבים והאוספים, אשר כתבו, ליקטו ושימרו את יצירותיו של מרדכי, למרות הניסיון להכתים את שמו של מרדכי ולהעלים את יצירותיו ע"י אנשים שהיו מעוניינים בכך. בזכותם השירים שרדו עד היום וזה יישאר כאוצר לאומי גם לדורות הבאים. וזה- מה שבאמת חשוב!

דרבנט המאה ה-19. כרונולוגיה היסטורית

הגבורה הגדולה ביותר היא היכולת לסלוח.
אין מילה טובה יותר מאשר מילת אמת.
לא קיים דבר יקר יותר מהמולדת.
מקווה לחזור אליכם יקירי.

«מכתב מסיביר».

דרבנט המאה ה-19. עדות היסטורית את סיפורינו אודות חייו של מרדכי אבשלום סיבירי האגדי נתחיל בהשתלשלות כרונולוגית של היסטורית העיר דרבנט, המשקפת את יחסי הגומלין שלה (ושל דאגסטן כולה) עם האימפריה הרוסית, אשר השפיעו על חייהם של הדורות שחיו באותה תקופה.

22 ביוני 1722. הצאר הרוסי פיוטר הגדול עגן בנמל המקום אשר מאוחר יותר נבנתה בו עיר בשם פורט-פטרובסק-כיום מחצ'קלה.

23 באוגוסט 1722. ללא מלחמה פיוטר כבש את דרבנט.

שנת 1806. דרבנט הופכת להיות באופן מוחלט שייכת לרוסיה.

שנת 1813. על פי הסכם גוליסטן הנחתם בין האימפריה הרוסית לאימפריה הפרסית, העיר דרבנט נכללת בין ערי רוסיה מבחינה חוקית.

1834-1859. שמיל הופך להיות האימאם של דאגיסטן וצ'ניה.

29 באוגוסט 1859. שטחה המזרחי של קווקז חזרה לשלטון רוסי לאחר ששמיל נלקח בשבי.

שנת 1840. נוצר איזור הכולל את דרבנט וסביבתה ושלט בו השלטון הרוסי אשר לא ייחס חשיבות רבה למנטאליות של קהילה המקומית.

שנת 1846. דרבנט הופכת להיות העיר המרכזית, בה היה משכנו של נציב השלטון הרוסי וממנו הוא שלט על כל דאגסטן.

שנת 1860. נוסדה עיריית דרבנט. בפורט-פטרובסק הוקם בית כלא. נולד מרדכי אבשלום סיבירי.

שנת 1861. בוטלה הצמימות (שם שניתן למעמד המשפטי והכלכלי של חלק מהאיכרים תחת המערכת הפיאודלית. האיכר היה בעל המעמד הנמוך ביותר בדומה לזה של עבד). אך לא הייתה לכך השפעה רבה על הפוליטיקה והכלכלה של קווקז עקב המנטאליות המקומית. ייקח המון זמן עד שהאנשים העניים ירגישו חופשיים ולא תלויים ונחותים מול האנשים העשירים והחזקים מהם.

שנת 1875. בדרבנט הוקמה טחנת קמח.

שנת 1877. דרבנט נמצאת תחת מצור, עקב התקוממות בדאגסטן כנגד בקים וקומיקים. המרד נמשך כ-5 שנים ללא תוצאות מיוחדות לטובת המורדים.

שנת 1879. נוסד מפעל ליצור ספירט (כוהל) המופק מענבים.

שנת 1895. הוקמה אוטונומיה מקומית בעיר דרבנט.

שנת 1900. נבנתה ונפתחה לשימוש מסילת רכבת בדרבנט.

שנת 1905. מהפכה בורגנית-דמוקרטית ברוסיה. הפגנות בדרבנט. מלחמה בין יפן לרוסיה.

שנת 1917. מהפכת פברואר. שלטון כפול. הנהגת השלטון הסובייטי.

מרדכי אבשלום סיבירי משורר מרדן 1860-1925

1918-1920. מלחמת אזרחים והתערבות מלחמתית של מדינות זרות.

שנת 1920. שיקום השלטון הסובייטי בדרבנט.

שנת 1921. הקמת רפובליקה סובייטית אוטונומית וסוציאליסטית.

שנת 1925. פטירתו של מרדכי אבשלום סיבירי.

בחצי השני של המאה ה-19 כמו בכל האימפריה הרוסית באותה תקופה, גם דרבנט עוברת תקופה קשה של עוני, חוסר באמצעים בסיסיים לקיום, חולי ומגפות קשות ודיכוי של המעמד החלש ע"י המעמד העליון של בעלי ההון. הפער בין המעמדות הלך וגדל העניים הפכו ליותר עניים והעשירים התעשרו אף יותר. המצב החמיר עקב העדר מדיניות קבועה של השלטון והמלחמה הבלתי פוסקת של אימאם שמיל עם האימפריה הרוסית. לדיכוי הרב של העם הפשוט אשר הביא אותו למצב של ייאוש היה חייב להימצא פתרון. העם הפשוט התקומם נגד הבקים והקומיקים. המרד נמשך 5 שנים, דרבנט נמצאה תחת מצור אך העם הפשוט לא הצליח להתעלות על השלטון שנתמך ע"י השלטון הרוסי. המרד לא הניב תוצאות ותנאי החיים לא השתפרו.

כיצד חיו בתקופה הזאת יהודים הרריים – הקהילה היהודית בקווקז? ניתן לתאר את חייו של העם הנרדף כאי בתוך אוקיאנוס אכזרי של אנטישמיות מצד העמים המוסלמים. שכונה יהודית קטנה המוקפת במוסלמים ששמה «טנגה מחאלה» שפירושו סמטאות צרות. ההיסטוריון והחוקר מדגסטאן קוזובסקי (1851-1911) כתב על אותה תקופה: «...בקים ששולטים ביהודים נוהגים איתם בברבריות מכיוון שלא מחשיבים אותם לבני אדם אלא לחיות טרף, שלהרוג ולהתאכזר אליהם לא נחשב לחטא...». אנשי העם סובלים במגוריהם העלובים, מחפשים נחמה בשירים עצובים, חולמים על אבירים וגיבורים, אשר יגיעו ויצילו אותם.

יהודים הרריים

עד לתקופה האחרונה, מעטים היו אלה שידעו כי מתוך 36 עמים שאכלסו את דגסטאן נכלל גם העם הקטן של יהודים הרריים או טאטים, כך קראו לנו בתקופה האחרונה תוך שיוכנו לטאטים המוסלמים. מימים קדומים היהודים הרריים חיו בהרבה התיישבויות בהרי קווקז. יהודים הרריים עצמם, ההיסטוריונים וחוקרים רבים מהמאות קודמות: וילס רוברוק (1220/1293-1293), אדם אולאריי (1603-1671), יאן סטרייז (1630-1694), סמואל גוטליב גמלין (1745-1774), יהודה צ'ורניי (1835-1880) ואף החוקרים העכשוויים מחשיבים את היהודים ההרריים לצאצאים של השבטים יהודה ובנימין. במחקר החוקרים רואים קשר לא מבוטל בין הגעתם של היהודים להרי קווקז לבין גלות אשור ובבל.

בשנת 722 לפני הספירה, האשורים כבשו והגלו עשר שבטי ישראל. השבטים יהודה ובנימין תקופה ארוכה חיו תחת ממשלת יהודה. בשנת 586 לפני הספירה הוגלו לבבל ע"י השליט הבבלי נבוכדנצר לאחר חורבן בית המקדש הראשון.

נאמר כי עשרת השבטים הצפוניים אשר נעלמו עקבותיהם בהיסטוריה נחשבים לשבטים האבודים, לעומת זאת ידוע כי חלק מהשבטים יהודה ובנימין- אבותיהם של היהודים ההרריים, אחרי שעברו תקופות קשות של סבל ונדידות הם התיישבו בשטחים ההרריים באזורי קווקאז. ההיסטוריה של היהודים ההרריים- פרק ייחודי בהיסטוריית הציוויליזציה העולמית. הם חיו מוֹקפים בעמים מוסלמים, ניהלו איתם יחסי גומלין אבל מעולם לא התערבבו עימם, נשארו נאמנים ושמרו מצוות של התורה. הם חגגו את חגי ישראל, כיבדו את ימי האבל ושמרו שבת. בכך שימרו את הייחודיות האתנית שלהם. למרות, שבהיסטוריה יש הוכחות רבות על אילוצם להתאסלם כנגד רצונם. בדומה לכל שאר הקהילות היהודיות ברוסיה ובעולם, הם חוו על בשרם פוגרומים אכזריים והפגנת אנטישמיות נגדם.

המונח «יהודים הרריים» הופיע לראשונה במאה ה-19 לאחר כניסתה של דרבנט לאימפריה הרוסית. יחד עם הצבא הרוסי הגיעו לדרבנט גם חוקרי היסטוריה שנדהמו לגלות כי חיים בה אנשים מאמינים הדוקים בתורה ששומרים את מצוותיה, אשר לחלוטין לא דומים ליהודים החיים בשטח של רוסיה. יהודי קווקאז כמו שאר העמים ההרריים היו בעלי מזג חם, ידעו לדחור על סוסים והיו בעלי יכולת להגן בנשקם על עצמם ועל בתיהם. עד כמה שגורלו של העם הקטן הזה הוא טרגי ככה הוא גם אדיר. מזמן כבר נעלמו עמים גדולים אשר פעם התסיסו את העולם, נעלמו ארצות של מות אשר לא הצליחו להתגבר על הקשיים שהגורל העמיד בפניהם, ולעומת זאת העם הקטן הקרוי «יהודים הרריים» בזכות המיומנות והיכולת האדירה שלו להתגבר על מכשולים וקשיים בדרך, הצליח לשרוד. העם חי עם אלוהים בליבו, הוא העביר את אמונתו מדור לדור ובכל הזמנים נולדים בעם הזה אנשים חזקים בנפשם, גיבורים אשר הקריבו את עצמם למען האחרים. אך לצערנו שמות של רבים מהם לא נרשמו בהיסטוריה מה שהפך אותם «לאבודים» אבל למזלנו הרב חלק מהשמות כן תועדו, הגיעו לימננו ונשמרים בזיכרונם של צאצאיהם ועוברים מדור לדור.

מרדכי אבשלום סיבירי האגדי

מרדכי אבשלום סיבירי או על פי הרישומים במשטרה של צאר מרדכי אבשלום-אוגלי – היה איש חיל, מרדן, רודף צדק, מגן על החלשים ואחד מאבות הפואזיה (השירה) של היהודים ההרריים. אלוהים העניק לו במידה שווה גם כוח אבירי וגם כישרון בכתובת שירים ובזכות זה הוא היה ונֶ" שאר אישיות ייחודית בהיסטוריה של היהודים ההרריים.

מרדכי נולד בדרבנט בערך בשנת 1860 למשפחה קשת יום. בעם אמרו כי התינוק נולד במשקל רב מהרגיל ובילדותו היה גבוה לגילו. אימו נפטרה עוד לפני שמלאו לו שבע שנים. בגיל תשע הוא כבר התחיל לעבוד אצל בק (עשיר, בעל הון). בשכר מעבודתו בחקלאות הוא שילם את שיעוריו בבית הכנסת הגדול בדרבנט אצל הרב ישרואיל. בראש ובראשונה הרב לימד את מרדכי תורה, אך מכיוון שהיה בן אדם מאוד מלומד לתקופתו הרב לימד אותו גם על תרבויות רבות אחרות כגון: תרבות טורקית-אז'רביג'נית, יהודית הקדומה ופרסית. בקצרה ניתן לומר כי מרדכי לא רק למד דברי תורה וברכות אלא שהוא גם נחשף לעולם המופלא של הפואזיה המזרחית. עם השנים הילד גדל והפך לבחור חסון וחזק. הקול הרך והילדותי הוחלף בקול בס נמוך. לאחר שלמד לנגן על סאז וקומוז (כלי נגינה אותנטיים מזרחיים) הוא

מאוד אהב לשיר שירים עממיים וללוות עצמו בנגינה. עד מהרה הוא הפך לאורח כבוד בכל החגיגות והחתונות של היהודים ההרריים. בתחילה הוא שר שירי עם אך בלי שהוא שם לב הוא החל לאלתר, להוסיף דברים מעצמו ולבסוף החל לכתוב שירים משלו. בחייו החלה תקופה חדשה השירים שלו הופצו בעם, והוא הוזמן לכל האירועים, חגיגות, חתונות וכדומה. מרדכי הרחום לא יכול להתעלם מצרות של הזולת ולכן ניתן היה לראותו גם בבתי עלמין ששם הוא גם היה שר, רק שהפעם שירי אבל עצובים. לא מדויק לקרוא לזה שירים אלו היו פיוטים טקסיים של תפילות, כמו חזן.

מגיל צעיר מרדכי גילה את העוני, את הדיכוי שהעם חי בו, חוסר צדק מצד השלטון כלפי העם ועליונותם של הבקיס העשירים. כמו לרוב העניים בדרבנט למרדכי לא היה כלום, לא בית משלו, לא אדמה, לא מקצוע קבוע כל מה שהיה לו זה הכוח בידיו ונפשו החזקה. עמו חיי בשכונה «טנגה מחאלה» (סמטאות צרות) בעיקר בבקתות שכורות. הבקתות היו בנויות מלבנים העשויים מתערור בת של קש עם חמר או מורכבות מחלקי אבנים, לכן הם היו חשוכות, ללא חלונות עם תקרה נמוכה. בגלל רעב תמיד, לכלוך וחוסר באמצעים סניטריים בשכונה היו מאוד שכיחות מחלות קשות כמו שחפת למשל. על מנת לפרנס את משפחתם היהודים ההרריים עבדו במשק כשכירים בכרמים, בדיג ובחקלאות אך העבודות האלו בדרך כלל היו עונתיות וזמניות.

מרדכי היה עני כמו כולם אבל מה שהבדיל אותו מהאחרים זה שהוא תמיד היה הולך עם ראש מורם ואף בק או עשיר לא יכול היה לגרום לו לוותר על הכבוד העצמי שלו. בעם סופרו הרבה סיפורים על אופיו החזק, גאוותו ועצמאותו. הנה אחד מהם:

אחד מהמעיינות הקדומים של דרבנט היה «חאן-בולח». בימינו המעיין הזה כבר לא קיים אך באותה תקופה הוא היה פעיל ונחשב לאתר תיירות הכי מפורסם בעיר. יום אחד מרדכי הגיע למעיין והתמקם לו על אחד האבנים. באותו זמן הגיע למעיין גלמיס שהיה באותה תקופה נציב בעיר, אדם עבה בשר ומאוד גאוותן. הוא התרגל ליחס מועדף והגיב ברגישות יתרה לחוסר תשומת לב לאישיותו הנכבדה. כולם ידעו על כך ולכן ברגע שראו אותו מיד קמו ממקומם וקדו קידה לכבוד הנציב המתקרב. כולם נהגו כך חוץ ממרדכי, הוא ישב במקומו כאילו לא שם לב לנציב המגיע. כאשר הנציב ראה את מרדכי היושב לו על האבן הוא האדים מעצבים ובעצמו ניגש אליו וצעק:

איך אתה מעז מנוול לא לקום לכבודי ולא לקוד לי קידה?!

מי אתה בכלל שאני צריך לקוד לך קידה? – אמר מרדכי והמשיך לשבת במקומו...

עד היום מוכר בעם אחד מהשירים של מרדכי אבשלום שלצערנו לא נשמר, אך ידוע תוכנו הכללי, שאותו הוא כתב כמסר לשיח פרסי. באותה תקופה השח הפרסי היה נסרידין-שיח, על מנת להראות לכולם את שמדינתו עשירה וחזקה היה לו הרמון עם 1200 נשים. אבל מדרכי שלא היה לו כל רכוש חוץ מהפיגיון על החגורה ועז, כתב בשירו לשח הפרסי שהוא, מרדכי, לא מוותר לו בחזקו ובמצבים מסוים הוא אף מתעלה עליו.

על פי העדויות מרדכי היה בן אדם גבוה קומה (מעל 2 מטר), בעל כתפיים רחבות ועצמות גדולות. תווי פניו הגסים נראו מאוד אצילי. במיוחד הדהימו ידיו הגדולות עם כפות ידיים רחבות וכבדות כאילו היו יצוקות מעופרת. הוא היה בעל שפם וזקן שחורים אשר תמיד דאג שהיו מסודרים ומטופחים.

מרדכי ניחן בכוח פיזי אדיר, בכל דרבנט לא נמצא אדם חזק ממנו. סיפרו שפעם אחרי גשם זלעפות בדרך חזור מהכרמים עגלת ההובלה נתקעה בבוקר. בעל העגלה עשה כל

מה שביכולתו על מנת להוציאה מהבוץ, הוא הכה את הסוס בשוט בחוזקה רבה אך הסוס לא יהיה מסוגל להזיז את העגלה ממקומה. מרדכי אשר עבר בקרבת מקום ראה את מצוקתו של האדם והסוס והחליט לעזור להם. הוא חלץ את נעליים, קשר סביב העגלה חבל ואת קצו השני קשר אל גופו, אחז בשתי ידיים בעגלה ומשך עד שהוציא אותה מהבוץ. חוץ מכל זה באמצעות כוחו האבירי הוא «סייע» לעשירים למלא את חובותיהם ולשמור את מצוות התורה. הרי לפי החוקים העשירים היו צריכים לתרום לבית הכנסת על מנת לתמוך ולעזור לעניים. אך הם לא מיהרו לעשות זאת ולא הראו נכונות לתרום. במקרים כאלה מרדכי היה מגיע אליהם לביקור ומוציא מהם «נדבות» לעיתים אפילו בלי להפעיל כוח אלא רק באמצעות מראהו המאיים. את אותם התרומות היו מחלקים לאנשים חולים, יתומים וקשי יום על מנת לנסות להקל על חייהם ולהצילם מרעב. כמובן שבדרך זו הוא רכש לעצמו לא פחות אויבים מחברים.

שוטר- מפר הסדר

דרבנט כמו כל אזור הקווקז ורוסיה כולה נכנסת לתקופה מאוד מעורפלת, התקופה מאופיינת במאבק מתמשך בין העמים והתפרצויות אנטישמיות קיצוניות. לעיתים התפרצויות הזעם נגד היהודים התחילו ללא סיבה מוצדקת. לא היה מי שיעזור במצב הזה. מרדכי מאוד רצה לעזור לעמו, תחילה הוא ניסה לעשות זאת בעזרת כישרונו כמשורר וזמר בכך שהוא כתב שירים שיגייסו את העם ויגבשו אותם לעזרה הדדית, למשל:

בואו נבטל את הרוע, ונחיה בשלום
הסכמה וחברות הם עמודי התווך של העולם...

הוא ביצע את שיריו במקומות ציבוריים, בכיכרות ובשווקים אך לא הצליח להשיג את התוצאה הרצויה. אי לכך מרדכי אשר ראה את הסבל של עמו החליט לרשום מכתב לרשויות המקומיות מלא באמונה בצאר ובאלוהים. אך גם הפעם לא קיבל את האפקט המצופה. לאחר שהבין כי כתיבתו היא חסרת משמעות הוא מחליט להתגייס למשטרה העירונית כי באופן נאיבי ביותר האמין כי במדי שוטר שומר חוק הוא יהיה הרבה יותר מועיל וישפיע על המצב. למשטרה קיבלו אותו ברצון רב מכיוון שחשבו ששוטר כזה גבוה קומה ובעל כזה כוח פיזי יהיה מאוד יעיל בתפקידו לשלטון המקומי. איך שהם טעו! גם במדי השוטר הוא המשיך להופיע בכל המקומות הציבוריים בקריאות להסכמה, חברות ועזרה הדדית. שוטר כזה לחלוטין לא התאים למוסכמות ולהשקפת העולם של השלטון המקומי ולכן תוך זמן קצר הוא הודח מתפקידו.

ראיתי הבעות פנים הדומים למאובנים.
בדומה לאבנים שאין בהם רוח חיים.
הייתי ממלא את תפקידי כמו שאר השוטרים.
אילולא אותם פנים.
אפיטף «פני האבן»

מרדכי אבשלום שבוי סיבירי

החיים נהיים עוד יותר קשים והאנטישמיות הולכת ומתפשטת, מרדכי אשר תמיד כתב בשיריו: «הלוואי ולא ישמעו עוד אנחות של סבל», «כולנו אחים», «קורא לכם לחיות בשלום» מתחיל להבין כי הפתרון לתוקפנות והאכזריות המופנות כלפיהם הוא רק על ידי תקיפה חזרה. מתחילה תקופה חדשה בחייו המאופיינת בהשקפות עולם אחרות, בחשיבה שונה ומעשים שבעקיבותם בגדיו הוחלפו לבגדי אסיר. לפי מה שמרדכי אבשלום כתב באחד משיריו 15 פעם הוא נידון לעבודות פרך בסיביר שמתוכן 12 פעמים הוא הצליח להימלט. לא ידוע כיום אם זה היה פרי דמיונו של מרדכי או שזו היא עובדה קיימת מכיוון שבעם נשמרו רק מספר עדויות על המעצרים שלו וביניהם המעצר הראשון שלו בו הוא נשלח לראשונה לעבודות פרך בסיביר.

שנות ה-70 של המאה ה-19. מרדכי עבד בתור שומר במחנה עבודה בדרבנט. באותו הרחוב איפה שהיה ממוקם המחנה היו גם מספר מכולות ודוכנים ושלוש בתי כנסת. חוץ מהמחנה מרדכי דאג לשמור גם על שאר המקומות ולכן אף גנב או פושע לא העז להזיק למכולות, בתיים או בתי כנסת באותו רחוב. ערב אחד בעת מילוי תפקידו כאשר עשה את הסיור הקבוע שלו הוא היה שקוע במחשבות על עמו ועל גורלו ולפתע שמע צעקות נשיות וקריאות לעזרה. התברר ששוטר שיכור ניסה לאנוס בחורה יהודיה צעירה אשר גרה בקרבת מקום. השוטר ניצל את ההזדמנות כי ידע שהבחורה גרה לבדה. הוא היה בטוח שזה היה טרף קל, כי מי בכלל יבוא לעזרתה של בחורה בודדה ומי יעז להתנגד לשוטר חמוש. למרות שלא ציפה לזה אבל נמצא האדם שנרתם להגנתה. בזמן שמרדכי הגן על הבחורה הצעירה הוא לא תיאר לעצמו שהוא שם על כף הגורל את חייו. כאשר ראה השוטר שהוא שמפריע לו במעשיו ומשבשש לו את מילוי צרכיו הוא התנפל עליו מטושטש וזועם תחת השפעת האלכוהול ותוך כדי הקטטה מצא את מותו על סכיניו של מרדכי. מרדכי החביא את גופתו של השוטר במחסן ונעלם מהמקום. זמן קצר לאחר מכן הגופה נמצא והשוטרים החלו בחקירות ובחיפושים אחרי הרוצח בכל הבתים, המקלטים ומקומות המסתור האפשריים באזור. הם היו מספר פעמים אפילו אצלו בבית אבל בכל פעם אשתו ובתו אמרו להם שמרדכי לא נמצא. מאותה תקופה נוסף פתגם חדש בעם והוא: «גל-גיט, מרדכי אבדה יוחטור» – «תבוא-תלך, מרדכי לא בבית». בפתגם הזה משתמשים כאשר רוצים לציין משהו שהוא חסר משמעות, שפעולה כלשהי היא חסרת תועלת. למרות שחברים של מרדכי להסתיר אותו הרבה זמן, היו לו גם הרבה אויבים שבעזרתם המשטרה הצליחה לאתר ולעצור אותו. מאות אנשים היו מגיעים למקום מעצרו הזמני על מנת לעודד אותו ולתמוך בו.

לאחר מכן היה המשפט. במשפט מרדכי הודה שהוא הרג את השוטר אך ניסה להוכיח את חפותו ואת אשמתו של השוטר שהרי הוא ניסה לאנוס את הבחורה ולהכתים את שמה לנצח. אך המשפט התעלם ממילותיו של מרדכי ונתן יחס מועדף למילותיהם של העשירים המקומיים אשר טענו כי הוא פושע ומהווה סכנה רבה לציבור. הם סיפרו גם שלא פעם הוא השתמש בכוחו על מנת למשוך מהם כספים ואוכל, החזיק אותם בפחד מתמיד ובא להגנתם של לובשי הסחבות המשוטטים ברחובות. על אותם עדים המתנדבים מרדכי כתב:

מרדכי אבשלום סיבירי משורר מרדן 1860-1925

מתנדבים עשירים, הלוואי ויהיו מקוללים לעד.
בית המשפט לא קיבל את האמת כי קראו לי פושע.
התובע, השופט וחבר המושבעים קבעו כי אני מהווה סכנה.
דנו אותי לעונש חמור ונשלחתי לעבודות פרך.

מרדכי אכן נידון לעונש ממש חמור, הוא נשלח ל- 15 שנים של עבודות פרך בסיביר שבאותה תקופה עונש כזה היה שווה ערך לעונש מוות. למרות האומץ והגבורה של מרדכי הוא בכל זאת פחד מה" עונש: הוא היה צפוי להגיע לסיביר הרחוקה, קרה ואכזרית בה הוא ככל הנראה יצטרך לחיות את שארית חייו ללא משפחה, קרובים וחברים. הוא יחיה בסבל רב וימות הרחק מעיר מולדו דרבנט. באחד משיריו כתוב:

ברגע שנקבע גזר דיני החלו לרעוד ברכי.
לא קיימות מילים המסוגלות לתאר את הזוועה הזאת.
את מכתבי העצוב אני שולח לכם מהשאול.
ואת, יקירתי, הפכת לאומללה.

באמצעות אוניית קיטור מרדכי נשלח לסיביר, האוניה הייתה עוברת במסלול קבוע אשר נקרא "יוז'נאיה ולאדימירקה": באקו-אסטרסאחאן-סיביר, בו היו אוספים את כל העצורים של דרום רוסיה שניהדו לעבודות פרך בסיביר. לא נמצא בידינו מידע מדויק על שנות חייו במעצר בסיביר. רק משיריו אשר הוא היה שולח אנחנו יכולים להבין על כל הסבל שהוא עבר והערגה שהוא חש כלפי כל מה שהשאיר מאחוריו בדרבנט. אך ניתן גם לראות על פי אותם שירים כי שנים רבות של עבודות פרך לא שברו אותו, ההפך הוא הנכון, הוא התחזק והלהט שלו אף התעצם. חשוב לציין כי בהיותו רחוק מהמולדת הוא כתב את שיריו הטובים והמוצלחים ביותר.

מרדכי חוזר לדרבנט בתחילת המאה ה- 20 בערך בשנת 1903 לקראת ניסיונות מהפכניים ראשוניים ברוסיה. בחזרתו העם הפשוט פתח בצהלה וקריאות שמחה. מעתה הכינוי סיבירי הפך להיות חלק בלתי נפרד מהשם שלו. כאשר חזר הוא צלע ברגלו הימנית אשר נפגעה מבוץ עץ שנפל עליו כאשר עבד בכריתת עצים. על מנת להקל על ההליכה הוא נעזר במוט מתכתי עבה שבו הוא השתמש עד סוף חייו. אנשים סיפרו שהמוט הזה היה כל כך כבד שאדם רגיל לא היה מצליח אפילו להרים אותו, אבל בשביל מרדכי זה היה כאילו המשך של ידו. אותו מוט הפך להיות מעין עמוד בגדר הגבול המפריד בין האנשים שהוא אהב לעולם האכזר שהקיף אותו.

בכאב לב מרדכי מגלה כי העוני והאנטישמיות אף התגברו בשנים שהיה במעצר. מרדכי לא יכול היה להתעלם מהעובדה שלעשירים ניתנה יד חופשית לעשות כרצונם עקב שיתוף הפעולה שלהם עם הרשויות המקומיות והתרומות שלהם למוסדות עירוניים. העשירים התעשרו אף יותר תוך כדי ניצול ודיכוי המעמד הנמוך. אי לכך המוט שלו אשר משמש אותו להליכה הופך גם לכלי נשק מסוכן. במידה ולא יכול היה להימצא בקרבת מקום הוא היה תוקע את המוט שלו באדמה כמצייץ גבול בין השכונה היהודית ושכונה המוסלמית. אנשים בעלי כוונות רעות חששו להתקרב למוט ולחצות את הגבול. אף אחד לא העז לגעת במוט עד שמרדכי בעצמו היה מגיע ולוקח אותו. לפורעים האנטישמיים המוט סימל את נוכחותו של מרדכי בדרבנט והשכונה של היהודים ההרריים מוגנת מסכנות.

סיפרו כי פעם בחזרתו לדרבנט מרדכי רתח מכעס למראה ההרס שנגרם בעקבות פורענות אנטישית מית בשכונה שלו. הוא אסף את כל גברים הצעירים, ציווה עליהם להתחמש והוביל אותם לשכונה המוסלמית מממנה הגיעו הפורעים. כאשר החבורה היהודית נראתה נכנסת לשכונה המוסלמים החלו לצעוק וללעוג להם. ברגע שנראה מאחוריהם מרדכי כל הפורעים התפזרו לבתיהם, נעלו את השערים והדלתות, ואף אחד לא העז להיענות לקריאה שלו להילחם נגדו אחד על אחד.

רובין הוד מדרבנט

שמו של מרדכי מתפרסם ברבים. העניינים בעיר מאוד גאים בו ואוהבים אותו. אבל רוב העשירים שונאים אותו ומחשיבים אותו לאויב שלהם. היו להם סיבות לכך: רבים מהם חויבו «בקנס קבוע». בדומה לדמות המפורסמת בימי הביניים באנגליה, רובין הוד, שכמובן מרדכי לא הכיר, הוא היה לוקח כסף ואוכל מהעשירים ומעביר לבית הכנסת לתרומה לאנשים דלי אמצעים, חולים, יתומים וכל מי שהיה זקוק לעזרה.

בערך באותו זמן, כאשר מרדכי חזר ממעצרו, לבית הכנסת הגדול הגיע חזן אסאיל בינאייב (-1882 1958) – בחור צעיר ומאוד מלומד לגילו. למרות ההפרש בגילאים ושהרב מונה לתפקיד בזכות חותנו חנוכייב שהיה מיליונר באותה תקופה, מרדכי והחזן התחברו מאוד מהר. ככל הנראה החזן הצעיר מאוד התעניין בדמותו הייחודית של מרדכי והוא היווה עבורו דוגמא לאדם אשר משרת את עמו ללא תמורה. יש האומרים כי החזן הצעיר אף הלך עם מרדכי לעשירים על מנת לגבות מהם את התרומות ובשלב מסוים הוא אף מינה את מרדכי כאחראי על כספי בית הכנסת. כך נראים היחסים בין השניים לפי הגרסה של חיזגיל אבשלומוב, אשר תיאר במאמר שלו מקרה אשר נשמר בזיכרוננו של העם. במקרה זה מרדכי הטיל מס על אחד העשירים בשם אילקונו אשר בלט במיוחד ביחסו הרע לעם הפשוט. המקרה המתואר התרחש בחצר של הבית כנסת. מרדכי הגיע כאשר על חגורתו תלוי פגיון ובידו המוט המפורסם שלו. לאחר שבירך את כולם לשלום הוא התקדם והתיישב ליד אילקונו. כל האנשים הנמצאים שוחחו איך שלפתע אלקונו קפץ ממקומו וצעק. אף אחד לא יכול היה לתאר לעצמו שזה מעשה ידיו של מרדכי שצבט אותו בישבנו.

תשתוק ותקשיב לי! – אמר מרדכי בקול מאיים. – לך הביתה ותגיד לאשתך להכין בוקלמה מדג סלומון (מאכל אתני דומה למרק דגים) ואורז, תחתוך ירקות ותביא מהמרתף חבית מהיין הכי טוב שלכם. אנוכי וכבוד החזן מגיעים אליכם היום לביקור. העונג כולו שלי! – עם חשש מלמל אלקונו. – אורח שנשלח לי מאלוהים.

נראה אותך מדבר על עונג אחרי הביקור – המשיך מרדכי. – ידוע לך שניסונו (פסח) מתקרב ולהרבה משפחות אין כסף לקנות לעצמם כיכר לחם שלא נדבר על מצות, יין ובשר. אז חוץ מכל האוכל תכין גם 300 רובל כתרומה לבית הכנסת שתחולק בין כל הנוקקים. (300 רובל באותה תקופה היה הרבה כסף, בכזה סכום אפשר היה לארגן חתונה גדולה).

לעיתים קרובות האנשים פנו בעצמם למרדכי שיעזור להם להשליט צדק מכיוון שהרבה עשירים אשר שכרו את פשוטי העם לעבודה לא רצו לשלם להם שכר או שילמו פחות. סיפרו על אחד מהעשירים האלה שהיה בעל הפרדסים שבאופן קבוע היה משלם פחות לעובדים שלו ולא רק זה הוא גם תמיד היה מעכב להם את המשכורת, מה שאילץ

אותם להשפיל את עצמם ולבקש ממנו את הכסף מספר פעמים. כל פעם היה תירוץ אחר, הוא לא בבית, הוא ישן, הוא עסוק תבואו מאוחר יותר.

אחד מהשכירים שלו אשר הגיע למצב של ייאוש פנה למרדכי וביקש את עזרתו. מרדכי הגיע עימו לביתו של העשיר ובחצר ביתו מול שתי נשותיו, ילדיו, העובדים וכל מי שהיה בסביבה סטר לו כל כך חזק שהוא התהפך כמה פעמים באוויר. מרדכי אילץ את העשיר לתת לשכיר את כל מה שמגיע לו ובנוסף את אותו הסכום כפיצוי על ההתאכזרות כלפיו.

הכותב מיכאל דאדאשיב תאר בכתבה שלו מקרה אחר המתועד ממילותיו של סימון יוסופוב. באחד הימים כשמרדכי היה בדרכו למעין המפורסם «מיקרי בולג» ממנו אנשי העיר היו שואבים מים. בדרך הוא פגש בחורה יהודיה בוכה, לשאלותיו היא ענתה שלא מרשים לנשים יהודיות לשאוב מים מהמעין. «מה את אומרת?! – מרדכי אמר בזעם. – בואי איתי, בתי». למרות צליעתו הוא עלה עם הבחורה למעין, תקע את מוטו באדמה תלה עליו את כובעו ואמר בקול רם ככה שכולם ישמעו «אני רוצה לראות איזה בן כלב יפריע לנשים שלנו לשאוב מים מהמעין». גם אחרי תקופה שלא היה כבר זכר למוט של מרדכי אף אחד לא העז למנוע מהנשים היהודיות לשאוב מים.

סיפרו גם שמרדכי עזר לא רק לעניים אלא לכול תושבי העיר. אני נזכר איך בתקופת הנעורים שלי גיליתי משיחה מקרית עם סנדלר-אזרבייג'ני זקן שגפיו התחתונות קטועות אשר עבד מול תיאטרון «רודינה», איך מרדכי עזר לבחורה אזרבייג'נית בודדה והציל אותה מהטרדות של עבריינים. לפי מילותיו של הסנדלר הוא לימד אותם «לקח» שגם הם וכל האחרים זכרו אותו עוד להרבה זמן. אין ספק שלמרדכי היו הרבה אויבים אך היו לו גם הרבה חברים יהודים, דרגינים ואזרבייג'נים. למשל המשורר הלסגיני, קאזי קאזייב בסיפורו «קארי בורה» מתאר את מרדכי אבשלום – החבר הקרוב ביותר של הלסגינים.

אחד מחבריו הטובים ביותר של מרדכי היה קארים אלקפר-אוגלי הוא גם היה בן אדם אמיץ וחזק שלא ידע פחד. הם עברו הרבה קשיים יחד והיו כמו שתי טיפות מים. עד שיום אחד משהו «בעל כוונות טובות» ניסה לסכסך בניהם וסיפר לקארים דברי שקר על מרדכי. האזרבייג'ני הזועם קרא למרדכי לדו קרב על פגיונות. במקום של הדו קרב ציירו בגיר עיגול שאסור היה להם לצאת מתוכו עד שאחד מהם היה נופל ללא רוח חיים. על מנת לקבוע מי יהיה הראשון שיכה הטילו מטבע שקבע כי הראשון שיכה יהיה מרדכי. אחרי שחשפו את הפגיונות שלהם הם עמדו והסתכלו אחד על השני, אנשים מכל עבר באו כדי לצפות בדו קרב, אך הוא לא התחיל: מרדכי סירב לתקוף ראשון הוא רק עמד בגאווה וחיכה.

תכה כבר, מרדכי! אני ממתין! – צעק קארים.

לא אתה תכה ראשון! – ענה לו מרדכי.

איך אני אכה? לפי המטבע אתה צריך להכות ראשון.

בשם החברות שלנו וכל מה שעברו יחד אני נותן לך את הזכות להכות ראשון. אל תדאג לא משנה באיזו חוזקה תכה בי ואיזו פציעה תגרום לי אני אצליח להגן על עצמי ולהחזיר לך מכה.

למשמע מילים אלו שיכלו לצאת רק מפיו של בן אדם באמת אמיץ, חזק ואצילי קארים שוכח מכל העלבונות והכעס וזורק את הפגיון שלו למרכז המעגל ולשם משליח את פגיונו גם מרדכי. השניים לחצו ידיים התחבקו כמו אחים ונשארו חברים קרובים לשארית חייהם.

הגליות, בריחות ומלחמה בין רוסיה ליפן

מרגע חזרתו של מרדכי מהגלות בסיביר המשטרה קיבלה עליו תלונות בלתי פוסקות מעשירי העיר שהאשימו אותו בפשעים כמו סחיטה ואיומים.

באביב העצים מתמלאים בפרחים.
ריחם הקסום עוטף את העיר.
לשווא הבקים מגנים אותי פושע.
אני לא פושע, נפשי נקייה בעיני אלוהים.
«אחרי המשפט»

למרות שחייו עברו ממעצר למעצר ומהגליה אחת לאחרת, מרדכי לא משתנה. הוא כמו תמיד אורח כבוד בכל האירועים והחגיגות העממיות, רבים מתאספים סביבו על מנת לשמוע את דבריו והוא עדיין מהווה דמות להערצה במיוחד לדור הצעיר. הוא שר את שיריו הנהדרים, בדבריו הוא משתמש בהרבה ניבים ופתגמים, ובערבים הוא היה מספר את סיפורי המעשיות שלו. בכל מסיבה הוא הופך להיות הנשמה של החבורה. בגלל היותו ילד למשפחה ענייה הוא תמיד היה רודף צדק, מגן ועוזר של המעמד החלש.

ידוע מקרה נוסף על כך שפעם בדרך מדרבנט לבלדג'י, מרדכי שדד עגלה שנשא בתוכה את כל המינים שסאספו מהעניים. מרדכי לקח את כל הכסף והחזיר אותו חזרה לאנשים. במולדת שלו, דרבנט, הוא לא ביקר הרבה אבל העם תמיד חיכה לו ופגש אותו בזרועות פתוחות. הוא היה מגן של כולם אבל לצערו הוא לא מצליח להגן על משפחתו. צרה צרורה פוקדת אותו כאשר הוא מגלה שאשתו האהובה, נרגוז נפטרה במהלך לידה קשה. מאוד קשה לו להתגבר על האובדן הזה והכי קשה בשבילו הייתה המחשבה שבזמן שזה קרה הוא ישב בכלא וחיכה לגזר דינו. חשוב לציין שבחייו מרדכי היה נשוי שלוש פעמים, אבל שירי אהבה הוא כתב רק לאשתו הראשונה, נרגוז. 1905. בניסיון להסיח את דעתו של העם מהרצון למהפכה, הצאר ניקולאי השני פתח במלחמה עם יפן. המלחמה הפכה לטבח, בשדות הקרב שלה כל יום נהרגו אלפי אנשים. השלטון של דרבנט בדומה לערים אחרות, ברצון רב שלחו «למטחנה» את מפרי הסדר שבניהם היה כמובן גם מרדכי.

ביום המקולל של הגיוס שלי,
נשמעו קולות איומים של תופים.
זה לא אלוהים שלח אותנו למלחמת מוות –
את המלחמה התחיל שליט צמא-דם.

«מכתב מצבא הצאר הביתה»

התמזל מזלו של מרדכי לשרוד את הגהנום הזה והוא חזר לביתו עם צלב הצאר (עיטור כבוד על גבורה). הצלב הזה נשמר שנים רבות אצל בתו זולפו ואנחנו בילדותינו שמענו רבות מהורינו סיפורים על עיטור גבורה זה.

אחרי חזרתו מהמלחמה, מרדכי התחתן פעם נוספת עם בחורה צעירה מהעיר גובאה. אך חייהם המשפחתיים השלווים לא נמשכו זמן רב מכיוון שמרדכי שוב נעצר והיה צפוי לו משפט שהשלכו־ תיו היו הגליה נוספת לסיביר ובריחה ממנה. מרדכי היה כמו עצם בגרון לרשויות המקומיות, כל פעם אחרי מעצרו היו מגיעים עשרות אנשים למקום המעצר שלו ומפגינים בדרישות לשחרר אותו לחופשי. פעם באחד מהמפעלים מרדכי גונן על אחד מהעובדים אשר הוכה באכזריות, התפתחה קטטה רצינית בינו לבין השוטרים שבמהלכה מרדכי קיבל 15 פציעות. אבל הגיבור לא ויתר «אתם סיימתם?! אז עכשיו אני אתחיל!» עם המילים האלו הוא תוקף את השוטרים, הורג אחד מהם וכורת יד לשוטר נוסף.

למרות היותו פצוע, גוזרים עליו הגליה ועבודות פרך ובאזיקים שולחים אותו לפורט-פטרובסק. באמ־ צע הדרך בערך באזור איזברבאש מרדכי קורע את האזיקים, פוצע את השומר ומנסה לברוח, אך ניסיון הבריחה נכשל. בעקבות העבירה הזאת הוא נשלח מפורט-פטרובסק להמשך חקירה לעיר טיפליס, שם נמצא משכנו של מושל קווקז. משם דרך העיר ניקולאייב שלחו אותו לעיר אירקוטסק (סיביר). במקרה אחר מרדכי הורג את שני בניו של בק עשיר על כך שהתעללו והתאכזרו לפשוטי העם. אחרי המשפט וגזר הדין קושרים את מרדכי לתורן הספינה שאמורה להביא אותו למעבורת שתעבור במסלול המוכר «באקו-אסטראחאן-סיביר». בכל זמן ההפלגה ליוו את הספינה הרבה סירות עם אנשים, מרדכי שהיה חזק ברוחו כמו תמיד, אלתר שירים במקום ודקלם אותם למלווים שלו. שי־ רים אלו הפכו להיות הכי מפורסמים וידועים בעם:

בידי חמש אצבעות, אצבעות חזקות
אם אסגור את ידי יהפכו לאגרוף.
לאויבי אגרופי זה כמו סלע כבד,
אבל בשבילך, ידידי העני, יהיה זה מגן.

«שבחים לאגרוף שלי»

היותו בן אדם בעל כוח פיזי אדיר ומאוד אינטליגנטי, בהגליה לסיביר הוא תמיד היה מקבל תפקי־ דים בכירים כמו מנהל עבודה, אחראי מחסן וכדומה. וכך גם ניתנה לו ההזדמנות לשרוד וגם לעזור לחבריו החלשים ממנו. לכן גם בהגליה הוא תמיד היה מוקף בהרבה חברים. כבוד מיוחד הוא היה מקבל מהאסירים המוגלים על רקע פוליטי, בזכותם הוא הצליח להתגבר על מחלות קשות, צפדינה וטיפוס הבהרות:

לא יכלו לעזור לי לא אח ולא אחות –
מטפלים בי חברי המדענים מרוסיה,
עושים משמרות כל היום וכל הלילה,
בלי לעצום עין מעבירים את הלילה ליד מיטתי.

«שיר במהלך המחלה»

מרדכי אבשלום אישיות מופלאה. הסיפורים הרבים עליו- הם כמו עלילות מוכנות לספרי הרפתקאות או ספרי בלשים. והנה אחד מהם: בפעם הנוספת שמרדכי נשפט ונשלח לסיביר הוא הובא אזוק בידיו וברגליים לאוניה שהובילה את כל האסירים. שמו אותו באחד מהתאים בבטן האוניה. לפתע אחרי זמן קצר מסיבה לא ידועה האוניה החלה לטבוע. מרדכי כנראה היחיד שלא איבד את העשתונות ושליטה על המצב. גם בעודו אזוק הוא הצליח לשבור את אחד החלונות ולקפוץ מתוכו. יומיים הוא שרד בעזרת חבית שנפלה מהאוניה כאשר שאר האנשים, אסירים, שומרים ומלחים טבעו יחד עם האוניה. אך לצערו הוא לא זכה לטעום מהחופש מכיוון שבחופי הים הכספי כבר חיכו לו השוטרים.

בהגליה מרדכי מפתח יחסים עם אישה רוסייה שגם נשלחה לסיביר עקב עבירות כלשהן. אך ברגע שמגלה כי האישה לא נאמנה לו, הוא לא מוכן לסבול בגידה במיוחד מבן אדם קרוב מכה אותה בחוזקה ומבצע בריחה נוספת...

מרדכי אבשלום ומהפכת אוקטובר

מהמעצר הראשון שלו ועד לשנים 1917-1918 מרדכי לעיתים רחוקות מאוד היה מצליח לחזור לגור בעיר מולדתו דרבנט. המלחמה בין רוסיה ליפן, מעצרים, הגליות... ואם הוא כן היה מצליח להגיע לדרבנט לרוב הוא היה נרדף ע"י החוק אחרי בריחה נוספת. כמו שהוא רשם באחד משיריו: «הימים השלווים נראים לי רק בדמיון». המצב הזה נמשך עד להקמת שלטון סובייטי בדרבנט. בהגעתו הנוספת לעיר שלו בשנת 1919 במהלך מלחמת אזרחים וניסיונות הפיכה מרדכי דווקא מקבל את כל זה באופטימיות. בעיר שלו שוב מתחוללת מלחמה אבל זו מלחמה טובה להקמת שלטון חדש, שלטון העם, הרי זו הייתה המלחמה המתמדת שלו. והוא בעודו כבר לא צעיר, עייף מעבודות הפרך בהגליות, רדוף ע"י המשטרה, שוב מרגיש עצמו צעיר ויוצא למאבק נגד האויב. הישג נוסף שלו שנרשם בהיסטוריה של עמו. אי אפשר לומר שמרדכי הוא מהפכן במלוא מובן של המילה אבל הוא לא היה עומד בצד ללא מעשה במאבק המתחולל. מהופנט מהתקווה והאמונה בחיים טובים יותר, הוא הופך לפעיל מאוד אקטיבי, נואם בכיכרות העיר, קורא לאנשים להתאחד ולהתגבש למאבק לקראת השלטון החדש. קשה לזהות אותו, הוא מלא מרץ ואופטימיות כמו שהיה בצעירותו.

הפנו פניכם למאבק, המאבק הכביר
תהיו אמיצים ותרמסו את האויב
אנחנו הקווקזים נקרב את הניצחון
במאבק על שלטון העם.

«מתוך נאום לצבא האדום לפני המלחמה»

אך השלטון החדש ניפץ את כל משאלותיו של מרדכי ואף החמירה את המצב של העם. הדוגמא הטובה ביותר לזה היה הרעב בשנות ה-20-30. מזיכרונותיו של המשורר מיש

בחשייב עולה כי בשנת 1922 בדרבנט שרר רעב ועוני. המשפחה של מרדכי כמו רוב המשפחות הייתה מאוד ענייה ונזקקת. בסוף הקיץ אחרי שכל היבול מהשדות כבר נאסף, יוסוף בחשייב חברו של מרדכי ואביו של מישי בחשייב הציע ללכת למושגור (מושב) בשביל לאסוף את כל השאריות מהשדות. באותם שנים היו נוהגים כך הרבה נשים בודדות, יתומים ואנשים נזקקים. החברים פנו לדרך יחד עם מישי שהיה באותה תקופה נער מתבגר. כאשר במושגור ראו שבין האנשים שהגיעו נמצא מרדכי האגדי בכבודו ובעצמו לא הרשו להם לעבוד תחת השמש הקופחת. הם הושיבו את מרדכי בצל כדי שינוח והזמינו אותו ואת חבריו להתארח אצלם וכך הם עברו מבית לבית. בסעודה המארחים רצו לרצות את מרדכי ולעלות את מצב רוחו אז הם דקלמו את שיריו ובכל דרך אפשרית הראו לו עד כמה הם שמחים וגאים שבן אדם מכובד כמוהו בה אליהם לביקור. מרדכי היה מאוד שמח ובלי סוף הודה למארחים. כמובן שהם לא שלחו אותו הביתה בידיים ריקות, אנשי מושגור נתנו לו ולכל חבריו שקים מלאים בקמח חיטה מעולה.

זה לא היה המקרה היחיד, סיפרו שפעם על מנת לפרנס את משפחתו מרדכי וחבריו נסעו לעיר חו"ד (כיום בשטחה של אזרבייג'ן) כדי לעבוד בתור שכירים בחקלאות אצל בעל אדמות אזרבייג'ני. כולם החלו לעבוד בשדה אבל על מרדכי נאסר לעבוד, השוכר הושיב אותו תחת צליה וכיבד אותו כמו אורח כבוד. כאשר חבריו סיימו את העבודה השוכר שילם לכולם בנדיבות ולמרדכי נתן במתנה עגלה מלאה בחיטה והוסיף לזה גם כבש בשרני.

קבל את זה יקירי! זה מכל הלב!

על מה כל זה מגיע לי? – בהתפלאות שאל מרדכי

מה לא זיהית אותי? זה אני אבאס! מה שכחת איך הצלת אותי ממוות בסיביר?

תסלח לי, חברי, לא זיהית אותך, – בחוסר נוחות ענה מרדכי.

עכשיו ביתי זה ביתך, – אמר בעל המקום וחיבק חזק את מרדכי, – אתה תמיד אורח רצוי אצלי תבוא מתי שתרצה.

אם אשכחך ירושלים...

היסטוריית חייו של מרדכי אבשלום הייתה רוויה בסיפורי מעשיות, אך זה שהוא ביקר בירושלים אינה מעשיה אלא אמת לאמיתה. התמונה המוצגת כאן נשמרה הרבה שנים ועברה מדור לדור במשפחה של יהודים הרריים שחיה בישראל מהמאה ה-19. צאצאי המשפחה הזאת חיים כיום בקיבוץ לא רחוק מכפר סבא, הם אלה שהעבירו לי את התמונה הזאת לפי 16 שנים. ההסבר ההגיוני ביותר הוא שהתמונה נעשתה בארץ ישראל, כי קשה מאוד לתאר שמרדכי אשר נשלח לגלות לסיביר, ברח משם עשה את כל הדרך הארוכה והקשה לארץ ישראל הצליחה לשמור על התמונה והשאיר אותה למישהו למוזכרת. וחוף מזה בדרבנט התמונה הזאת מעולם לא נראתה. מרדכי היה בארץ ישראל אפילו פעמיים. בפעם הראשונה מרדכי ברח לארץ ישראל כאשר נמלט ממשטרת הצאר. אין לנו דרך לדעת באילו דרכים הוא הצליח להגיע לארץ ישראל אבל לביקורו ישנם הוכחות כי הוא יצר קשרים עם משפחות של יהודים הרריים שבאותה תקופה כבר חיו בירושלים.

ב.ב.מנוח בספרו «שבויי סלמנסר» (יצאה לאור בישראל ב-1984) בעמוד 141 על סמך מקורות מהימנים כותב: «ידוע לנו כי מרדכי בן אבשלום דרבנדי וידידיה בן ראובן ז' ארגסקי הוגלו לסי' ביר. בישראל נודע לנו כי האנשים האמיצים האלו ברחו מסיביר והגיעו לארץ ישראל. אחרי המה' פכה בפברואר מרדכי חזר לדרבנט».

בפעם השנייה מרדכי מגיע לארץ ישראל למטרה מסוימת – הוא מביא ליהודים הריים תרומות מאחיהם בדרבנט. אך כמו בפעם הראשונה גם בפעם השנייה מרדכי לא יכול היה להתעכב בארץ הקודש. הוא מתגעגע לעיר מולדתו, למשפחתו וחבריו הקרובים. זה חזק ממנו ולכן הוא בכל פעם מחדש חוזר הביתה.

בארץ הקדומה של אבותינו
מילאתי את ריאותיי באוויר והתעוררתי לחיים.
אך ההרים הגבוהים ומולדתי דרבנט
עולים במוחי ללא הרף.

מותו של מרדכי

גיבורנו מרדכי הורעל בידי אויב במהלך חתונה יהודית
הגיבור העממי נרצח במרמה «ולכלא» הזה הוא כבר לא ישוב
שיהיה מקולל הרוצח לנצח ותהילתו של הגיבור תשמר בזיכרוננו לעד.
ש.שלומוב

באחד הערבים באוגוסט 1925 בחתונה של משפחה יהודית הררית מרדכי הורעל בקור רוח. השמו' עה המצער על מותו של המגוון העממי מיד התפשטה בעם. באותה מהירות הגיע לאוזניו של העם גם שמו של הרוצח.

ועכשיו בימינו, אין צורך לבטא מחדש את שמו של הנבל... זה כבר לא משנה כלום...
את מרדכי אבשלום קברו ביום בהיר, לדרכו האחרונה ליוו אותו כל תושבי העיר. את האלונקה עם גופו של מרדכי נשאו חבריו הכי קרובים – החבתן ומשורר שאול סימנדו, מספר אגדות וזמר חיזויאן אמין דאדאשב, יוסוף בחשייב והאזרבייג'ני קארים אגלי.
באותם שנים המבצע הטוב ביותר של שיריו של מרדכי נחשב אימרום נחשונוב. כאשר תהלוכת הק' בורה יצא מחוץ לעיר ועברה דרך השדות, אימרום נחשונוב שהלך יחד עם כל המתאבלים התחיל לפתע לשיר כנגד כל חוקי המסורת היהודית:

על צמרת העיר נשאת המצודה הלבנה
חומותיה יורדות ללב העיר
שערי הברזל והמינורט המרהיב –
שלחי לי ברכה, מולדתי דרבנט

ההרים התכסו בפרחי האביב
הגבעות נצבעו בכל צבעי הקשת
אך למי שאין האביב בליבם עיוורי צבעים הם ליופי הזה
שלחו לי ברכה,הרים יקרים.

בשקיעה השמש האירה את הוואדי
כיסתה בשמיכת הצל את כרמי הענבים
עכשיו גם נשמותינו פרודות
שלחי לי ברכה, יקירתי האהובה.

ההרים כוסו בטל של הבוקר
הפרחים מקושטים בטיפות של מטר
עכשיו שנשמתי עזבה את גופי
שלחי לי ברכה, אימי

אני, מדרכי פותח בפניכם את ליבי
הרבה צרות וקשיים סבבו אותי
יחד איתכם התגברתי על מכשולי החיים
אז שלחו לי ברכה, חברי הקרובים.

יש המספרים שברגע שקברו אותו מתוך עננים לבנים בשמיים בהירים לפתע ירד גשם. חברו הטוב
שאול סימנדו הרים את ראשו למעלה הסתכל על השמיים הבהירים, ניגב את הדמעות ואמר: «אפי'
לו השמיים מתאבלים על מרדכי».
כך הגיעו אל קיצם חייו של אחד הגיבורים- בנו של עמנו. העפר שלו קבור בבית הקברות היהודי
העתיק בדרבנט ושמו הפך לסמל אהבה לעמו, הגינות, הקרבה עצמי ורדיפת צדק.

כלי הנשק שלו היו הפגיון והעט

היצירות של מרדכי אבשלום סיבירי היוו אבן דרך של כל התרבות הכתובה של יהודי קווקז. הוא מילא
תפקיד מאוד חשוב בפיתוח הספרות של היהודים ההרריים. השילוב שהוא עשה בשירים שלו בין המסור'
רת האתנית לבין הקווים הכללים בתרבות קווקז יצר דוגמאות של יצירות תרבות גבוהה לאותה תקופה.
ג.ב. מוסחנובה ד"ר לספרות, פילולוגית מאוד מפורסמת בדאגסטן ברישומים שלה כתבה: «שי'
ריו של מרדכי אבשלום נכתבו בסגנון כתיבה מסורתי אזרבייג'ני בשם «גושמה» שבו בכל
הבתים שלושת השורות הראשונות מתחרזות והשורה הרביעית תמיד חוזרת על עצמה
ולא מתחרזת לשאר השורות בבית. כל שיריו משולבים יחד מתארים את גורלו המר,
החששות שלו כאסיר, ערגה לקרוביו ולמקום מולדתו והתאבלות על מצבו העגום. שיריו
היו רוויים בתכנים פסיכולוגיים וליריים».

מרדכי אבשלום סיבירי משורר מרדן 1860-1925

ביצירותיו של מרדכי ניתן לציין מספר נושאים קבועים: חוסר צדק סוציאלי (אי צדק חברתי), אהב' תו לאשתו הראשונה נרגוז, אהבתו לעיר מולדתו דרבנט. ונושא נוסף שהופיע אחרי תקופת המהפכה. הוא החל לכתוב שירים בעלי תוכן פוליטי שבהם הוא חרג מכתבתו האופיינית בסגנון «גושמה» וכל שיר כזה היה יותר דומה למניפסט. כאן ניתן לראות את השינוי שעבר מדרכי, הוא גיבש לעצמו השק' פת עולם ברורה והאני מאמין שלו. ביצירות האלה ניתן להבחין בהשפעתם של האסירים הפוליטיים מרוסיה שאיתם מרדכי בא במגע כאשר ריצה את מעצרו בסיביר.

«מתוך נאום לצבא האדום לפני המלחמה»

נרומם את רוחנו ונצא אל הקרב
ובעזות נפש נלחם באויב
כרתנו ברית אחים ובכוח הנפש נלחמים
יהודים, אברצים, לסגינים, גדג'ארים.

ללא הגזמה אפשר לומר כי מרדכי הוא תופעה, תופעה סוציאלית, תרבותית ופוליטית. הוא אחד מאבות התרבות של היהודים ההרריים. בעקבות חוסר המלומדות והאדישות מחד גיסא וקנאה ורדיפת בצע מאידך גיסא, שמו של המשורר הדגול היה מחוק מההיסטוריה עשורים רבים. אבל כמו שאמר בספרו מ. בולגקוב «כתבי עט לא נשרפים». וזו האמת. כתבי העט של מרדכי «לא נש' רפו», שמו לא נשכח הוא מוכר ומוערץ לא רק בקרב עמו. שמו מוזכר בהרבה אנציקלופדיות כגון: אינציקלופדיה יהודית קצרה הכתובה בשפה הרוסית שיצא לאור בשנת 1982 והופצה בישראל ובארה"ב, אינציקלופדיה יהודית של רוסיה שיצא לאור בשנת 1995 ועוד הרבה ספרים אחרים. על מרדכי אבשלום עדיין כותבים, ימשיכו לכתוב וזה כבר בלתי נמנע.

מרדכי ההגון- אגדה עממית

היו היה איש עני ולו שלושה בנים קטנים, אבל הוא היה דל אמצעים והתקשה לכלכל אותם. ביום מן הימים כאשר נשאר למשפחה רק מעט סובין, העני פנה לאשתו ואמר: אני הלך לחפש פרנסה. במידה ואשאר בחיים אחזור ואחבק אותך, אך אם אהרג אז זהו גורלנו. את בזמן הזה תאפי מהסובין לביבות ותאכילי את הילדים.

האישה אפתה לביבות מהסובין, חלק נתנה לבעלה לדרך ואת השאר השאירה לילדים. העני חיבק את אשתו, נישק את הילדים ויצא לדרך. עד מהרה הוא צעד בדרכים לכיוון העיר דרבנט. הימים היו קרים, אך העני היה לבוש בחלוק קרוע, ללא כובע ונעליים. אחרי הליכה מרובה הוא הגיע לחומה של העיר דרבנט. דחף העני את שערי הברזל אך האלה קפאו ולא נפתחו, אז הוא החליט לרדת למטה לשכונות הסמוכות.

באותה תקופה חיי דרבנט אדם מאוד עשיר, בק (שליט) עבדולה, והעני מצא עצמו מול ביתו. מסתכל העני ונגלת לעיניו התמונה הבאה: עבדולה יושב עם אשתו במרפסת, מולם

דפק בחלון וחיכה לתשובה. בזמן הזה עבדולה אכל את ארוחת הבוקר שלו. כאשר שמע את הדפיקות קרא לאחד ממשרתיו ואמר:
 לך תראה מי שם, אם הוא לבוש טוב אתה רשאי להכניסו ואם הוא לבוש סחבות, תגרש אותו מפה!
 אמר בפקודה.
 המשרת פנה לכיוון השער ושאל:
 מי שם?
 אני, העני, שבק שלח לים לכל הלילה. אני נשארתי במים עד הבוקר ועכשיו הגעתי בשביל לקבל את ה-100 מטבעות שהבטיח לי.
 המשרת דיווח על כך לעבדולה.
 איך לעזאזל הוא הצליח לשרוד בקור הזה! – צעק עבדולה.
 אבל הם חתמו על חוזה ובק מחויב לתת לעני 100 מטבעות. עבדולה היה מאוד קמצן ולא רצה להיפרד מהכסף שלו.
 אני מעדיף להרוג אותו מאשר לתת לו את הכסף – אמר עבדולה לאשתו.
 קרא לעני ואמר לו:
 אני מתקשה להאמין שבקור הזה הצלחת להיות כל הלילה במים. תודה איך הצלחת לרמות את המ' שרתים שלי? אם לא תגלה לי את האמת – אני אערוף את ראשך!
 תקרא למשרתיך, תשאל אותם! – צעק העני. – הם לא הורידו ממני את העיניים!
 בק עבדולה קרא למשרתים ושאל אותם:
 איך הוא הצליח לשרוד? ספרו לי! הוא רימה אתכם?
 המשרתים סיפרו לבק הכול כפי שהיה, אך הוא המשיך לצעוק:
 הוא רימה אתכם!
 אז אחד המשרתים אמר להגנתו:
 לקראת הבוקר באחד הבתים הדליקו עששית, האור ממנה הגיע עד הים. אני ראיתי איך העני משך ידיים לאור וצעק: «אש, אש!» אך מהמים הוא לא יצא. זה בטוח, ראינו במו עינינו.
 המשרת השני חיזק את דבריו:
 כן, כן את זה גם אני ראיתי.
 ואז בק עבדולה צעק על העני:
 אז מסתבר שהתחממת מהאש? ואתה עוד מעז לדרוש את הכסף? איזה מנובל אתה! תעוף מפה שקרן!
 אחרת אני אערוף לך את הראש!
 מה נשאר לעני לעשות? לא נשארה לו ברירה, הוא הלך. הרי לא לחוזה ולא לאלוהים אין כל משמעות לאנשים כמו בק. הם שולטים ומה שנשאר לעני זה לסבול ולשתוק.
 מהבית של עבדולה העני הלך לראש העיר. ההוא הקשיב לסיפורו של העני ואומר:
 עבדולה צודק בהחלט, הרי אתם סיכמתם שאתה לא תתחמם משום דבר, אתה שיקרת לו ובכל זאת התחממת מהאש של העששית. אני לא יכול לעזור לך בדבר.
 העני ניסה להוכיח את צדקתו אך ראש עיר סילק אותו החוצה.
 העני צעד לכיוון השכונה היהודית ובדרך נתקל במרדכי אבשלום בכבודו ובעצמו. מהאדם הזה פחדו כולם, העשירים, בק ואפילו ראש העיר. לא היה בן אדם שהעז להתחיל איתו

מרדכי אבשלום סיבירי משורר מרדן 1860-1925

ויכוח. והוא לא פחד מאף אחד. חשוב לציין כי מרדכי תמיד ובכל דבר היה הגון, וכאשר ראה את הענייחף שאל אותו:

מה קרה לך? אתה כל כך חיוור כאילו קמת מהמתים.

העניי סיפר לו הכול כפי שהיה. למשמע דבריו מרדכי אבשלום הזמין אותו לביתו, נתן לו בגדים יבשים, הושיב אותו מול האח וביקש מאשתו להאכיל את האורח ולתת לו תה חם. באותו זמן הוא שלח ילדים עם מכתב לבק ולראש העיר. במכתב נאמר: «אני מזמין אתכם להתארח אצלי בבית, יש עניין לטפל בו. לא תגיעו – אפגע מאוד». ראש העיר ובק עבדולה קראו את המכתב ויצאו לדרך.

איזה עניין עוד הפעם יש לך? נו תגיד! ראש העיר צעק עוד לפני שהספיק להיכנס לבית.

קודם כל תישבו אני אכבד אתכם בפילף (תבשיל אורז עם בשר) – ענה מרדכי.

ראש העיר ובק התיישבו וחיכו. המארח שותק והם שותקים. הרבה זמן ישבו בדממה.

נו איפה הפילף שלך, מה הוא עדיין לא מוכן? – אמרו בתדהמה האורחים הרעבים.

מרדכי אבשלום ענה:

בואו נשלח את בק עבדולה לבדוק בחדר השני אם הפילף מוכן.

בק עבדולה הלך לחדר השני וראה: בתנור במקום עצי הסקה בוערים עומדת עששית דולקת והסיר עם הפילף עומד בפנינת החדר. הוא אמר בפליאה:

היי מרדכי, הסיר עם הפילף עומד בכלל בפניה ובתנור במקום עצי הסקה עומדת עששית.

אם ככה אתה מבשל את הפילף, הוא לא יהיה מוכן עד המוות שלנו! – צעק ראש העיר.

מרדכי אבשלום אמר:

אני חושב שגם אחרי המוות שלכם הוא לא יהיה מוכן.

ראש העיר ובק עבדולה הסתכלו אחד על השני ומרדכי המשיך בדבריו:

אם האורז בפניה לא יכול להתבשל מהעששית שבתנור, איך העניי יכול היה להתחמם מהעששית שראה בחלון?

בק עבדולה וראש העיר שתקו. מה כבר הם יכלו להגיד? כמובן אם במקום מרדכי אבשלום היה מי־שהו אחר, הם כבר היו מוצאים מה להגיד. אבל במצב הזה....

תענו לי! – אמר בקשיחות מרדכי.

לא נותרה להם ברירה והם היו חייבים להסכים כי העניי לא יכול היה להתחמם בים מהעששית. אז

מרדכי אבשלום אמר:

לכן על פי ההסכם בק עבדולה חייב לעניי 100 מטבעות ובנוסף 100 מטבעות כפיצוי על השקר.

עבדולה התנגד אך מרדכי הזהיר אותו:

תעז להגיד לא, אתה תצטער על זה.

עבדולה מאוד לא רצה לתת לעניי 200 מטבעות אך לא הייתה לו אפשרות להימנע מהתשלום והוא היה

חייב לתת. בק הקמצן ידע שמרדכי לא יסבול חוסר צדק.

כך העניי קיבל את כספו, אמר תודה למרדכי ומיהר לחזור לביתו בכפר. בק הקמצן וראש העיר

שתמדך בו, גם הם הלכו לבתיהם כועסים ומקללים את מרדכי. הלוואי שכל הקללות אשר יצאו

מהפה שלהם לעבר מרדכי אבשלום, ימצאו את יעדן במקללים עצמם ובאויבנו, ואת מרדכי

אבשלום ואותנו יקיפו רק ברכות ואיחולים לבביים.

מרדכי אבשלום סיבירי משורר מרדן 1860-1925

מרדכי אבשלום

